
ГЕНДЕРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДИКА

ББК 60.542+88.53

И. С. Клецина

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЙ ГЕНДЕРНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СФЕРЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО И ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

Гендерные исследования относятся к числу динамично развивающихся отраслей научного знания. В них находят отражение многие проблемы, обусловленные трансформациями в общественной и частной жизни людей, находят отклик многие вызовы, с которыми сталкивается современное общество.

Российскими учеными гендерные исследования проводятся второе десятилетие. *Гендерные отношения* — один из феноменов гендерной проблематики, в котором наиболее явно отражается специфика всего гендерного научного направления как междисциплинарной сферы знания, сориентированной на анализ явлений, связанных с гендерным неравенством. Основа методологии гендерных исследований — анализ власти и доминирования, утверждаемых в обществе через гендерные роли и отношения [51]. При изучении гендерных отношений особенно важны такие аспекты проблемы гендерного неравенства, как установление закономерностей функционирования явлений гендерного неравенства в сфере отношений разных типов, определение причин их возникновения, путей и способов устранения существующего гендерного неравенства.

Тема гендерных отношений в гендерных исследованиях имеет особое значение, поскольку, представляя собой сложный, многоуровневый и многоплановый феномен, они аккумулируют практически все основные проблемы, характерные для формирования и развития взаимоотношений современных мужчин и женщин. Изучение гендерных отношений позволяет представить комплексную картину ролевого поведения, а также социальных и психологических позиций мужчин и женщин как субъектов отношений в разных сферах жизнедеятельности.

Тематика гендерных отношений весьма актуальна не только с научной точки зрения, она также имеет большое практическое значение. Результаты изучения гендерных отношений могут быть использованы при формировании государственной гендерной политики; в сфере гендерной статистики; в государственном управлении при разработке концепций гендерной, семейной, де-

мографической политики; при проведении гендерной экспертизы законодательства, СМИ, учебно-методических материалов; в сфере деятельности социальных и психологических служб помощи населению и др.

Цель данной статьи — на основе анализа научных текстов гендерной направленности выявить основные тенденции в отечественных исследованиях гендерных отношений и наметить перспективы изучения последних.

Для анализа были отобраны наиболее значительные публикации по проблеме гендерных отношений: монографии, авторефераты кандидатских и докторских диссертаций, статьи из рецензированных журналов, статьи ведущих специалистов по гендерным исследованиям, опубликованные в сборниках научных трудов. Обзор показал, что в основном гендерные отношения изучались представителями социологической и психологической сфер знания. Это обусловлено тем, что социальные группы, образованные по признаку пола, являются объектами социологии и психологии, а в категориальный аппарат психологии и социологии давно включена категория «отношения», отражающая разнообразную феноменологию разных типов отношений между индивидуальными и групповыми субъектами.

Количественный анализ публикаций показывает, что исследований гендерных отношений, выполненных социологами, заметно больше, чем психологических работ. Этому способствует прежде всего тот факт, что социология — отрасль знания, в которой гендерные исследования начались раньше и развиваются более интенсивно по сравнению с другими сферами научного знания.

Первые работы, в которых используется термин «гендерные отношения» и описаны результаты исследований этого сложного и многоаспектного феномена, появились в конце 90-х гг. [8, 9, 11, 14, 41, 50]. В этих публикациях анализировались результаты изучения социальных аспектов пола, научные предпосылки возникновения гендерного направления в социологии и психологии, обсуждались отдельные темы, каким-либо образом связанные с гендерными отношениями. Однако в работах не раскрывались содержательные характеристики феномена «гендерные отношения», не предлагалось определение этого понятия, мало внимания уделялось теоретико-методологическим основаниям изучения гендерных отношений и анализу причин основных проблем в этой сфере.

Феномен гендерных отношений трактовался весьма широко, к проблеме гендерных отношений были отнесены все сюжеты, в той или иной мере связанные с ситуациями неравенства по признаку пола, различиями между мужчинами и женщинами в социальных и психологических характеристиках, с особенностями функционирования мужчин и женщин в разных социальных институтах и организациях.

Начиная с 2000 г. отмечается заметный рост количества работ гендерной направленности, в том числе это касается исследований гендерных отношений. В этот период были опубликованы такие значимые для изучаемой проблематики работы, как учебное пособие «Социология гендерных отношений» [51], монография «Психология гендерных отношений: теория и практика» [27], сборник научных трудов «Гендерные отношения в современной России: исследования 1990-х годов» [9]. Также было защищено несколько диссертаций, где гендерные отношения выступали основным предметом исследования [26, 29, 31, 43, 59].

Содержательный анализ вышеперечисленных работ позволяет сделать ряд обобщений, которые проясняют основные тенденции отечественных исследований гендерных отношений. При анализе учитывался перечень вопросов, значимых при изучении любого феномена, исследуемого в социологии и психологии: сущностные характеристики и структура, виды и уровни проявления, динамика и диагностика.

1. По сравнению с первыми работами в области гендерных отношений в публикациях XXI столетия было конкретизировано понятийное поле изучения гендерных отношений. Содержательные характеристики гендерных отношений раскрываются через широкий спектр понятия; кроме основных категорий «гендерное неравенство» и «гендерное равенство», широко используются такие понятия, как «гендерная стратификация», «гендерная дифференциация», «гендерная система», «гендерный порядок», «гендерный уклад», «гендерная композиция», «гендерный режим», «гендерная асимметрия» [18, 29, 51], «дисбаланс в гендерных отношениях», «гендерная диспропорциональность и асимметричность», «гендерная депривация» [59]. В большинстве работ в качестве предмета исследования при изучении гендерных отношений рассматривается специфика *социальных ролей* и *статусных позиций* женщин и мужчин [27, 31, 43, 59].

Обозначение границ предметного поля для изучения гендерных отношений позволило дать ответ на принципиальный для теоретического и эмпирического исследования гендерных отношений вопрос о параметрах анализа и показателях, на основе которых выявляются сущностные характеристики гендерных отношений. В качестве основных параметров анализа использовались: дифференцированность ролей и иерархичность статусов субъектов гендерных отношений [26]; позиции власти и подчинения мужчин и женщин как субъектов гендерных отношений [59]; выраженность гендерной асимметрии в приватной (семейно-бытовой), публичной (социально-экономической и политической) и символично-коммуникативной сферах функционирования общества [29]; положение мужчин и женщин в системе отношений в разных социальных структурах с точки зрения гендерной асимметрии и с точки зрения равных возможностей для женщин и мужчин в отдельных сферах жизнедеятельности [45].

В конкретных работах используемые для анализа гендерных отношений параметры имеют свою специфику, обусловленную целями исследования, однако все параметры объединяет общая позиция, связанная с выявлением фактов, тенденций, закономерностей, проясняющих ситуацию неравенства/равенства в сфере гендерных отношений.

2. Выделение и описание предметного поля гендерных отношений позволило дать определение феномену «гендерные отношения» и показать специфику его функционирования. «*Гендерные отношения* (gender relationships) — тип отношений, в настоящее время характеризующийся неравным распределением власти между женщинами и мужчинами как гендерными группами» [6, с. 463]. В этом определении подчеркиваются следующие особенности: во-первых, это отношения *между* субъектами мужского и женского пола, во-вторых, для данного типа отношений характерно наличие неравенства позиций. Из этого следует, что при анализе гендерных отношений в поле зрения исследователей должны попадать также и характеристики субъектов отношений, а не

только содержательная составляющая самих отношений. Эта мысль подчеркивается в работе А. В. Ростовской: «Положение о том, что гендерные отношения существуют благодаря двум субъектам, зачастую исследователями забывается, а потому гендерная проблематика нередко сводится к констатации отношений власти и подчинения. Именно поэтому, на наш взгляд, первостепенную важность имеют субъекты гендерных отношений как детерминанты процесса изменения/сохранения сценариев взаимоотношения полов» [48, с. 223].

Исследование гендерных отношений должно включать изучение *объективной* стороны отношений, представленной стилями, моделями, сценариями, практиками отношений, и *субъективной* стороны, т. е. тех гендерных представлений, стереотипов, установок, носителями которых являются субъекты отношений. Эти гендерные характеристики субъектов выступают в роли детерминант отношений, определяя содержательные составляющие гендерных отношений (стратегии, типы, модели, стили).

Итак, гендерные отношения анализируются как реальные практики и модели межполового взаимодействия, соотносимые с существующими в сознании субъектов гендерными представлениями, стереотипами, установками. Через эти корреляты изучаемые отношения описываются и анализируются, что и позволяет раскрыть их специфику и построить прогноз развития. Так, в ряде сочинений объективная и субъективная стороны гендерных отношений включены в концептуальную схему исследования и авторы строят свои работы на анализе их взаимосвязи [5, 7, 17, 28, 36, 40, 49, 53, 58]. Однако зачастую субъективная сторона гендерных отношений не принимается во внимание и исследования проводятся без учета гендерных характеристик субъектов отношений.

3. Во всех исследованиях, где в качестве предмета изучения выступают гендерные отношения, подчеркивается их разноуровневая представленность и функционирование в разных сферах общественной и частной жизни [19, 31, 43, 59]. Гендерные отношения, воспроизводимые на микро- и макроуровнях, детерминированные ценностными ориентациями, социальной ролью и статусом личности, проявляются в экономической, правовой, социальной, политической и нравственной сферах общества [31]. Гендерные отношения рассматриваются как один из значимых аспектов отношений между мужчиной и женщиной в различных социальных сферах, в сфере управления и политики, в семье [43]. В публичной сфере анализируются гендерные отношения в экономике, политике, идеологии и культуре; в приватной сфере предметом анализа становятся семейно-брачные, дружеские и сексуальные отношения [18, 19].

В большинстве проанализированных работ подчеркивается, что гендерные отношения должны изучаться на макро- и микроуровнях, однако в предыдущих работах автора данной статьи было предложено обоснование необходимости рассматривать гендерные отношения на четырех уровнях социальной реальности, т. к. они встроены в широкий класс общественных, межгрупповых, межличностных отношений; они также включены и в самоотношение личности.

На *макросоциальном уровне* гендерные отношения анализируются в системе «группа мужчин или женщин — общество (государство)». На *мезоуровне* (межгрупповое взаимодействие) анализ гендерных отношений осуществляется в системе «группа мужчин — группа женщин». На *микроуровне* в

сфере межличностных отношений объектом анализа является система «личность — личность», где взаимодействующие личности имеют противоположный пол. На *внутриличностном уровне* объектом анализа становится самоотношение личности как субъекта определенного пола [26].

4. Следующий важный результат, полученный в процессе анализа исследований гендерных отношений, связан с обозначением *теоретико-методологических* оснований их изучения. В большинстве работ исследователи гендерных отношений апеллируют к *социально-конструктивистской или структурно-конструктивистской парадигмам*, которые занимают доминирующие позиции в гендерных исследованиях [19, 26, 29, 31, 43, 59].

Социально-конструктивистская парадигма в гендерно-ориентированной тематике представлена *теорией социального конструирования гендера* [62]. В рамках этой теории гендер понимается как организованная модель социальных отношений между мужчинами и женщинами, конструируемая не только основными институтами общества, но и самими индивидами. Основное положение теории социального конструирования гендера о том, что отношения между полами социально сконструированы, основано на отрицании биологического детерминизма.

Применение структурно-конструкционистской парадигмы в гендерных исследованиях связано с акцентированием взаимообусловленности структур и практик, формирующих гендерный порядок в обществе. «Предметом изучения становятся индивидуальные и групповые стратегии, ограниченные институциональными условиями и изменяющие их» [18, с. 13]. Структурно-конструкционистский подход позволяет анализировать гендерные отношения как процесс взаимодействия агентов и социальных структур.

Вероятно, в дальнейших исследованиях гендерных отношений при сохранении базовой методологии будет расширен спектр используемых концепций и подходов. Так, в статье Е. Здравомысловой и А. Темкиной подчеркивается, что аналитический аппарат гендерной теории не является устоявшимся, а поиск наиболее адекватных терминологических средств для описания исследовательского поля продолжается [18, с. 14].

5. В работах, раскрывающих специфику гендерных отношений, авторы часто обращаются к описанию гендерных феноменов, таких как гендерный контракт, профессиональная сегрегация, полоролевая дифференциация в семье, гендерная манипуляция, гендерный внутриличностный конфликт и др.

Выделение уровней анализа гендерных отношений позволяет соотнести основные феномены гендерного содержания с конкретными уровнями проявления гендерных отношений, тем самым упорядочивая и структурируя имеющиеся материалы изучения гендерных отношений и обозначая ориентиры дальнейших исследований.

На *макроуровне* основным феноменом, аккумулирующим специфику гендерных отношений, является *гендерный контракт* как доминирующий в обществе тип гендерных практик и репрезентаций [51, с. 260]. Его исследованию посвящены работы С. Г. Айвазовой, А. А. Темкиной и А. Роткирх, Н. И. Непочетой и др. [2, 32, 37, 38, 54].

С явлением гендерного контракта тесно связаны вопросы *гендерной идеологии и гендерной политики* Российского государства и их влияния на процессы, происходящие в общественных отношениях, а также в жизни отдельных мужчин и женщин [23, 24, 60].

Уровень межгрупповых отношений предполагает анализ отношений мужчин и женщин как представителей гендерных групп в разных профессиональных организациях, образовательных структурах, политических объединениях, средствах массовой информации. Функционально-ролевой характер этих гендерных отношений находит отражение в изучении таких феноменов, как профессиональная сегрегация [16, 20, 42, 44, 56], «стеклянный потолок» [22], гендерные барьеры на пути профессиональной самореализации [12, 13], гендерная стереотипизация отношений в СМИ [1, 35, 52].

На уровне межличностных отношений анализируется взаимодействие между близкими людьми разного пола, это дружеские, любовные, семейно-брачные отношения. Гендерная составляющая межличностных отношений проявляется в следующих феноменах: гендерная манипуляция, полоролевая дифференциация в семье, гендерная иерархия в семье, насилие в семье по гендерному признаку [3, 4, 25, 34, 63].

Внутриличностный уровень анализа гендерных отношений отличается от других тем, что в субъективном личностном пространстве, ограниченном Я-концепцией личности, «участниками» (*субъектами*) отношений выступают две ее подструктуры, или две ее составляющих: индивидуальная и социальная. Собственно гендерный контекст самоотношения и *специфика его проявления* раскрываются при соотнесении подструктур «Я как индивидуальность» — «Я как представитель гендерной группы», т. е. через анализ соотнесения внешней, социальной оценки, получаемой личностью в процессе взаимодействия с другими людьми, и собственной оценки себя как носителя гендерных характеристик и субъекта поло-специфичных ролей. Широко представленные в общественном сознании нормативные эталоны «настоящий мужчина» и «настоящая женщина», «мужчина должен быть...» и «женщина должна быть...» побуждают мужчин и женщин оценивать себя с точки зрения соответствия этим эталонам. Результат сравнения себя как индивидуальности и себя как носителя типичных качеств, характерных для представителей гендерной группы, может либо удовлетворять, либо не удовлетворять субъекта, что, несомненно, будет отражаться на отношении личности самой к себе (самоотношении). Внутриличностные гендерные конфликты и кризисы маскулинности или фемининности — это основные гендерные феномены внутриличностного уровня анализа гендерных отношений [33, 39, 61].

Анализ показывает, что внимание исследователей сосредоточено преимущественно на описании содержания основных гендерных феноменов, но мало внимания уделяется более детальному анализу причин их возникновения, а также систематизации путей и способов оптимизации гендерных отношений в ситуациях взаимодействия разных субъектов. В ряде работ последних лет эти проблемы стали выступать в качестве предмета изучения, однако таких исследований пока мало [21, 22, 39, 57].

6. Гендерные отношения — сложное социально-психологическое явление, подверженное влиянию изменяющихся социальных, культурных условий

и психологических факторов. Поэтому гендерные отношения должны изучаться как трансформирующееся явление в изменяющейся социальной реальности. Стратегические цели трансформации гендерных отношений состоят в изменении культуры взаимодействия полов, замене отношений иерархии на отношения партнерства, привнесении в общественное сознание эгалитарных гендерных представлений и установок [31].

Динамический аспект гендерных отношений иногда учитывался, но в последние годы в России не проводилось их масштабных исследований, позволяющих дать актуальную характеристику содержания, определить тенденции развития, а также пути и способы их оптимизации. Так, в рамках Международной программы «Поколения и гендер» несколько лет назад в России было проведено масштабное социально-демографическое исследование «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе» [46, 47], однако в опубликованных результатах информация собственно о гендерных отношениях не представлена.

Имеющиеся исследования трансформаций гендерных отношений либо касаются конца 90-х гг. XX в. — начала XXI в. [31, 55], либо посвящены динамике гендерных отношений в отдельных сферах жизнедеятельности [10] или регионах страны [15, 30].

Недостаточная изученность динамики гендерных отношений отечественными представителями социологической и психологической науки, возможно, связана с недостаточной разработкой теоретико-методологических оснований, конкретных концептуальных моделей и технологий для организации и проведения исследований.

7. Что касается методической стороны изучения гендерных отношений, то оказалось, что, как правило, используются количественные и качественные методы; это касается и социологических и психологических разработок. Использование качественных и количественных методов при изучении проблемы взаимоотношения полов позволяет рассмотреть ее в разных срезах, получая тем самым многомерное, объективное представление о протекающих в данной области процессах [48].

Динамика количества работ, посвященных изучению гендерных отношений, опубликованных в последние годы, позволяет говорить о том, что, несмотря на высокую социальную значимость тематики гендерных отношений (социальное неравенство по признаку пола в общественной и частной жизни), интерес к этой проблеме у современных отечественных исследователей существенно снизился.

Итак, анализ работ позволяет выделить перечень актуальных проблем, которые находят отражение в сфере гендерных отношений: несформированность в общественном сознании (в частности, у руководителей высшего ранга) эгалитарных представлений в отношении женщин-политиков и женщин-руководителей высшего звена; вертикальная и горизонтальная гендерная сегрегация рынка труда; распространение социально-психологических барьеров на пути самореализации женщин в профессиональной деятельности и самореализации мужчин в сфере семейных отношений; демонстрация гендерно-неравных отношений в средствах массовой информации и рекламе; широкое

распространение доминантно-зависимой модели гендерных отношений по сравнению с партнерской моделью; высокая конфликтность в межличностных гендерных отношениях; неравномерный характер распределения семейных обязанностей между супругами; распространение женской/мужской манипуляции при помощи гендерных стереотипов; распространенность домашнего насилия по гендерному признаку и др.

В качестве перспективных тенденций исследований гендерных отношений можно предложить следующее:

— концентрировать свое внимание не столько на описании конкретного феномена, сколько на анализе причин его возникновения и последствиях его влияния на характеристики субъектов и качественные параметры гендерных отношений;

— уделять больше внимания феноменам гендерного содержания, положительным с точки зрения стилей, моделей отношений, основанных на гендерной компетентности субъектов отношений;

— учитывая сложность и многоаспектность феномена гендерных отношений, при организации исследования необходимо конкретное указание и описание того уровня (или уровней) функционирования гендерных отношений, который непосредственно изучается;

— важно изучать реальные практики отношений во взаимосвязи с субъективной составляющей (гендерными характеристиками субъектов отношений);

— учитывать взаимосвязь гендерной составляющей отношений с другими их характеристиками (видами, аспектами): этнической, возрастной, региональной.

Библиографический список

1. Ажгихина Н. И. Гендерные стереотипы в современных массмедиа // Гендерные исследования. 2000. № 5. С. 261—273.
2. Айвазова С. Г. Контракт «работающей матери»: советский вариант // Гендерный калейдоскоп : курс лекций / под общ. ред. М. М. Малышевой. М. : Academia, 2002. С. 291—309.
3. Аносова Н. Склонность к манипулированию как параметр межличностных отношений: гендерный аспект // Вариации на тему гендера : материалы III межвуз. конф. молодых исследователей «Гендерные отношения в современном российском обществе» / отв. ред. Т. А. Мелешко, М. В. Рабжаева. СПб. : Алетейя, 2004. С. 216—220.
4. Балабанова Е. С. Домашний труд как символ гендера и власти // Социол. исслед. 2005. № 6. С. 109—120.
5. Болдырева О. И. Влияние гендерных установок на выбор студентами модели семьи : автореф. дис. ... канд. психол. наук. Курск, 2006. 23 с.
6. Воронина О. А. Глоссарий по гендерному образованию // Гендерные исследования : региональная антология гендерных исследований из восьми стран СНГ: Армении, Азербайджана, Грузии, Казахстана, Кыргызстана, Молдовы, Таджикистана и Узбекистана. М. : Вариант : ИСПИ, 2006. С. 443—511.
7. Гафизова Н. Б., Королева Т. В. Гендерные стереотипы в современной провинциальной семье : (на примере Ивановской области) // Женщина в российском обществе. 2001. № 3/4. С. 50—53.

8. Гендерные отношения в России: история, современное состояние, перспективы : материалы Междунар. науч. конф. Иваново : Юнона, 1999. 307 с.
9. Гендерные отношения в современной России : исследования 1990-х годов : сб. науч. ст. / под ред. Л. Н. Попковой, И. Н. Тартаковской. Самара : Самарский ун-т, 2003. 334 с.
10. *Герbach Ж. В.* Динамика гендерных отношений военнослужащих Российской армии // Мир образования — образование в мире. 2010. № 3. С. 16—22.
11. *Голод С. И.* Российское население сквозь призму гендерных отношений // Качество населения Санкт-Петербурга II / отв. ред. Б. М. Фирсов ; С.-Петербург. филиал Ин-та социологии РАН. СПб., 1996. С. 187—210.
12. *Гончарова А. А.* Социально-психологические барьеры, препятствующие построению карьеры женщин : на примере службы занятости по Московской области : автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2004. 27 с.
13. *Гончарова Н. В.* «Игры» для мальчиков : (гендерные аспекты реализации карьерных притязаний) // Социол. исслед. 2003. № 1. С. 83—91.
14. *Гурко Т. А.* Социология пола и гендерных отношений // Социология в России / под ред. В. А. Ядова. М. : Ин-т социологии РАН, 1998. С. 173—195.
15. *Дежина Т. П.* Трансформация гендерных стереотипов в семейных практиках жителей Дальнего Востока : автореф. дис. ... канд. социол. наук. Хабаровск, 2007. 24 с.
16. *Задорожникова Е. Б.* Гендерное неравенство в сфере занятости // Женщина в российском обществе. 2005. № 1/2. С. 91—100.
17. *Заев С. В.* Взаимосвязь супружеских сценариев и гендерных характеристик личности в процессе семейного самоопределения молодежи : автореф. дис. ... канд. психол. наук. Краснодар, 2006. 26 с.
18. *Здравомыслова Е., Темкина А.* Понятийное поле исследования гендерных отношений // Гендерные отношения в современной России : исследования 1990-х годов : сб. науч. ст. / под ред. Л. Н. Попковой, И. Н. Тартаковской. Самара : Самарский ун-т, 2003. С. 10—22.
19. *Здравомыслова Е. А., Темкина А. А.* Социология гендерных отношений и гендерный подход в социологии // Социол. исслед. 2000. № 11. С. 15—24.
20. *Иванова Н. А.* Гендерное неравенство в системе политической власти : автореф. дис. ... канд. социол. наук. СПб., 2005.
21. *Ильиных С. А.* Гендерная асимметрия: причины и основные пути ее преодоления : автореф. дис. ... канд. социол. наук. Новосибирск, 2004. 18 с.
22. *Капусткина Е.* Как разбить «стеклянный потолок»: стратегии карьерного продвижения женщин // Гендерные разнотечения : материалы IV межвуз. конф. молодых исследователей «Гендерные отношения в современном обществе: глобальное и локальное» / отв. ред. М. В. Рабжаева. СПб. : Алетейя, 2005. С. 27—35.
23. *Кашина М. А.* Гендерно-ориентированная социальная политика // Управленческое консультирование. 2010. № 1. С. 145—163.
24. *Кашина М. А., Юкина И. И.* Российская демографическая политика: опыт гендерного анализа // Журнал социологии и социальной антропологии. 2009. Т. 12. № 1 (46). С. 109—123.
25. *Клецина И. С.* Психологическое насилие в гендерных межличностных отношениях: сущность, причины и последствия // Жизнь без насилия : материалы науч.-практ. семинара «Домашнему насилию НЕТ» / под ред. С. Л. Акимовой. СПб. : Островитянин, 2009. С. 7—30.
26. *Клецина И. С.* Психология гендерных отношений : автореф. дис. ... д-ра психол. наук. СПб., 2004. 39 с.

27. Клецина И. С. Психология гендерных отношений: теория и практика. СПб. : Алетейя, 2004. 408 с.
28. Клецина И. С., Прохорова О. Л. Гендерная компетентность: психологическое содержание и специфика проявления в межличностных отношениях // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2010. Т. 5, № 2 : Психология. С. 38—50.
29. Клименко Л. В. Гендерные отношения в контексте социальной динамики традиционных культур народов Северного Кавказа : автореф. дис. ... канд. социол. наук. Ростов н/Д, 2004. 26 с.
30. Клименко Л. В. Современные тенденции динамики гендерных отношений на Северном Кавказе // Журнал социологии и социальной антропологии. 2012. Т. 15, № 2. С. 39—56.
31. Королева С. В. Трансформация гендерных отношений в современном российском обществе : автореф. дис. ... канд. социол. наук. М., 2006. 25 с.
32. Кривцова И. В. Семьи военнослужащих: трансформация гендерного контракта : на примере семей военнослужащих ДВО : автореф. дис. ... канд. социол. наук. Хабаровск, 2004. 22 с.
33. Кулагина Н. В. Внутриличностный гендерный конфликт профессиональной роли : автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2009. 27 с.
34. Лыткина Т. С. Домашний труд и гендерное разделение власти в семье // Социол. исслед. 2004. № 9. С. 85—90.
35. Малышева Н. Г. Гендерные стереотипы в молодежных средствах массовой коммуникации : автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2008. 27 с.
36. Махакова Л. С. Влияние гендерных стереотипов персонала по отношению к руководителю на принятие ценностей организационной культуры : автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2007. 20 с.
37. Нартова Н. А. Гендерный контракт современного российского общества и неконвенциональные гендерные идентичности // Женщина в российском обществе. 2008. № 3. С. 56—64.
38. Непочетая Н. И. Гендерный контракт женщин на военной службе в России : история и современность в социологическом освещении : автореф. дис. ... канд. социол. наук. СПб., 2004. 24 с.
39. Никуленкова О. Е. Гендерные особенности внутриличностных конфликтов в студенческом возрасте и их предупреждение : автореф. дис. ... канд. психол. наук. Пятигорск, 2010. 23 с.
40. Овчинникова В. В. Влияние гендерных установок на взаимоотношения в разнополых воинских коллективах : на примере вузов ФСБ России пограничного профиля : автореф. дис. ... канд. психол. наук. Голицыно, 2006. 25 с.
41. Ожигова Л. Н. Профессиональное самоопределение женщин в контексте проблем гендерных отношений // Психологические проблемы самореализации личности : сб. науч. тр. Краснодар, 1998. Вып. 3. С. 208—215.
42. Олимпиева И. Б., Ежова Л. В. Механизм формирования гендерного неравенства в трудовых отношениях // Журнал социологии и социальной антропологии. 2009. Т. 12, № 1. С. 89—108.
43. Потехина Е. Н. Специфика гендерных отношений в период социальных изменений в России : автореф. дис. ... канд. социол. наук. Н. Новгород, 2003. 24 с.
44. Пятов А. П. Гендерное неравенство в российской науке и высшей школе : автореф. дис. ... канд. социол. наук. Н. Новгород, 2004. 23 с.
45. Римащевская Н. М. Реформирование социальной сферы в контексте гендерных отношений // Гендер как инструмент познания и преобразования общества : матери-

- алы Междунар. конф. «Гендерные исследования: люди и темы, которые объединяют сообщество» / ред.-сост. Е. А. Баллаева, О. А. Воронина, Л. Г. Луныкова. М. : МЦГИ, 2006. С. 58—69.
46. Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе / под науч. ред. Т. М. Малевой, О. В. Синявской ; Независимый институт социальной политики. М. : НИСП, 2007. 640 с.
47. Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе / под науч. ред. С. В. Захарова, Т. М. Малевой, О. В. Синявской ; Независимый институт социальной политики. М. : НИСП, 2009. 336 с.
48. *Ростова А. В.* Методология изучения гендерных отношений // Вестник Самарского государственного университета. 2008. № 63. С. 221—226.
49. *Смирнова А. В.* Представления школьников и студентов о гендерных ролях мужчин и женщин в современном российском обществе // Женщина в российском обществе. 2005. № 1/2. С. 26—33.
50. Социокультурный анализ гендерных отношений : сб. науч. тр. / под ред. Е. Р. Ярской-Смирновой. Саратов : Изд-во Сарат. гос. ун-та, 1998. 208 с.
51. Социология гендерных отношений : учеб. пособие для студентов высших учебных заведений / под ред. З. Х. Саралиевой. М. : РОССПЭН, 2004. 270 с.
52. *Стасенко О. В.* Воспроизведение и формирование гендерных стереотипов средствами массовой коммуникации : автореф. дис. ... канд. социол. наук. Ставрополь, 2004. 24 с.
53. *Суркова И. Ю.* Гендерные стереотипы в повседневных армейских практиках // Социол. исслед. 2008. № 12. С. 104—111.
54. *Темкина А. А., Роткирх А.* Советские гендерные контракты и их трансформация в современной России // Социол. исслед. 2002. № 11. С. 4—15.
55. *Терелецкова Е. В.* Основные тенденции изменения гендерных отношений в условиях трансформации российского общества // Вестник Башкирского университета. 2008. Т. 13, № 1. С. 149—151.
56. *Терехова Е.* Особенности гендерных отношений в системе исправительных учреждений // Гендерные практики: описание, рефлексия, интерпретация : материалы V межвуз. конф. молодых исследователей «Гендерные практики: традиции и инновации» / отв. ред. Т. А. Мелешко, И. И. Юкина. СПб. : Алина, 2007. С. 108—117.
57. *Тулузакова М. В.* Патриархальность и маскулинность как принцип организации гендерных отношений в российском обществе // Вестник Саратовского государственного технического университета. 2011. Т. 4, № 1. С. 233—238.
58. *Тупицына И. А.* Особенности гендерной идентичности старшеклассников в зависимости от опыта взаимоотношений со сверстниками и сверстницами : автореф. дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2004. 22 с.
59. *Фофанова К. В.* Институционализация гендерных отношений в социальной сфере : автореф. дис. ... д-ра социол. наук. Саранск, 2006. 36 с.
60. *Хасбулатова О. А.* Российская гендерная политика в XX столетии: мифы и реалии. Иваново : Иван: гос. ун-т, 2005. 372 с.
61. *Шакирова Г. Ф.* Особенности внутриличностного гендерного ролевого конфликта у мужчин и женщин в условиях современного общества : автореф. дис. ... канд. психол. наук. Казань, 2011. 19 с.
62. *Уэст К., Зиммерман Д.* Создание гендера // Хрестоматия феминистских текстов : переводы / под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной. СПб. : Дмитрий Буланин, 2000. С. 193—219.
63. *Юркова Е.* Гендерные модели дружеских отношений // Вариации на тему гендера : материалы III межвуз. конф. молодых исследователей «Гендерные отношения в

современном российском обществе» / отв. ред. Т. А. Мелешко, М. В. Рабжаева.
СПб. : Алетейя, 2004. С. 180—185.

СОЦИОЛОГИЯ СЕМЬИ

ББК 60.561.51

Ж. В. Чернова, Л. Л. Шпаковская

ДИСКУРСИВНЫЕ МОДЕЛИ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО РОДИТЕЛЬСТВА

Родительство представляет собой сложный культурный феномен, который включает набор практик и смыслов, связанных с детством, воспитанием, взглядами на типы отношений между родителями и детьми, мужчинами и женщинами. Оно также является важным элементом идентичности, структурирующим повседневную жизнь, биографические планы и траектории современных индивидов [2]. Другими словами, родительство — это дискурсивный конструкт, содержащий нормативные представления о родительской роли, когнитивные и эмоциональные оценки практик воспитания и заботы, гендерное разделение родительских обязанностей.

В данной статье в качестве методологической рамки нами используется концепция идеала заботы [5]. Понятие идеала заботы включает конвенциональные разделяемые представления о том, что является «хорошей заботой», кто ее должен выполнять и где она может осуществляться [4, р. 333]. Исследователи, использующие этот подход, обращают внимание на то, что многие политические решения в отношении семьи и детства основаны на социально (вос)производимых идеальных представлениях о том, как должна быть организована в обществе забота о детях. Например, А. Хошильд выделяет четыре модели заботы: традиционную, постсовременную, современную модель холодной заботы и современную модель теплой заботы. Традиционная модель связана с мнением, что забота должна осуществляться женщинами в домашней сфере; постсовременная представлена гендерным контрактом «работающая мать», предполагающим совмещение женщинами родительских и профессиональных обязанностей без дополнительной помощи со стороны государства, мужа или других акторов; современная модель холодной заботы основана на представлении о том, что забота может осуществляться вне семьи профессионалами; современная модель теплой заботы связана с представлением о том, что забота должна осуществляться в семейной сфере благодаря равному участию обоих родителей [3, р. 214—222].

© Чернова Ж. В., Шпаковская Л. Л., 2013

В работе использованы результаты, полученные в ходе выполнения проекта «Родительство в современной России: политика, ценности и практики» в рамках Программы «Научный фонд НИУ ВШЭ» в 2012 году, грант № 12-05-0017. Эмпирические данные включают интервью с 15 отцами и 15 матерями, имеющими детей в возрасте до 10 лет, а также интервью с 20 родителями, являющимися участниками различных родительских сообществ и ассоциаций.

М. Кремер обращает внимание на то, что идеалы заботы выступают моральным основанием для совершения повседневных выборов, кто, как и на каких основаниях должен заботиться, а также как должна быть решена дилемма «забота/оплачиваемая работа». Она выделяет пять идеалов заботы, которые по своему содержанию в целом не слишком отличаются от типологии А. Хошильд [5, р. 263]. Предложенная этими авторами аналитическая схема была использована при разработке методологии проведенного исследования и анализа полуструктурированных интервью с родителями детей дошкольного и младшего школьного возраста.

В ходе анализа интервью были выделены идеал-типические модели родительства. Идеал-типические модели представляют собой субъективные оценки и смыслы практик родительства, которые основаны на индивидуальных интерпретациях имеющихся в обществе идеалов организации заботы о детях. Существенные различия в интервью были обнаружены в рассказах и моральных оценках того, кто являлся/должен являться субъектом заботы, где она осуществляется и должна быть локализована, на каких условиях (платно, на основе родственных связей, поддержки со стороны государства), какова должна быть роль мужчин и женщин, представителей разных поколений семьи, государства и коммерческого сектора в организации заботы о детях.

Понятие идеалов заботы было пересмотрено в соответствии с задачами анализа микроуровня организации и осуществления заботы о ребенке, представленных в родительских нарративах. Мы обращали внимание не просто на то, где, с точки зрения респондентов, должна осуществляться забота, кем и на каких основаниях, но предприняли более детализированный анализ, включающий целый ряд смысловых категорий, используемых в интервью. Анализ интервью показал, что основные системы классификаций строятся вокруг пяти кластеров категорий: 1) брак и отношения с партнером, 2) планирование и рождение ребенка, 3) организация заботы и ухода за ребенком, 4) воспитание и образование ребенка, 5) проблемы и способы совмещения родительства и профессиональной занятости.

Различия в рассказах респондентов об этих аспектах родительства легли в основу выделения идеал-типических моделей родительства. Идеал-типические модели стали результатом аналитического общения и интерпретации значений выделенных кластеров категорий. Данные кластеры являются пересекающимися, классификации могут выстраиваться через сравнения и противопоставления различных практик родительства в ходе жизненного цикла либо через сравнение практик родительства и их идеалов. Идеал-типические модели родительства придают смысл и наполняют содержанием родительские роли (кем должна осуществляться забота о детях, какая забота является хорошей), задают репертуар родительских практик, придают значение этим практикам и эмоционально окрашивают истории, представленные в интервью. Эти модели задают смысловые рамки индивидуальных биографий мужчин и женщин, формируются под влиянием гендерной культуры общества, проводимой государством социальной и семейной политики, дискурсивными предписаниями СМИ и экспертного знания. Таким образом, были выделены следующие идеал-типические модели родительства: 1) родительство как репродукция, 2) родительство как подтверждение ген-

дерно-нормативной роли, 3) родительство как обязанность, 4) родительство как один из жизненных проектов, 5) родительство как сфера самореализации.

Предложенные модели являются гендерно-маркированными. Хотя дискурсивные практики мужчин и женщин в рассказе о родительстве выстраиваются вокруг общих кластеров категорий, некоторые из данных моделей являются более типичными для мужчин, чем для женщин, и наоборот. При этом различные модели родительства часто совмещаются друг с другом в рамках одного интервью, могут характеризовать разные этапы жизненного цикла респондентов и быть представлены в одном нарративе в синхронном и диахронном разрезе повествования.

Родительство как репродукция. Данная модель выстраивается вокруг понимания родительства как естественной функции, связанной с такими категориями, как брак и семья. Родительство представлено как биологически детерминированное, являющееся необходимым и само собой разумеющимся атрибутом определенного этапа жизненного цикла мужчин и женщин. Для этой модели не характерно планирование рождения ребенка, которое как биографическое событие по времени сопряжено с изменением maritalного статуса и часто совпадает с этапом перехода ко взрослым статусам, связанным с окончанием учебы, началом трудовой деятельности и обретением экономической независимости.

Родительские роли выглядят как биологически детерминированные и поляризованные по своему содержанию: женщина «сидит с ребенком», а мужчина «работает». Предполагается, что материнство является естественной функцией и обязанностью женщины, которая выступает основным субъектом заботы о детях. Например, обычной логикой нарратива о материнстве как репродукции является смысловая связка: роды — грудное вскармливание — выполнение всех функций заботы о ребенке. Отец представлен некомпетентным, несведущим субъектом заботы, поскольку он биологически не участвует в процессе рождения-вскармливания ребенка: *«Первый месяц я боялся ребенка. Я сторонился его, такое маленькое, крохотное создание. И все в основном делала жена»* (М., 29 л., женат, дочь 1,7 г.)

Рассказы о репродуктивных планах не включают планирование и рационализацию, а также переговоры с партнером. Наличие детей в семье представляется как данность и результат любовных отношений между партнерами или как нечто, что происходит спонтанно. Следующие примеры из интервью являются типичными для такой модели родительства: *«Мы познакомились. На следующий день мы встретились, потом опять встретились, потом снова встретились, и, повстречавшись около трех с половиной месяцев, мы узнали, что я беременна <...> Естественно, мы не планировали»* (Ж., 22 г., партнерский брак, дочь 1,7 г.).

Проблематика того, какая забота является хорошей, как она должна быть организована, не является актуальной в данной модели. Респонденты не обсуждают принципы организации заботы, не ведут переговоры о переопределении вкладов каждого родителя в уход за ребенком. Отличительная черта модели не столько гендерная поляризация родительских ролей, сколько ее не-переговорный, не-проблематичный, естественный характер.

Эмоциональная тональность родительства как репродукции, как правило, имеет положительную направленность. Поскольку проблематика личного

выбора и личной ответственности за благополучие ребенка не является актуальной, то сожаления о неправильно или нерационально сделанных выборах отсутствуют в нарративах респондентов. Рассказы о родительстве часто позитивно окрашены, поскольку имеют смысл успешно осуществленного этапа жизненного цикла и соответствующей ему деятельности.

Родительство как подтверждение гендерно-нормативной роли вписано в традиционную гендерную культуру, предполагающую четкое разделение мужских и женских ролей. В данной модели материнство является конституирующим элементом нормативной женской идентичности, подтверждающим ее аутентичность. В интервью с матерями распространенным маркером данной идеал-типической модели родительства выступает категория возраста: *«После того как закончили [учебу в вузе], я пошла работать. Коля тоже подрабатывал, пока учился. И решили, что уже пора, уже возраст»* (Ж., 29 л., замужем, дочь 3 л.). Представление о том, что женщина в определенном возрасте должна стать матерью, безусловно, включает обоснования медицинского характера, однако оно также предполагает определенное видение нормативной женственности. Это представление содержится в рассказах о сложностях, связанных с зачатием ребенка, когда респондентки говорят о страхе нереализуемости материнства.

Маскулинность в данной модели выстраивается преимущественно вокруг профессиональной реализации и предполагает выполнение роли «сильного кормильца». Отцы в большей степени акцентируют внимание на своей финансовой состоятельности. Они удовлетворенно говорят о том, что их семья «ни в чем не нуждается», что они могут позволить себе «побаловать ребенка». При этом отцовство на уровне индивидуальной биографии выступает значимым маркером зрелости и настоящей мужественности.

Родительство здесь представлено как гендерно-асимметричный набор ролей, выполняемых мужчинами и женщинами. Материнские роли связаны с осуществлением заботы и ухода за ребенком, женщины активно и интенсивно вовлечены в материнство на протяжении всего периода взросления детей. При этом именно матери приписывается выполнение экспрессивной функции и эмоциональной работы. Ожидается, что настоящие, «полноценные» матери будут демонстрировать любовь, нежность, теплоту в отношениях с детьми: *«Мама — это очень большое слово, такое емкое. Потому что у меня есть пример, когда дети росли без мамы. Там неполноценность изначальная. И я прекрасно вижу, как, допустим, мои дети — я дарю им всю свою любовь — как они переживают, если мама чуть не обратила внимания, если что-то пошатнулось, они настолько к этому чувствительны»* (Ж., 35 л., разведена, трое детей 5 л., 3,5 л. и 1,2 г.).

Роль отца в воспитании ребенка представлена как эпизодическая: отец большую часть своего времени проводит вне дома, поздно возвращается с работы, не всегда проводит выходные совместно с семьей и практически полностью исключен из выполнения рутинных родительских обязанностей. Однако существуют «традиционные» родительские обязанности отцов, связанные с краткосрочным включением в заботу и выполнением единичной функции, например купанием ребенка, чтением перед сном, гулянием в выходные: *«Муж оказывал такую помощь, как поездка в магазин, какие-то такие моменты бытовые, скажем, больше, чем уход за ребенком. Ребенок полностью на*

мне <...> Ночью я сама вставала. Он работал, и работал, и работал, и работал, и работал, а я сидела с ребенком. Помогал купать ребенка. Гулял папа у нас один раз в неделю, в воскресенье, когда было свободное время. А купать, да, купали мы вместе ребенка, потому что одному это тяжело сделать» (Ж., 31 г., замужем, дочь 3 л.).

Идеал заботы, вокруг которого выстроена данная модель родительства, связан с представлением о том, что наилучшим способом организации ухода за ребенком до трех лет является материнская забота, осуществляемая дома, поскольку именно в этот период жизни ребенок в наибольшей степени нуждается в материнской опеке и эмоционально теплой среде: «В идеале мать должна сидеть с ребенком до трех лет <...> Роль матери в воспитании огромна» (М., 45 л., женат, сын 8 л.). После достижения трехлетнего возраста оптимальной формой организации заботы является забота, осуществляемая в ДООУ. По мнению респондентов, именно детский сад обеспечивает необходимую социализацию и развитие ребенка, в котором он нуждается и которое не может быть обеспечено в полной мере в семье. В следующем фрагменте интервью респондентка отмечает преимущества детского сада перед услугами няни, при этом она актуализирует смысловые контексты институциональной заботы: «Детский сад лучше, чем няня. Ребенок с ней наедине, а детский сад — это общение с детьми <...> Выживание, так сказать, в социуме. Ребенок все-таки должен самостоятельным быть» (Ж., 29 л., не замужем, сын 1,3 г.).

Вопросы о переопределении принципов осуществления заботы и перераспределении ее между родителями практически не обсуждаются респондентами. Как правило, и мужчины и женщины соглашались с гендерно-асимметричными родительскими ролями, являющимися частью конвенционально принятых представлений о нормативных гендерных сценариях. Предметом озабоченности для женщин является то, насколько полно они соответствуют идеалу «правильной», «хорошей и любящей матери», образ которой выступает для многих респонденток точкой референции. В представленном далее отрывке респондентка с гордостью говорит о том, как ей удалось наладить заботу о детях в соответствии с самыми высокими стандартами качества: «У меня в этом плане [заботы о детях] очень высокие требования. У меня всегда все дети были чистые, и зубы чистить по-утрам и вечером, и вечером душ, сколько надо мыть голову, столько и моем, прически и чистая одежда. И лучшее самое питание. Я старалась покупать им самые лучшие продукты, ходила на рынки, все сама выбирала, не готовила никаких полуфабрикатов, даже если пельмени, то только самокрутные. Здоровое питание, фрукты постоянно, овощи постоянно. Как врач сказал, что надо то-то и то-то, так и делаем. Если стоматолог сказал, что нельзя чупа-чупсы, мы не покупаем чупа-чупсы, мы берем только то, что можно. То есть у меня все супер-мега правильно, то есть я старалась сделать все, что я могу, для детей. Я считала, что это очень важно, создать детям лучшие условия, в которых они могут развиваться» (Ж., разведена, трое детей 5 л., 3,5 л. и 1,2 г.). В целом материнство, выступая базовым элементом женской идентичности, оценивается положительно, наделяется позитивным эмоциональным смыслом, который связан с успешным выполнением предписаний нормативной гендерной роли.

Обычно в интервью матери повествуют о эмоциональных, временных и материальных затратах, связанных с заботой о ребенке, но этот материнский труд вознаграждается субъективным ощущением достижения идеала «хорошей матери». Успешность выполнения отцовской роли в первую очередь связывается мужчинами с выполнением функции добытчика, а также фактом наличия детей и символическим авторитетом в семье.

Родительство как обязанность. Данная идеал-типическая модель представляет родительство в терминах долженствования и набора задач, которые необходимо выполнить для достижения благополучия ребенка. Родительские роли рутинизируются, видятся респондентам как трудности, которые они должны преодолевать, и оцениваются как ограничивающие многообразие жизненного, профессионального опыта и досуговых практик респондентов. Для респондентки материнство — это ограничение свободы передвижения, а также личной независимости: *«Маме, прежде всего молодой, с маленьким ребенком, не хватает повода и намерений выйти из дома. Надо каждый раз заставить себя выйти из дома и куда-то пойти с ребенком. Это тяжело, это противоречит некоторым социальным установкам в нашем отечественном социуме <...> Я обнаружила, что, став родителем, ты больше не принадлежишь себе, для многих и для меня лично, хотя мне было 30 лет, когда я стала матерью, это самое главное открытие и потрясение. Ты ждешь одной непрерывающейся радости, а начинаются одни непрерывающиеся сложности. С этим надо как-то жить, а когда ты это обнаруживаешь, уже оказывается слишком поздно. Уже ничего не отменишь и бежать уже тоже слишком поздно. Надо просто воевать»* (Ж., 33 г., замужем, дочь 3 л.).

Родительские роли, как и в предыдущих моделях, представлены как гендерно-поляризованные. Так, одна из участниц нашего исследования отмечает, что материнство стало причиной резкого изменения ее образа жизни как социально активной и карьерно-ориентированной молодой женщины. Тогда как образ жизни ее мужа остался прежним: *«У мужа, по-моему, все было отлично, все нормально, все спокойно. Это в душе женщины все [переживания по поводу кардинального изменения образа жизни] проходит, потому что муж как бы стандартно работает, приходит поздно, общается, как было до родов, так и после. Для него практически ничего не меняется, а для тебя — меняется, потому что ты находишься дома, бытовуха, все такое»* (Ж., 32 г., замужем, дочь 2,5 л.). Таким образом, материнство является рутинной, осуществляющейся в условиях дефицита времени, сил, материальных ресурсов. Матери представляют себя как «разрывающихся» между обязанностями по заботе и профессиональными обязанностями, между обязанностями по заботе о нескольких своих детях, между разными типами работы по дому. Они также жалуются на то, что материнство приводит к отсутствию свободного времени, сокращению карьерных перспектив, отсутствию досуга, невозможности заняться любимым делом или даже невозможности простого уединения.

Отцовство представлено либо как обязанность материального обеспечения семьи, либо (в случаях одинокого родительства) как необходимость выполнения всех функций по организации и осуществлению заботы о ребенке. В обоих случаях смысл отцовства раскрывается через категорию долга. Понимание

долга связано с ответственностью за благополучие семьи и выглядит как необходимость тяжелого, изнуряющего труда ради денег, невозможность бросить нелюбимую работу и выделить больше времени для досуга и семьи: *«Все же зависит от этой работы, от обязательств перед другими <...> то денег не хватает — надо работать, то еще чего-нибудь <...> все в это упирается. Раньше проще было. Раньше люди работали на заводе, в НИИ, летом ездили на море, как сейчас помню <...> на дачи. Я, может быть, своего отца чаще видел, чем мой ребенок меня сейчас. Вот сейчас такая ситуация, все в деньги упирается. Мы не олигархи, надо что-то зарабатывать, надо и кушать, и одеваться, и прочее. Работа, работа, эта дурацкая работа поглощает, конечно, много времени»* (М., 45 л., женат, сын 8 л.).

Забота как обязанность в отцовской версии также становится рутиной, которую отец пытается минимизировать. В нашем массиве интервью присутствует одна история, когда отец становится единственным субъектом заботы о ребенке после развода и отказа от ребенка со стороны матери. Отцовство респондент описывает как набор трудностей, которые ему приходится преодолевать: *«Первые 3 месяца было вообще тяжело, потому что его в садик еще рано. Периодически кто-то с ним сидел: подруга моя сидела, мама, но мама редко. Ну, и я ходил на работу. А потом, в полтора года, в садик его отдали, раньше, чем положено, попросили, чтобы взяли нас в садик <...> Мне нужен был обязательно круглосуточный садик. Поначалу я работал по ночам, ну, смены ночные, поэтому искал круглосуточный садик, чтобы можно было там на ночь оставлять <...> Няню приглашал, когда друзей не было, чтобы посидеть с ним, я должен был что-то сделать, а? У меня ребенок заболевает, мне нужно на работу срочно выйти, я нанимал няню»* (М., 23 г., не женат, ребенок 2,5 л.).

Идеал заботы в данной модели представляется довольно размытым, поскольку смысл родительства и содержание родительских ролей выстраиваются через отрицание или негативное отношение к выполняемым родительским практикам. В общем виде он может быть представлен как обязанность, которую стремятся передать другим субъектам заботы. В этом случае респонденты отмечают нечувствительность близких к их просьбам о большем участии в заботе или полное отсутствие других потенциальных субъектов заботы. Например, матери жалуются на недостаточное участие партнеров: *«Ему лень заниматься детьми, их проблемами. Ему проще отдохнуть, полежать, заняться какими-то своими делами. Ему не хочется вникать, разбираться, уделять время, внимание. Больше любит себя»* (Ж., 38 л., замужем, дочь 15 л., сын 7 л.).

Восприятие родительства в качестве обязанности, долга и ограничения выступает источником стресса и эмоционального напряжения как мужчин, так и женщин. Налицо гендерная асимметрия, необходимость выполнения предписанных обязанностей по уходу за ребенком или материального обеспечения семьи в качестве основного субъекта заботы со стороны отцов и матерей: *«После родов было, конечно, такое — и депрессия, стандартно у женщин, депрессивный момент был, потом уже переоценка ценностей, то, что ребенок — это уже навсегда, это не просто пришел-ушел. Ты отдаешь уже всю свою жизнь, все свое эмоциональное состояние, это уже член семьи»* (Ж., 32 г., замужем, дочь 2,5 л.);

«Мне пришлось выбирать, там была творческая работа, мне в принципе интересно было, но я не мог себе позволить, пришлось отказаться, я должен зарабатывать деньги. Вот так пришлось» (М., 38 л., женат, сын 4 л.).

Родительство как один из жизненных проектов представляет собой современную версию детско-родительских отношений. В отличие от других моделей в этом случае родительство является результатом сознательного выбора респондентов, которые соотносят момент рождения ребенка и общие жизненные планы (получение образования, карьерные перспективы, жилищные условия, материальное благополучие, уровень потребления и т. п.). В следующем фрагменте интервью молодая карьерно-ориентированная женщина говорит о том, как было принято решение о рождении ребенка. При этом она пытается связать репродуктивные планы с профессиональными. Она также представляет решение о рождении ребенка как принятое совместно, используя местоимение «мы»: *«Сначала мы <...> у нас финансовой не было возможности, плюс, учитывая, что я тоже работаю в этой компании, в которой муж. У нас сейчас там 7 человек работает, и я, считай, там второй практически человек в компании, если я уйду в декрет, то это будет очень тяжело в принципе для бизнеса. Поэтому какое-то время, первые полтора года условно, ну, два, мы больше этим руководствовались. А потом мы думали, что вот, мы сейчас поженимся и все» (Ж., 29 л., замужем, сын 1 г.).* Родительство мыслится не само собой разумеющимся этапом жизненного цикла или подтверждением нормативной гендерной роли, не обязанностью, а результатом рефлексивного выбора субъекта, выстраивающего свою жизненную траекторию. Родительство является сферой личностной реализации, однако профессия, хобби и увлечения выступают также не менее значимыми областями жизни респондентов. Основной смысловой канвой, которая задает обсуждение родительства в данной модели, является поиск баланса между профессиональными, семейными и родительскими ролями: *«Я считаю, что очень многие мамы переходят эту грань [баланса между карьерой и семьей], рожая ребенка, они садятся дома, бросают работу и считают, что они правы. То есть они готовят супы, борщи, пичкают ребенка, гоняются за ним по детской площадке, это не мой путь. Я против такого решения проблемы. Я считаю, что грамотное и ответственное решение в этой ситуации — уделять ребенку столько времени, сколько ты можешь, продолжать карьеру, продолжать самореализацию, зарабатывать деньги» (Ж., 33 г., замужем, дочь 3 л.).*

Проблематика баланса становится актуальной прежде всего для женщин, которые выступают субъектами поиска и установления способа совмещения работы и семьи. В целом данная идеал-типическая модель родительства носит переговорный характер. Партнеры обсуждают время и жизненные обстоятельства, в которых возможно рождение ребенка. Как правило, рождение ребенка представлено в интервью не как случайное или естественное событие, а как результат осознанного выбора и планирования. Также предметом переговоров становятся время и материальные ресурсы, которые каждый из родителей может потратить на осуществление заботы, принципов организации и разделения обязанностей, связанных с уходом за ребенком и воспитанием его. При этом принципы разделения и содержание родительских ролей, размеры вкла-

дов каждого из партнеров не являются естественными, биологически детерминированными и единожды установленными, а представляют собой континуум переговоров, переопределяющих условия родительского контракта в зависимости от профессиональных и жизненных условий каждого родителя, а также возраста и количества детей. В отличие от традиционного родительства с четким разделением отцовской и материнской ролей, данная модель в идеале предполагает гендерно-нейтральное содержание родительских ролей. Соответствующие интервью содержат рассказы об успешном совмещении родительских и профессиональных обязанностей, когда респондентам удается делать карьеру, заниматься хобби, а также самореализовываться в сфере родительства: *«Сначала, в первый год жизни моего ребенка я пыталась водить машину, потом я пошла восстанавливать свой английский. Потом я поехала в Штаты. Потом я вышла на работу. Потом я уехала в Индию, сейчас я опять работаю. Причем у меня две работы. Я работаю в государственной службе, и я преподаю <...> Какое-то время надо все равно отдать полностью ребенку, но грань найти возможно. Надо к этому стремиться»* (Ж., 33 г., замужем, дочь 3 л.).

Идеалом заботы здесь выступает забота, осуществляемая обоими родителями при участии третьего субъекта (бабушки и ближайшие родственники, няни): *«Я стараюсь все сочетать, но это не просто, нужны помощники по хозяйству, те, кто может подхватить ребенка»* (Ж., 33 г., замужем, дочь 3 л.). Респондентка, для которой поиск баланса выступает одной из центральных проблем осуществления собственного родительства, отмечает большую степень участия мужа в осуществлении заботы о ребенке. Совмещение семьи и работы обоими партнерами предполагает их полноценное участие как в профессиональной занятости, так и в выполнении домашней работы и обязанностей, связанных с уходом за ребенком. Однако без поддержек со стороны государства, родственников или рынка реализация такой модели родительства является проблематичной. Поэтому респонденты, ориентированные на эгалитарные ценности в сфере семьи и родительства, вынуждены прибегать к помощи третьего субъекта заботы, которыми в российских условиях, в ситуации недостатка институциональных поддержек со стороны государства, выступают представители старшего поколения, другие родственники или наемные работники (няни). Родительство выстроено вокруг интересов и благополучия ребенка, что делает особенно важным для родителей выбор не просто медицинских и образовательных услуг и агентов, их предоставляющих, а их качества. Критерием выбора необходимых сервисов служит личность ребенка, его интересы и склонности. Родители готовы тратить время и деньги на поиск и потребление необходимой услуги. Респонденты нашего исследования являются участниками виртуальных родительских форумов, а также реальных сообществ родителей, цель которых — общение, обмен информацией, совместная экспертиза услуг и товаров для детей.

Эмоциональное восприятие родительства амбивалентно окрашено. Позитивное восприятие родительства обусловлено сознательностью выбора родительского проекта, возможностью его переформатирования исходя из потребностей респондентов. Кроме того, родительство приносит удовлетворение, т. к. рассматривается в качестве важной сферы личностной самореализации. В этом

контексте для восприятия родительства возникает категория «счастья». Его удается достичь путем успешного комбинирования родительских и профессиональных обязанностей: *«Моя практика показала, что главное — мама должна быть счастливой. Если для нее счастье выйти на работу в три месяца, то ей по-любому надо выходить»* (Ж., разведена, трое детей 5 л., 3,5 л. и 1,2 г.).

Вместе с тем родительство выступает источником беспокойства, обусловленного необходимостью совершения ответственных выборов и принятия решений, направленных на достижение благополучия ребенка. Чувство ответственности предъявляет повышенные требования не только к содержанию, но и выполнению родительских ролей на индивидуальном уровне. Родительство становится источником потенциальных и реальных конфликтов, связанных с необходимостью постоянных переговоров и поисков баланса. Не всегда условия соглашений между родителями, а также третьими субъектами, включенными в осуществление заботы, в полной мере удовлетворяют ожиданиям сторон и приводят к устраивающим всех компромиссам.

Родительство как сфера самореализации. Данная идеал-типическая модель, так же как и предыдущая, связана с пониманием родительства как важного способа личностной реализации. Однако в этом случае она рассматривается как приоритетная сфера, и проблема поиска баланса семьи и работы здесь оказывается не релевантна. Такой тип родительства является гендерно-маркированным. В большинстве случаев он характерен для матерей, которые в силу традиционной гендерной культуры и поддержек, предоставляемых государством в рамках проводимой им семейной политики, делают выбор между работой и заботой в пользу материнства.

Такое родительство также характеризуется рефлексивностью, является результатом планирования и соглашения между партнерами. Матери говорят о том, что они сознательно выбрали полное материнство, а также обсудили этот выбор и условия семейного контракта заботы с партнером: *«В самом начале наших отношений, когда мы поняли, что намерения у нас очень серьезные, мы с Сашей все обсудили. Я считала это очень важным, с самого начала обо всем договориться, чтобы потом не было недопонимания. Оказалось, что мы одинаково смотрим на многие вещи. Например, мы выяснили, что мы оба любим детей, что мы хотим, чтобы у нас их было, как минимум, трое. Мы решили, что Саша будет работать, а я буду с детьми столько, сколько это будет необходимо для них. То есть мы все-все обговорили вот так, еще в самом начале»* (Ж., 28 л., замужем, дочь 1,5 г.).

Идеал многодетности связан с длительным периодом отсутствия женщины на рынке труда, что уменьшает для нее возможности оптимального совмещения профессиональных, семейных и родительских обязанностей. Кроме того, женщины рассматривают сферу оплачиваемого труда как рутинную, монотонную, изнуряющую, холодную. В противовес ей материнство представлено как сфера творчества, самореализации, свободы и эмоциональной теплоты: *«Я на самом деле рада что ушла в декрет. Для меня работа казалась скучной, каждый день с десяти до шести, света белого не видишь. Я просто, наверно, для этого не предназначена. Поэтому, когда у меня появилась такая возмож-*

ность, чтобы не работать, я ушла, ушла в декрет, чему несказанно рада» (Ж., 26 л., замужем, сын 2,5 л., сын 6 мес.).

Идеалом заботы в данной модели выступает полная материнская забота, осуществляемая дома. Мать является основным поставщиком заботы о детях. Модель идеализирует качества материнской заботы, приписывая им безусловный, эмоционально теплый характер. Респонденты упоминают, что между матерью и детьми существуют особые связи, которые позволяют ей наилучшим образом понимать желания и потребности ребенка: *«Вот эта связь, о которой я говорю. Со своим ребенком, я когда родила, я почувствовала, что это реально, потому что ты понимаешь, что хочет твой ребенок, и ты абсолютно не понимаешь, чего хочет другой ребенок» (Ж., 35 л., разведена, трое детей 5 л., 3,5 л. и 1,2 г.).* Связь между матерью и ребенком не всегда понимается как биологически заданная. В интервью можно обнаружить упоминания о работе, которую совершают матери по установлению этой связи: *«Во время беременности я ходила на курсы по установлению связи с ребеночком. Со вторым у меня поэтому уже другие отношения, я его очень хорошо чувствую. Эта связь начинает устанавливаться уже в самом начале беременности, очень важно уже с самого начала обращать на это внимание, стараться почувствовать его» (Ж., 26 л., замужем, сын 2,5 л., сын 6 мес.).*

Максимально возможное эмоциональное, когнитивное и физическое развитие ребенка становится для матери приоритетной сферой ее персональных интересов и креативности. При этом материнство не рассматривается исключительно в качестве естественной сущности женщины, а предполагает приобретение сложных и специализированных знаний, навыков и умений. Для этого матери посещают специализированные курсы, занимаются самообразованием, активно обсуждают с другими родителями тонкости воспитания и ухода за детьми. В некоторых случаях материнство и связанные с ним интересы могут стать основой профессионального выбора, когда женщины готовы изменить свою профессиональную биографию и получить дополнительное образование в области детской психологии, педагогики, педиатрии или организовать частный детский сад, развивающий центр для детей. Следующие цитаты представляют приобретение специализированных профессиональных навыков как необходимое условие для реализации социального материнства: *«Я хочу пойти учиться на детского психолога. Я поняла, что работа в банке мне не интересна. Не знаю, буду ли я работать психологом, но я хочу лучше понимать своих детей, хочу узнать, как решать их проблемы, правильно развивать, например заниматься с ними. Моя подруга собирается открыть свой детский сад, сейчас узнает там разные подробности, как это сделать. И она мне говорит: “Давай, ты будешь у нас психологом”. Так я бы только рада была» (Ж., 26 л., замужем, сын 2,5 л., сын 6 мес.).*

Данная идеал-типическая модель родительства выступает для респондентов источником положительных эмоций. Специфика родительского труда создает условия для креативности и самореализации, что повышает самооценку матерей, обеспечивает чувство собственной значимости и ощущение востребованности, т. к. успехи ребенка рассматриваются как персональные достижения матери: *«Я радуюсь успехам дочки, для меня это как мои собственные успехи.*

Возможно, со стороны это не бог весть какие достижения, но для меня все это так важно, как она пошла, что сказала, чему уже научилась. Я стараюсь сделать все, чтобы создать ей максимальные условия для развития, чтобы она могла развиваться, чтобы у нее было все. Я имею в виду не только материальную сторону, но и материнскую любовь, и теплые отношения в семье, чтобы она могла расти полноценным человеком и не ощущала никакой неполноценности» (Ж., 28 л., замужем, дочь 1,5 г.).

Итак, анализ интервью показал, что родительство — это гетерогенное смысловое поле, в котором сосуществуют, а иногда и входят в противоречие между собой различные представления о том, как должна быть организована забота о детях, кто ее должен осуществлять и в каком виде. Материнство выступает конституирующим элементом биографий женщин, хотя его понимание может находиться в пределах от естественного предназначения женщин и подтверждения нормативной гендерной роли до рефлексивного индивидуального выбора и сферы самореализации. На уровне индивидуальных биографий материнство репрезентировано как совокупность теплых, эмоционально насыщенных связей между женщиной и ребенком, которые определяют представления о «хорошей материнской заботе», необходимой для полноценного развития ребенка, особенно в раннем возрасте. Общим для всех представлений о «хорошем» или идеал-типическом родительстве является то, что в возрасте до полутора-двух лет наилучшей формой организации заботы о ребенке выступает материнская забота, которая осуществляется дома. Другим общим конвенциональным моментом в обсуждении принципов организации заботы о детях является представление о желательности посещения ребенком старше трех лет детского сада. Распространенный объясняющий мотив — мнение о важной роли детского сада в социализации ребенка, получении им коммуникативных навыков, умений общаться со сверстниками.

Отцовская роль в заботе о детях практически во всех интервью представлена как редуцированная. Даже в тех случаях, когда роль отца проблематизируется респондентами, представляется как активная и связанная с вовлечением в заботу о детях, практики отцовства носят фрагментарный характер и ограничиваются выполнением отдельных функций ухода и воспитания (купание, чтение перед сном, прогулки в выходные дни и т. п.). Отцы могут и готовы осуществлять ежедневную рутинную заботу о детях, однако это происходит в тех случаях, когда другие, более конвенциональные акторы заботы (например, мать, бабушка) по объективным причинам не могут ее выполнять.

Мы рассматривали представления о родительстве в контексте индивидуальных жизненных проектов мужчин и женщин. Но смысловое поле родительства не исчерпывается горизонтом индивидуальной биографии. Современное родительство является гетерогенным, формирующимся на пересечении медицинских, педагогических, религиозных, политических дискурсов. Оно также активно конструируется индустрией детства и потребительскими практиками родителей [1]. Все эти дискурсы о родительстве являются чрезвычайно важными для формирования идеал-типических моделей. Однако в данном исследовании нас интересовали те смыслы и значения, которые мужчины и женщины

приписывают своим родительским ролям, идентичностям и практикам в контексте индивидуальных биографий.

Библиографический список

1. Чернова Ж., Шпаковская Л. Политэкономика современного родительства: сетевое сообщество и социальный капитал // Экономическая социология. 2011. Т. 12, № 3. С. 85—105.
2. Gatrell C. Hard Labour. The Sociology of Parenthood. New York : Open University Press, 2005. 236 p.
3. Hochschild A. The Commercial Spirit of Intimate Life and Other Essays. San Francisco ; Los Angeles : University of California Press, 2003. 321 p.
4. Hochschild A. The culture of politics: traditional, postmodern, coldmodern, and warm-modern ideals of care // Social Politics. 1995. Vol. 2, № 3. P. 331—346.
5. Kremer M. The politics of ideals of care: Danish and Flemish child care policy compared // Social Politics. 2006. Vol. 13, № 2. P. 261—285.

ББК 63.3(2)633-284.3

М. Н. Аксенова

**ЭВОЛЮЦИЯ РЕПРОДУКТИВНОГО
ПОВЕДЕНИЯ СЕЛЬСКИХ ЖЕНЩИН
КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ В 1960—1980-х гг.:
ОПЫТ КОГОРТНОГО АНАЛИЗА**

Как известно, основным трендом изменения рождаемости в XX в. стал массовый переход к малодетности. На протяжении жизни всего трех-четырех поколений россиянок рождаемость сократилась с 7,5 живорождений в среднем на одну женщину в конце XIX в. до 1,2 в конце XX в.; с 7,2 ребенка в расчете на одну женщину из поколения, родившегося в конце 1860-х гг., до 1,6 — для поколения, родившегося в конце 1960-х гг. К концу 1950-х гг. РСФСР, как и другие европейские республики СССР, по уровню рождаемости не отличалась от западных стран [5, с. 149].

К началу 1960-х гг. красноярские сельчанки вместе со всем населением республики уже прошли период модернизации рождаемости, начавшийся еще в конце XIX в. В ее основе лежала трансформация репродуктивного поведения, когда «человек осознает, а общество признает за ним право самому решать, сколько и когда иметь детей» [2, с. 136]. В данной работе делается попытка исследовать изменение рождаемости у разных поколений сельчанок Красноярского края в 1960—1980-х гг., поскольку, согласно новейшему теоретическому исследованию, «со-

циальная сущность макродемографических тенденций обнаруживается на микро-уровне — при анализе демографического поведения» [9, с. 46].

К 1960-м гг., по мнению многих ученых, модернизация рождаемости подошла к своему заключительному этапу [5, с. 157; 8, с. 44—45]. Уход от традиционного пассивного невмешательства в естественное течение репродуктивных процессов, регулирование числа детей и сроков их появления на свет становилось обычным явлением и в красноярской деревне. Среди причин такой переориентации особое место занимает эволюция структуры ценностей, норм и потребностей, произошедшая в сознании сельских жительниц. 1960—1980-е гг. в развитии рождаемости в РСФСР и Красноярском крае стали временем закрепления ее нового типа, по мере того как в генеративный возраст вступали молодые поколения женщин с современным типом демографического поведения, а выходили из него представительницы традиционного типа.

С началом 1960-х гг. в РСФСР, и в частности в Красноярском крае, многодетная семья постепенно сменялась среднедетной, а затем и малодетной. Массовый переход к средне- и малодетности статистически отразился в значительном уменьшении доли детей высокой очередности рождений — четвертых и далее детей, которые как раз и обеспечивали расширенное воспроизводство. В среднем по стране этот процесс был пройден за 20 лет, и край не стал исключением. В течение 1960—1980-х гг. большинство родившихся у сельских женщин края составляли первые и вторые дети: их суммарная доля колебалась от 54,2 % в 1965 г. до 77,0 % в 1980 г. (табл. 1).

Структура рождаемости по очередности рождений в красноярской деревне осталась практически неизменной в первой половине 1960-х гг., несмотря на то что абсолютные числа рождений уменьшились с 35,2 тыс. в 1960 г. до 21,9 тыс. в 1965 г. [4, оп. 31, д. 7844, л. 4—4 об.; оп. 35, д. 7674, л. 9]. По мере того как когорты женщин с пассивным репродуктивным поведением выходили из фертильного возраста, трансформация рождаемости в сельской местности края становилась более очевидной.

Таблица 1

Удельный вес родившихся в сельской местности Красноярского края по очередности рождения в 1960—1990 гг., %*

Год	Очередность рождения детей			
	Первый	Второй	Третий	Четвертый и более
1960	30,6	26,4	17,7	25,3
1965	26,6	27,6	19,5	26,3
1975	45,5	29,3	12,0	13,2
1980	42,2	34,8	12,8	10,2
1985	31,7	36,3	18,8	13,2
1986	29,2	36,2	20,4	14,2
1987	28,7	35,4	20,6	15,3
1988	30,0	34,2	20,3	15,5
1989	32,0	32,5	19,8	15,7

* Составлено по: [4, оп. 31, д. 7844, л. 4—4 об.; оп. 35, д. 7674, л. 9; 6, с. 80].

К середине 1970-х гг. удельный вес первенцев еще более возрос (табл. 1). Доля детей, рожденных третьими, четвертыми и далее, резко сократилась.

На колебания показателей рождаемости в сельской местности края в 1980-х гг. большое влияние оказала социальная политика государства. Принятое в 1981 г. постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по усилению государственной помощи семьям, имеющим детей» вводило пособия и ряд новых льгот матерям и было призвано стимулировать рождаемость [7, с. 18—21]. Однако эти меры чаще определяют как меры «вдогонку», неудачную попытку вновь сделать приоритетной для женщины ее традиционную функцию — быть матерью. Постановление появилось в условиях, когда продолжали действовать факторы, бывшие основной причиной падения рождаемости в предшествующие десятилетия: рос образовательный уровень женщин, их занятость в общественном производстве.

Попытка вернуть женщину к ее «истинному предназначению» [3, с. 58], провозглашенному в ходе перестройки, тоже не могла увенчаться успехом, и эффект от усилий, предпринимаемых для этого, оказывался кратковременным. Женские издания и организации уже скорее негативно оценивали пропаганду приоритета материнской роли женщины. «Все явственнее проглядывается тенденция под предлогом заботы о матери и ее детях вернуть женщину в лоно семьи» [1], — отмечали в краевом женсовете. И делали вывод: «Даже если бросим клич: “женщины, назад, в семью”, то не уверены, что таким образом сможем оторвать их от станка и рабочего стола» [там же].

Влияние постановления 1981 г. было непродолжительным. Реализация мер способствовала повышению рождаемости, которое продолжалось до 1986 г. во всех возрастных группах. Удельный вес детей, рожденных третьими, вырос до 20,4 % (табл. 1). Однако связано это было не с изменением установок, а с календарными сдвигами: в эти годы были реализованы запланированные рождения, которые откладывались «до лучших времен». Общий рост числа рождений в 1981—1986 гг. скрывал снижение 1984—1985 гг.

Последний всплеск, по-видимому, был связан с проводившейся в СССР кампанией по борьбе с пьянством. Косвенное доказательство тому можно увидеть в значительном приросте как абсолютного числа, так и доли рождений в возрастной группе 30—39-летних сельчанок, а также увеличении показателей рождаемости у матерей 40—49 лет. Очевидно, антиалкогольная кампания, в результате которой употребление алкоголя на селе уменьшилось, дала сельчанкам надежду на более благополучную семейную жизнь и это привело к появлению еще некоторого числа рождений.

Во второй половине десятилетия начали прирастать доли рождений высокой очередности — четвертых и далее детей за счет женщин, не принявших стереотип малодетности, тех самых, которые в первой половине 1980-х гг. рождали детей низкой очередности. Таким образом, относительный прирост рождаемости в 1980-х гг. наблюдался за счет рождений у тех женщин, которые сохранили остатки традиционного демографического поведения.

Уже с 1987 г. начинается уменьшение показателей рождаемости. За 1987—1989 гг. ежегодное число новорожденных уменьшилось на 16 %, более чем на треть понизился общий коэффициент рождаемости, ухудшились суммарные

и повозрастные коэффициенты во всех группах за исключением младшей, а в наиболее продуктивной группе, 20—24 года, падение рождаемости началось еще в 1984 г. [12, с. 226].

К концу 1980-х гг. в стране был окончательно дискредитирован гендерный конструкт «работающая мать». К этому времени созданный пропагандой образ советской женщины, одинаково успешной и в быту, и на производстве, пропал и из периодических женских изданий, в которых осуществляется «разрушение стереотипа равноправной советской женщины, выходят публикации о перегруженности женщин, снижении авторитета семьи» [13, с. 67].

Особый интерес в историческом исследовании репродуктивного поведения представляют собой итоговые числа рождений у реальных поколений женщин. Эти данные не зависят от структурных факторов и описывают реально существовавшую интенсивность рождаемости в поколении, а также, что особенно важно, позволяют определять различия в уровнях рождаемости разных когорт сельских женщин.

Итоговые показатели рождаемости для поколений сельчанок показывают, что она плавно снижалась по каждому пятилетним группам (табл. 2). Несмотря на то что приведенные в таблице показатели итоговой рождаемости истинно таковыми являются только для когорт 1944 и ранее годов рождения, которые на момент проведения микропереписи 1994 г. уже вышли из фертильного возраста, они вполне пригодны для характеристики изменения рождаемости в поколениях. При современном типе воспроизводства большинство женщин заканчивает воспроизводственный цикл приблизительно к 35 годам, поэтому показатели рождаемости для поколений сельчанок, родившихся до 1960 г., также с некоторой долей условности можно считать окончательными.

Таблица 2

**Итоговая рождаемость в реальных поколениях сельских женщин
Красноярского края (по данным микропереписи населения 1994 г.)****

Годы рождения	На 1000 женщин данного поколения					Среднее число рожденных детей
	Женщин, родивших детей				Женщин, не родивших детей	
	Всего	в том числе				
		1	2	3 и более		
1975—1976	307	272	35	—	693	343
1970—1974	660	433	200	27	340	922
1965—1969	914	300	462	152	86	1720
1960—1964	957	172	486	299	43	2195
1955—1959	958	122	445	391	42	2417
1950—1954	955	138	430	387	45	2465
1945—1949	967	160	415	392	33	2467
1940—1944	956	122	372	462	44	2644
1935—1939	949	110	315	524	51	2752
1930—1934	945	115	263	567	55	2945
1929 и ранее	918	136	177	605	82	3263

** Составлено по: [11, с. 20].

К началу исследуемого периода в сельской местности края проживали несколько поколений сельчанок, каждое из которых отличалось некоторыми специфическими чертами репродуктивного поведения. Село уже не было патриархальным, но все же оставалась значительная по численности когорта сельчанок, которые являлись своеобразным оплотом прошлого. В массе своей сельчанки старше 40 лет, треть которых родились еще в XIX в., относились к поколению, сформировавшемуся в традиционном обществе. Наиболее характерными чертами присущего им типа демографического поведения являлись: практически неконтролируемая рождаемость, отношение к своему здоровью по принципу «как Бог пошлет», высокая ценность брака и семьи, отрицательное отношение к незамужней жизни, а также невысокая миграционная активность, скорее по принуждению, чем от охоты к перемене мест. Это обусловило высокую рождаемость: как показала статистика, в среднем каждые 100 женщин из этой когорты родили более 326 детей (табл. 2).

Когорта 1920-х гг. появилась на свет в тяжелое для страны время, что уменьшило ее относительную численность по сравнению с предшествующими поколениями. Однако она уже в значительно большей степени была затронута влиянием начавшейся демографической модернизации — процесса рационализации рождаемости. Молодость и зрелость этих женщин пришлось на вторую половину 1930-х — 1960-е гг., когда советская деревня переживала сложные катаклизмы: «великий перелом», голод, войну, период восстановления и послевоенного нажима на деревню. Это им больше других довелось испытать на себе все тяготы в самый продуктивный во всех смыслах период своей жизни.

В основном не по своей воле, но именно эта когорта начала реализовывать модернизационные тенденции в рождаемости: с нее начался бесповоротный процесс изменения демографического облика сельчанок. Кризисы меняли не только структурные характеристики поколения: его численность, соотношение полов в нем, но и субъективную — поведенческую — составляющую, вызывая к жизни новые стереотипы реагирования на изменения внешних факторов. При этом поколение сельских женщин 1920-х гг. в крае было самой стабильной возрастной группой: его численность за тридцать лет уменьшилась меньше других, значит, в течение исследуемого периода деревня «держалась» во многом именно на нем.

Сельчанки 1930-х годов рождения также испытали воздействие неблагоприятных факторов. От предшественниц их выгодно отличало только то, что они менее испытывали нехватку мужчин в молодом возрасте. В остальном же их становление и возраст наибольшей активности пришлось на период ускоренной модернизации, требовавшей вовлечения трудовых ресурсов. Деревня, особенно послевоенная, могла рассчитывать только на женщин. Сельчанки 1930-х гг. рождения внесли свой немалый вклад как в общественное производство, так и в естественное воспроизводство села. Однако несмотря на более благоприятные внешние факторы, женщины этой когорты уже «не дотягивали» до многодетности: среднее число детей у одной женщины было меньше трех (табл. 2).

Военное поколение сельских женщин заметно отличалось от предшествующих по своим социально-демографическим характеристикам. Численно оно было значительно меньше, чем смежные поколения [10, с. 94]. Война свела

число рождений на небывало низкий уровень. Одновременно повысилась младенческая и детская смертность. На военную когорту пришелся, таким образом, двойной демографический удар. Прямым следствием этого стала глубокая «яма», образовавшаяся в половозрастной структуре населения Красноярского края, как и всей страны в целом. Показатели рождаемости у женщины из этой когорты уже оказались ниже условного уровня в «два с половиной ребенка», который характерен для простого замещения поколений (табл. 2). Таким образом, небольшая численность военного поколения сельских женщин и ограничение рождаемости сыграли значительную роль в снижении рождаемости в красноярской деревне.

Большая часть женщин когорты 1950-х годов рождения появились на свет во время подъема жизненного уровня в деревне. Этим, а также тем, что их матери в основном еще не столь широко обращались к регулированию рождаемости, объясняется их относительно высокая численность. Сами дети 1950-х годов рождения довершили модернизацию демографического поведения. У женщин этого поколения итоговые показатели рождаемости уже не соответствовали простому воспроизводству даже в сельской местности, они обеспечили окончательный переход к современному типу рождаемости.

Для поколения 1960-х гг. был характерен современный тип демографического поведения. Модернизация рождаемости в сельской местности края завершилась ко времени вступления этого поколения женщин в репродуктивный возраст. Даже под воздействием стимулирующей политики государства начала 1980-х гг. эта когорта сельчанок не продемонстрировала расширенного воспроизводства.

Поколения 1970—1980-х годов рождения в интересующий нас период еще только готовились вступить в репродуктивный возраст и не успели оказать влияние на воспроизводство. Тем не менее по всем прочим демографическим характеристикам они уже соответствовали современному типу и в целом практически не отличались от своих ровесниц-горожанок. Следовательно, модернизация репродуктивного поведения сельчанок окончательно завершилась в поколениях, рожденных во второй половине XX в.

Таким образом, в сельской местности Красноярского края в исследуемый период сосуществовали поколения женщин с разным типом репродуктивного поведения. Анализ статистических данных показал, что наличие когорт женщин с традиционными репродуктивными установками сдерживало переход к малодетности. Постепенная смена старших поколений младшими определяла модернизацию рождаемости, которая стала соответствовать современному типу уже к концу советского периода.

Библиографический список

1. Архивное агентство администрации Красноярского края. Ф. П-971. Оп. 1. Д. 1. Л. 6.
2. Вишневский А. Г. Избранные демографические труды : в 2 т. М. : Наука, 2005. Т. 1 : Демографическая теория и демографическая история. 368 с.
3. Горбачев М. С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. М. : Политиздат, 1987. 271 с.
4. Государственный архив Российской Федерации. Ф. А-371.

5. Демографическая модернизация России, 1900—2000 / под ред. А. Г. Вишневого. М. : Новое изд-во, 2006. 608 с.
6. Демографический ежегодник Красноярского края, 1999. Красноярск : Госкомстат России, 2000. 163 с.
7. Женщины в СССР : стат. материалы. М. : Финансы и статистика, 1991. 62 с.
8. *Захарова О. Д.* Эволюция рождаемости в России в XX веке. М. : ИСПИ РАН, 1993. 130 с.
9. *Иванова Е. И.* Проблема поколений и воспроизводство населения: теоретические подходы и реальность // Социол. исслед. 2012. № 4. С. 42—53.
10. Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. : РСФСР. М. : Госкомстат, 1963. 456 с.
11. Основные итоги микропереписи населения 1994 года по Красноярскому краю. Красноярск : Краснояр. краев. госкомстат, 1995. 36 с.
12. *Славина Л. Н.* Влияние политики интенсивного промышленного освоения территории на демографическое развитие сельского населения Сибири (1960—1980-е гг.) // Историческая демография Сибири. Новосибирск : Наука, 1992. С. 215—238.
13. *Смеюха В. В.* Женские журналы СССР в 1945—1991 гг.: типология, проблематика, образная трансформация // Женщина в российском обществе. 2012. № 1. С. 55—67.

ББК 60.561.51

Ю. С. Задворнова

ТЕНДЕНЦИИ ТРАНСФОРМАЦИИ ГЕНДЕРНЫХ РОЛЕЙ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ СЕМЬЕ

Последнее двадцатилетие в России происходят значительные социально-экономические и политические трансформации, которые влекут за собой изменения во всех сферах общественной жизни, в том числе и в институте семьи. Несмотря на многообразие мнений ученых о кризисном состоянии современной семьи, утрате семейных ценностей [1, 6], семья как социальный институт продолжает играть важную роль в жизни российского общества, выполняя функции деторождения, организации потребления и быта, социализации молодого поколения, моральной и психологической поддержки, удовлетворения потребности в общении, сохранения нравственных устоев, первичного социального контроля.

Современная российская семья сталкивается с целым рядом проблем, которые требуют мобилизации внутренних ресурсов и психологической адаптации. Это необходимость повышать уровень материального благосостояния семьи, обеспечивать конкурентоспособность работающих супругов на рынке труда, создавать детям условия для качественного образования, решать жилищные проблемы, обеспечивать доступность качественных социальных услуг, фор-

мировать у взрослых членов семьи и подрастающего поколения навыки интернального поведения.

Успешность решения этих проблем во многом зависит от того, на выполнение каких гендерных ролей ориентируются супруги, в какой степени они берут на себя ответственность за материальное обеспечение семьи, воспитание и образование детей, решение бытовых проблем, каким образом выбранные семейные жизненные стратегии соотносятся со сложившимся способом распределения властных полномочий между супругами.

Чтобы выявить тенденции трансформации гендерных ролей в современных российских семьях, целесообразно определить, какие модели распределения гендерных ролей в семье соответствуют происходящим в российском обществе социальным изменениям. К критериям классификации моделей распределения гендерных ролей в семье можно отнести господствующую в государственной идеологии и массовом сознании систему взглядов на распределение ролей в семье; сложившиеся в государстве социально-экономические условия, позволяющие членам семьи иметь те или иные источники доходов; объем семейных обязанностей и способы их распределения между супругами; разделяемые супругами установки на распределение властных полномочий в семье, в том числе по поводу расходования семейного бюджета, дорогостоящих приобретений, а также воспитания детей.

Социологический анализ и осмысление сложившихся моделей распределения гендерных ролей в семье отражены в многочисленных трудах российских ученых советского и постсоветского периодов. Обозначим основные из них. Это сформировавшаяся на протяжении нескольких веков патриархальная модель, основанная на жестком разделении функций в семье и обществе между мужчиной и женщиной. При этом, согласно российскому законодательству конца XIX — начала XX в., естественным предназначением женщины считались сферы материнства, воспитания детей и ведения домашнего хозяйства. Мужчине предназначались роли субъекта профессиональной и общественной деятельности, а в семье — роли главы и кормильца, связующего звена между семьей и обществом в целом. Жена была обязана «повиноваться мужу своему как главе семейства, пребывать к нему в любви, почтении и неограниченном послушании, оказывать ему всяческое угождение и привязанность как хозяйка дома» [4, с. 59]. Без согласия мужа жена не могла наниматься на работу, получать профессиональное образование, проживать отдельно, принимать единоличные решения в отношении детей. Таким образом, семья представляла собой в юридическом и нравственном отношении союз, основанный на властной опеке, а не на взаимопомощи входящих в него лиц [10, с. 32].

После 1917 г., со сменой общественного строя, идеология равноправия полов и социального раскрепощения женщины была возведена в ранг российской государственной политики, причем «правильной моделью» жизненной стратегии раскрепощенной женщины провозглашалось сочетание профессионального труда и материнства. Советское государство взяло на себя обязательство обеспечить охрану материнства и младенчества с тем, чтобы женщина могла сочетать производственную и семейную роли, тем более что на нее была возложена ответственность за ведение домашнего хозяйства. За мужчинами за-

креплялась обязанность зарабатывать средства на содержание семьи, по мере возможности участвовать в решении семейных проблем. Исследователи государственной семейной политики в СССР отмечали, что фактически женщина занимает главенствующее положение в семье, «поскольку в ее распоряжении находится семейный бюджет, она является основным воспитателем детей, организует семейный досуг» [7, с. 22].

Вместе с тем социологические опросы 1970—1980-х гг. показывали, что у женщин, имеющих детей, домашний труд занимал в 5 раз больше времени, чем у их мужей [8, 9, 11].

В целом к 1990-м гг. ученые пришли к выводу, что «в условиях очень плохой работы сферы торговли и бытового обслуживания и при недостаточной помощи других членов семьи женщины оказываются чрезвычайно перегружены физически, психологически и эмоционально» [3, с. 90].

Таким образом, советская модель распределения гендерных ролей в семье основана на идеологии равноправия полов и государственного патернализма по отношению к женщине. Она предполагает участие обоих супругов в профессиональной деятельности. В этой модели не прослеживается ярко выраженная роль лидера, как в патриархальной семье, решения принимаются супругами чаще всего совместно, но ведение домашнего хозяйства и уход за детьми остаются обязанностью женщины. Характерные черты данной модели — «двойная» занятость женщин (в профессиональной и бытовой сферах), неравноправное распределение семейных обязанностей между супругами. Что касается ценностных предпочтений супругов по проблеме гендерного равноправия, то в массовом сознании утвердилась вера в государство как гарант обеспечения равноправия мужчин и женщин, а также в «истинное предназначение» женщины — быть работающей, образцовой хозяйкой в домашнем быту и прилежной матерью своих детей. Гендерная роль семейного мужчины состояла в профессиональной занятости и пополнении семейного бюджета.

В 1990—2000-х гг. в процессе структурной социально-экономической и политической трансформации в России изменились условия функционирования экономики, произошли принципиальные изменения в формах собственности. Результатом этих процессов стало социальное расслоение занятого населения по доходам, формирование таких социальных слоев, как собственники и менеджеры крупных предприятий и банков, средние предприниматели, высококвалифицированная часть профессионалов, рядовые специалисты массовых профессий (инженеры, учителя, врачи и др.), наименее квалифицированная часть рабочих и служащих, безработные [5, с. 286—287].

Закрепленные в новой Конституции РФ 1993 г. политические и семейные права граждан соответствовали признанной на международном уровне идеологии гендерного равенства. Существенные изменения произошли в сознании образованных слоев общества, прежде всего женщин, поскольку государство впервые официально признало, что социальный статус женщин в советском обществе был ниже, чем у мужчин [2].

Расслоение общества по доходам граждан, расширение возможностей профессиональной самореализации личности в условиях конкуренции, обращение к мировым стандартам гендерного равенства детерминируют формирова-

ние новых типов моделей распределения гендерных ролей в семье: неопатриархальной/спонсорской, бикарьерной и эгалитарной.

К *неопатриархальной*, или *спонсорской*, модели целесообразно отнести распределение семейных обязанностей в супружеском союзе, где муж является представителем экономической элиты, а жена выполняет роль домохозяйки, подтверждая тем самым высокий экономический статус мужа. Сходство с патриархальной моделью XX в. — в неизменной роли «кормильца» для женщины. Супруг выступает доминирующим агентом, располагая властными и материальными ресурсами для выполнения семьей экономической, хозяйственно-бытовой, репродуктивной, воспитательной и других функций.

В структуре данной модели гендерная роль «домохозяйки» видоизменяется: женщина не работает, материально зависит от мужа, но при этом бытовые обязанности перекладываются на наемных работников. Муж спонсирует расходы на поддержание сексуальной привлекательности жены. Властные полномочия при неопатриархальной модели могут осуществляться как мужем, так и супругами совместно. В вопросах проведения досуга, воспитания детей, планирования текущих расходов инициатива может принадлежать женщине. Однако даже при наличии наемных работников, подчиняющихся домохозяйке, женщина остается в сфере домашнего быта, имеющего более низкую по сравнению с профессиональной степень социального престижа. Экономическая несамостоятельность женщины ставит ее в зависимое положение. Данная модель семьи распространена среди семей с высоким материальным достатком мужчины.

Современный этап социально-экономического развития России характеризуется повышением роли высшего образования для обеспечения конкурентоспособности работников на рынке труда. Все больше молодых специалистов стремятся сделать профессиональную карьеру, отодвигая на второй план семейные ценности. В результате формируется *бикарьерная модель* распределения ролей, когда оба супруга хотят добиться высоких достижений в профессии и не намерены жертвовать своим успехом ради выполнения семейных обязанностей. Оба супруга вносят вклад в материальное обеспечение семьи, реализуют свой потенциал в публичной сфере и перекладывают выполнение домашних обязанностей на родственников или наемных работников.

Если оба супруга принимают равное участие в профессиональной деятельности и домашней работе, то такую семью целесообразно отнести к *эгалитарной модели* распределения гендерных ролей. В семье эгалитарного типа роль главы семьи перестает существовать, все вопросы решаются супругами совместно, способы планирования досуга определяются по договоренности, домашние обязанности распределяются равномерно, участие в домашних делах, занятия с детьми осуществляются мужем и женой совместно.

И в бикарьерной, и в эгалитарной моделях оба супруга разделяют мнение, что мужчина и женщина должны иметь равные права и возможности для самореализации в профессиональной, общественной и семейной сферах.

Советская модель распределения гендерных ролей продолжает функционировать и в условиях рыночной экономики. Этому способствует ряд обстоятельств. Во-первых, профессиональный труд женщин остается важным ресурсом социально-экономического развития страны. Во-вторых, профессиональ-

ная занятость обоих супругов является залогом благополучия современной российской семьи. В-третьих, в массовом сознании достаточно устойчивы традиционные представления о мужском и женском предназначении. Поэтому для большинства населения «двойная» загруженность женщины профессиональным и домашним трудом соответствует представлению о равноправии полов.

Для того чтобы выявить тенденции трансформации распределения гендерных ролей в современной российской семье, было проведено социологическое исследование среди семей Ивановской области. Было опрошено 1200 мужчин и женщин, состоящих в браке, проживающих в областном центре, среднем и малом городах с численностью жителей соответственно 408 тыс., 88 тыс., 27 тыс. человек. 30 супругов приняли участие в интервью. Социальный портрет семей, участвующих в исследовании, — это супруги, состоящие в зарегистрированном браке более десяти лет, имеющие, как правило, одного ребенка и доход на одного члена семьи в размере 10—15 тыс. рублей в месяц, работающие по найму полный рабочий день в качестве рядовых сотрудников. Обозначенные характеристики можно экстраполировать в целом на семьи, проживающие в провинциальных городах России, где, в отличие от мегаполисов, рынок труда представлен профессиями с низким и средним уровнем оплаты труда, уровень доходов населения невелик, инфраструктура для обеспечения жизнедеятельности семей развита недостаточно.

В данном исследовании гендерные роли в семье определяются как набор общественно одобряемых образцов поведения, норм, представлений о мужественности и женственности, обуславливающих поведение супругов. В целях выявления тенденций трансформации гендерных ролей в современной российской семье были изучены способы распределения властных полномочий между супругами, в том числе в части распределения семейного бюджета, определено, каким образом осуществляется распределение обязанностей по уходу за домом и детьми.

Результаты опроса показали, что 69 % супругов придерживаются эгалитарных взглядов на распределение гендерных ролей в семье. По их мнению, лидера в семье не существует, все решения принимаются совместно, а в конфликтных ситуациях супруги стремятся прийти к компромиссу.

Анализ выявил, что эгалитарные установки имеют супруги, состоящие в зарегистрированном браке более 10 лет и имеющие высшее образование. В то же время в 60 % семей, где муж принимает основные решения, супруги имеют среднее и среднее специальное образование.

Наличие эгалитарных тенденций в процессе трансформации семейных ролей подтверждает ориентация супругов на совместное распоряжение семейным бюджетом — 66,9 % семей. При этом роль распорядителя бюджета часто отводится женщине — 22,5 %. Как правило, это семьи со средним и низким доходом, что соответствует советской модели, когда для более рационального использования денежных ресурсов появляется необходимость их сосредоточения в одних руках и функция контроля возлагается на женщину.

Только в 4,5 % семей опрошенных бюджет полностью контролирует мужчина, что соответствует неопатриархальной модели распределения ролей. Неопатриархальная модель характерна для семей с высоким доходом, где муж-

чина вносит основную долю в семейный бюджет, обеспечивая себе главенство в принятии решений и экономическую зависимость женщины. В семьях данного типа 12 % женщин признают лидерство мужа. При этом роль домохозяйки носит, по их мнению, формальный характер, поскольку домашние обязанности осуществляются наемными работниками или родственниками. Результаты анкетирования в вопросах распределения главенства в семье подтверждают и ответы респондентов, полученные в ходе проведения интервью:

Конечно, я глава семьи, мужчина должен быть главным в семье, по-другому быть не может. Я, в свою очередь, семью обеспечиваю, жена ни в чем не нуждается, я ее работать не заставляю, все, что ей нужно, покупаю (М., 42 г., предприниматель);

Глава семьи — муж, дети его уважают, со мной и спорить, и ругаться могут, а с ним считаются, он для них авторитет. Я его, конечно, тоже уважаю, он старше меня, умнее, всегда берет ответственность, я за ним как за каменной стеной (Ж., 28 л., домохозяйка).

Бикарьерная модель распределения гендерных ролей выявлена в 11 % опрошенных семей. Это, как правило, семьи среднего класса, где оба супруга вносят равный вклад в семейный бюджет, имеют высокие карьерные притязания, занимают руководящие должности или имеют собственное дело. Для ведения домашнего хозяйства они прибегают к помощи родственников или наемных работников.

У нас нет проблем по поводу, кто глава семьи, мы оба самодостаточные личности, оба работаем, это все глупости — решать, кто в семье главный, где-то жена решает, где-то я, я ее мнение уважаю, всегда интересуюсь даже в плане работы, что она посоветует. Что детей касается, тут ответственность на обоих лежит, вместе занимаемся воспитанием (М., 43 г., предприниматель);

У нас нет главы семьи. Мы с мужем стараемся все делать вместе, я целыми днями на работе, он тоже, поэтому стараемся друг другу помогать. За детьми мама моя помогает ухаживать, в быту тоже она помогает. Я не представляю, как женщина, работая, еще по дому одна все делать успевает. Я работаю с утра до вечера, муж тоже, в выходные стараемся детям внимание уделять, гулять вместе ходим, в кино (Ж., 38 л., юрист).

Принятие основных решений в большинстве семей происходит совместно, что подтверждает преобладание эгалитарных установок у супругов: вопросы о покупке дорогостоящих вещей решают совместно 79 % респондентов, вопросы проведения досуга — 72 %, бытовые вопросы — 61 %, вопросы воспитания детей — 63 %. Однако активность женщин в принятии решений, касающихся ведения домашнего хозяйства и воспитания детей, значительно выше, нежели мужчин. 30 % женщин самостоятельно решают бытовые вопросы, 32 % женщин единолично занимаются вопросами воспитания детей. В решении проблем, связанных с покупкой дорогостоящих вещей, в отличие от других сфер, инициатива принадлежит чаще мужчинам. В 12 % опрошенных семей решения принимает муж, в 9 % — жена.

Из полученных результатов следует, что сферы принятия решений в провинциальных российских семьях достаточно четко разграничены: женщина

принимает решения, связанные с бытовыми проблемами, не представляющие область интересов для мужчины, мужчине же принадлежит инициатива в решении более значимых для семьи вопросов:

Мы с мужем особо «не заморачиваемся» по поводу, кто главный, все зависит от ситуации, в чьей компетенции вопрос, тот и решает. Если бытовую технику на кухню надо купить, то я выбираю (мне же пользоваться), если компьютер, для машины что-то, то муж (он к технике такой ближе) <...> Что касается детей, тут стараемся вместе решения принимать, чтобы не было, что один одно ребенку говорит, другой другое (Ж., 37 л., бухгалтер);

Я бы данный вопрос обозначил так: стратегические решения принимаю я, тактические — супруга. Ну, например, я планирую наш отпуск, дорогие покупки (машину поменять, ремонт сделать), вопросы повседневные решает жена (М., 42 г., банковский работник).

В 69 % опрошенных семей супруги вносят равные доли в семейный бюджет, однако, по их же мнению, в большинстве семей роль кормильца выполняет мужчина. В семьях с низким достатком респонденты обычно отводят роль кормильца женщине.

Таким образом, в ходе исследования установлено, что роли главы семьи и кормильца могут не совпадать: если в вопросах главенства большинство супругов придерживаются эгалитарных установок, то в вопросах материального обеспечения семьи сильны патриархальные установки, не подтвержденные экономическим фактором.

Несмотря на то что большинство супругов придерживаются либеральных взглядов на проблему равноправия полов в семье, на практике провинциальные российские семьи придерживаются советской модели распределения гендерных ролей.

Результаты исследования продемонстрировали, что сферы домашнего труда в семье четко разграничены: даже когда супруги делят домашние обязанности между собой, женщина выполняет две трети домашней работы, причем, как правило, требующей ежедневного выполнения. Так, приготовление пищи считают своей обязанностью 70 % женщин, уборку дома — 65 %, стирку — 88 %, мытье посуды — 89 %. Мужчина занимается работой, необходимость в которой возникает изредка. По мнению 79 % мужчин, их обязанность — мелкий ремонт по дому, 70 % считают обязанностью ремонтно-строительные работы.

К тому же мужчина воспринимает свое участие в домашней работе как помощь жене, в то время как женщина рассматривает свою работу по дому как необходимость. При этом участие мужа в домашнем труде слабо зависит от объема занятости жены на работе. Создается некая иллюзия эгалитарных отношений: в целом, по мнению респондентов, обязанности делятся поровну, при детальном же рассмотрении разделения домашних обязанностей выясняется, что большая их часть закреплена за женщиной. Например, пока женщина готовит еду, занимается стиркой и уборкой дома, мужчина прикручивает полку; оба заняты домашними делами, но на женщину возложено гораздо большее количество домашних обязанностей.

У нас в семье быт налажен: пока жена готовит ужин, я на заправку съезжу, могу продуктов к ужину купить, детей из школы иногда забираю. Если она с детьми уроки делает, могу ей помочь посуду помыть (М., 35 л., служащий);

Мне постоянно приходится просить мужа что-то сделать, а когда он начинает мне помогать, то так и хочется сказать, уж лучше сиди или сходи куда-нибудь, только не мешай <...> Он абсолютно неприспособлен к домашнему быту. Я уж лучше все сама сделаю, но зато так, как мне надо. Но в остальном у нас все хорошо (Ж., 34 г., учительница).

В 70 % опрошенных семей обязанности, связанные с уходом за ребенком (приготовление пищи, уход за больным, сбор в детский сад/школу), выполняет жена. Вопросы, связанные с образованием, культурно-нравственным воспитанием ребенка, в 67 % семей решаются супругами совместно. В большинстве семей участие мужчины в воспитании детей опосредовано, сводится к инструментальной роли добытчика, что приводит к его оторванности от семейной сферы.

В 2 % семей воспитанием и уходом за детьми занимаются родственники, в 7 % — наемные работники, обычно это семьи с высоким доходом, где воспроизводится неопатриархальная модель разделения ролей:

Наняли няню в помощь жене, я вижу, как она устает, а ребенок маленький, нужен постоянный уход. Домработница раз в неделю приходит квартиру убирать. Я считаю, если есть материальная возможность — надо пользоваться, даю жене отдыхать (М., 45 л., предприниматель).

В бикарьерной модели, где женщина наравне с мужем выполняет роль кормильца, из-за высокой занятости женщины на работе семья вынуждена прибегать к услугам родственников (обычно бабушек) или наемных работников:

Конечно, мне хотелось бы больше времени уделять детям, но работа не позволяет. Приходится заниматься делами даже в выходные. Чтобы дети не были предоставлены сами себе, загружаю их по полной: секции, кружки, репетиторы. Младшим (ребенок 3 лет) няня занимается <...> Не хочу материально зависеть от мужа, хочу свои деньги тратить на себя и детей и за каждую копейку не отчитываться (Ж., 38 л., предприниматель);

Конечно, если бы не моя мама, не знаю, как бы я справлялась. В садик отвезти, забрать, посидеть, когда ребенок болеет <...> Если бы ее не было, мне пришлось бы, наверное, с работы уходить (Ж., 36 л., служащая).

При этом среди респондентов нет мужчин, которые бы собирали ребенка в школу/детский сад и готовили пищу; лишь 1 % опрошенных мужчин ответили, что ухаживают за больным ребенком. Полученные результаты свидетельствуют о том, что, несмотря на установки супругов на равноправные отношения, на практике уход и воспитание детей полностью возложены на женщину.

Вместе с тем существующая модель разделения ролей для обоих полов кажется нормой, поскольку 88 % респондентов удовлетворены разделением домашних обязанностей. Среди тех, кто не удовлетворен им, большинство составляют женщины. Они отмечали, что не получают помощи в домашних делах, им не хватает внимания, уважения и заботы мужчины.

Установлено, что существующая в российской семье модель распределения гендерных ролей детерминирует удовлетворенность супругов семейной жизнью. 71 % опрошенных считают, что им уже удалось создать счастливую

семью. 19 % респондентов ответили, что им пока не удалось создать счастливую семью, но они считают это возможным. 7 % ответивших хотели бы иметь счастливые семейные отношения, но думают, что это уже невозможно. Для 3 % респондентов счастье в личной жизни не является значимым.

Результаты исследования позволяют сделать вывод о наличии нескольких моделей распределения гендерных ролей в современной российской семье: 69 % семей можно отнести к советской модели распределения ролей, 16 % — к неопатриархальной/спонсорской, 11 % — к бикарьерной, 4 % — к эгалитарной. Низкий уровень распространенности неопатриархальной и бикарьерной моделей в российской провинции можно объяснить социально-экономическими условиями жизни провинциального города, а также сложившимися в массовом сознании гендерными стереотипами и нормами.

Таким образом, современная российская семья представляет собой конгломерат различных гендерных ролей, исполняемых супругами, чем принципиально отличается от советской семьи. Эгалитарные ценности, которых придерживаются супруги, сосуществуют с традиционными патриархальными представлениями о разделении ролей. Вместе с тем современная российская семья продолжает трансформироваться: она уже не традиционно-патриархальная, в ней нет жестко обозначенного главенства мужа, растет число семей, где равенство супругов в решении всех проблем семьи становится нормой. Но российскую семью пока нельзя отнести к эгалитарному типу, поскольку «двойная занятость» женщины (глубинные черты советской модели) по-прежнему сохраняет статус нормы.

Библиографический список

1. Антонов А. И., Сорокин С. А. Судьба семьи в России XXI века : размышления о семейной политике, о возможности противодействия упадку семьи и депопуляции. М. : Грааль, 2000. 416 с.
2. Женщины в СССР, 1990 : стат. материалы / Госкомстат СССР. М., 1991. 152 с.
3. Жизнедеятельность семьи: тенденции и проблемы / отв. ред. А. И. Антонов. М. : Наука, 1990. 128 с.
4. Законы о женщинах : (сборник всех постановлений действующего законодательства, относящихся до лиц женского пола). СПб. : Изд-во Я. А. Кантоновича, 1899. 272 с.
5. Заславская Т. И. Современное российское общество: социальный механизм трансформации. М. : Дело, 2004. 400 с.
6. Репина Т. А. Кризис современной семьи: причины, особенности, последствия // Вестник Тамбовского университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2008. Вып. 6. С. 115—119.
7. Соловьев Н. Я. Семья в социалистическом обществе. М. : Политиздат, 1981. 63 с.
8. Харчев А. Г. Брак и семья. М. : Мысль, 1979. 365 с.
9. Харчев А. Г., Мацковский М. С. Современная семья и ее проблемы. М. : Статистика, 1978. 224 с.
10. Хасбулатова О. А. Российская гендерная политика в XX столетии: мифы и реалии. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2005. 372 с.
11. Янкова З. А., Языкова В. С. XX век и проблемы семьи : (по материалам XII Международного семинара по исследованию семьи). М. : Знание, 1974. 72 с.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ И ПСИХОЛОГИЯ

ББК 60.543.139

И. Л. Сизова

ИЩУЩИЕ РАБОТУ ЖЕНЩИНЫ НА РОССИЙСКОМ РЫНКЕ ТРУДА

Регулирование социально-трудовых отношений в нашей стране уже длительное время «провальная» область государственной деятельности, несмотря на кризисные проявления в экономике последних лет и заявления об отказе от модели сырьевой экономики. Российский рынок труда продолжает функционировать в сильно деформированном виде: «стихийность» рынка услуг, монополизация целых секторов хозяйства, высокая степень коррупции в рядах чиновников, отвечающих за функционирование целых отраслей хозяйства, огромный сектор низкооплачиваемого труда, который не является малоквалифицированным в «чистом виде», с одной стороны, а с другой — быстрое развитие востребованных на рынке атипичных форм и видов труда в отсутствие адекватного правового регулирования, доступной образовательной подготовки, социальной защиты работников и в целом — экономически активного населения. До сих пор обширным остается государственный сектор занятости, который хотя и сдерживает безработицу, но деформирует спрос и предложение труда в рыночном секторе хозяйства. Как следствие — слабо развивается социальный капитал трудоспособных граждан, их мобильность, производительность труда, видоизменяются трудовые стимулы и мотивация населения. Основным итогом такого развития является деградация огромной части трудовых ресурсов, воспроизводство которых само по себе уже сейчас становится новой российской социальной проблемой.

В период с 2009 по 2012 г. автором, совместно с группой студентов Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского*, были проведены такие исследования в области регулирования занятости и положения безработных лиц, как:

© Сизова И. Л., 2013

* Автор статьи выражает благодарность выпускнице 2012 г. Е. Милкиной и студентке 5 курса Е. Гробовой (факультет социальных наук ННГУ им. Н. И. Лобачевского) за плодотворную работу по подготовке материалов интервью с безработными и экспертами центров занятости населения.

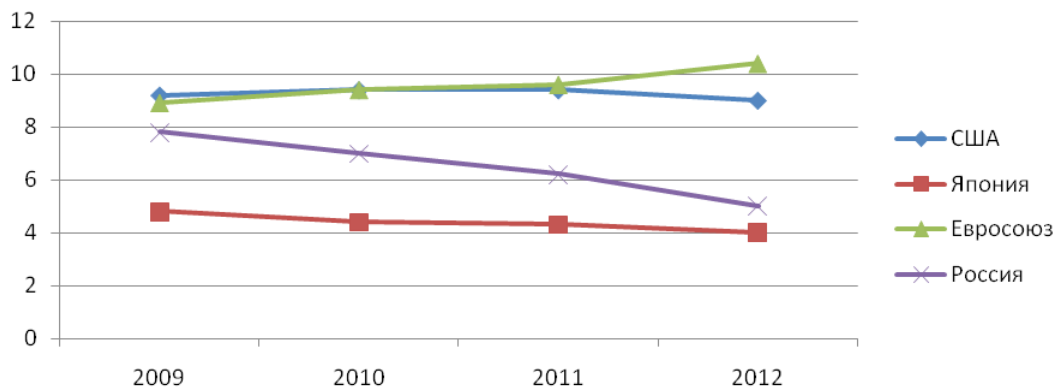
— реконструкция процесса и этапов реформ в области социально-трудовых отношений в Германии на базе анализа данных групповых дискуссий с ведущими немецкими учеными — экспертами в области политики занятости, 2007 г. (четыре раунда дискуссий с экспертными группами сотрудников Института труда и квалификации (г. Гельзенкирхен), Института хозяйственных и социальных исследований (г. Дюссельдорф), Исследовательской организации по изучению рынка труда (г. Берлин), университета г. Дуйсбург-Эссен (Эссен));

— выявление групп безработных, имеющих особые проблемы в трудоустройстве, и объяснение причин незанятости/неустойчивой занятости на базе анализа данных полуформализованных биографических интервью (n=32) с безработными, состоящими на учете в ГСЗН Ленинского района г. Нижний Новгород (2010 г.);

— определение проблем и неэффективных практик управления занятостью на основании обработки данных экспертных интервью с руководителями районных отделов ГСЗН г. Нижний Новгород (2011 г.);

— исследование трудовых биографий и жизненных историй безработных женщин с целью выявления причин увольнений женщин или отказа им в трудоустройстве в г. Нижний Новгород (2012 г.).

Анализ российской статистики занятости и безработицы показывает, что с некоторых пор наметилась устойчивая специфика женской безработицы. При сравнении ситуации с европейскими государствами во многих случаях отмечаются сильные пострановые различия. Так, в проблемных странах (например, в Греции) женская безработица в 2010 г. была намного выше мужской. Наоборот, в преуспевающих странах (в Германии, Великобритании) женщины реже мужчин оказываются в числе безработных в среднем на 20 %. В целом в ЕС разницы между мужской и женской безработицей практически не существует (не более 1 % в 2012 г.) [6], хотя положительная динамика в снижении женской безработицы наблюдается только с 2006 г. [5]. В России до кризиса 2008 г. женская безработица также практически не отличалась от мужской (0,2—0,4 % разницы), в период же с 2009 по 2011 г. мужская безработица несколько усилилась и превысила женскую в среднем на 1,0 % (в 2012 г. — на 0,7 %). Приведем данные по динамике женской безработицы в трех развитых «центрах труда» и в России [4, 5] (рис.).

Динамика безработицы среди женщин 2009—2012 гг., % (методика МОТ)

Положительная динамика сокращения женской безработицы в России омрачается серьезными региональными различиями. Так, в Нижегородской области в указанный период росла в большей степени женская безработица (табл.), в 2012 г. она превысила мужскую безработицу практически вдвое. Ухудшения отмечаются в продолжительности женской безработицы по сравнению с мужской [3].

Характеристика женской безработицы

Параметр	2009	2010	2011	2012
Женская безработица, %	56,7	60,7	60,4	61,5
Средняя продолжительность женской безработицы, мес.	5,0	5,5	4,9	4,9
Среднестатистическое время безработицы, мес.	4,8	5,3	4,6	4,7

Важно отметить, что большинство безработных, зарегистрированных в нижегородской службе занятости, являются социально уязвимыми слоями населения. Как правило, это традиционные, стигматизированные категории граждан, к которым в ходе авторских обследований были причислены лица без квалификации или с незначительным общим и профессиональным образованием, с ограниченными возможностями и родственники, осуществляющие уход за больным членом семьи, имеющие алкогольную и/или наркотическую зависимость, бывшие осужденные. Однако в настоящее время отмечаются признаки появления новой уязвимости на рынке труда, под которой понимается общая несамостоятельность, неспособность, некомпетентность безработных и ищущих работу в разрешении проблем трудоустройства. К таковым в большинстве случаев могут быть отнесены и женщины, принявшие участие в исследовании. Именно женщины чаще всего в связи с вопросом о том, что помешало найти работу, рассуждают о неуверенности «в себе, в своих силах».

Анализ материалов интервью с безработными женщинами позволил маркировать распространение так называемых самодетельных биографий [8, S. 24], т. е. полной свободы в выборе стиля и образа жизни современных людей, вне зависимости от общественных (позитивных или негативных) изменений. Приведем пример подобной женской трудовой биографии.

Тамара, 50 л. Муж женщины зарабатывает хорошо, денег хватает, но он настаивает, чтобы жена нашла работу из-за будущей пенсии. Тамара уже не первый раз обращается в центр занятости: «...через центр занятости устроилась кондуктором, но по состоянию здоровья пришлось уволиться. Из-за постоянного шума начало щемить сердце, врачи предупредили о возможном проявлении астмы. Я даже вывихнула ногу! Вроде, кажется, простая работа, а ведь целый день на ногах, да и зарплата очень маленькая... Да и дом я забросила с этой работой».

Современные «самодетельные» женщины полны собственными смыслами и индивидуальными жизненными и трудовыми планами. В интервью они указывают на случайный выбор профессионального образования, первой работы, последующей трудовой деятельности. Если женщине в центре занятости предлагают список вакансий, то она непременно выбирает «женскую профес-

сию», может заявить, что «не работает очень давно», но при этом указать, что была масса вариантов заработка. Женщины ценят постоянство, поэтому до последнего будут работать в одном месте, даже если зарплату не платят, а предприятие должно закрыться: «*Меня там знают и хоть немного ценят... Где гарантия, что следующая работа окажется лучше?*» Или, наоборот, способны резко поменять профессию (например, с музыкального на бухгалтерское дело), потому что «*зарплату стали платить водкой*». До сих пор женщины, живущие с семьей, вынужденную безработицу не воспринимают как серьезную жизненную проблему: «*Я не считаю себя обузой для семьи, не чувствую себя в чем-то ущемленной... Меня все устраивает, большую часть времени я отдаю заботе о семье, на себе не закливаюсь*». Несколько обескураживающий темп современной жизни для женщины может быть гнетом, но она его не отрицает, а в неудачах винит только себя.

Однако в большинстве случаев бездействие или пассивность женщин, зарегистрированных в службе занятости, являются вынужденными. Например, молодые образованные девушки четко отмечают, что им мешает трудоустроиться: «*Все работодатели спрашивают о семейных планах, им важно, чтобы работник полностью отдавал себя работе, а не семейной жизни, не уходил в декрет, чтобы не было плохого настроения, если с молодым человеком поругалась, чтобы не было таких слов: “ой, мне надо за ребенком”, “ой, мне надо в детский сад на утренник”, такого они не очень хотят слышать...*»

В России политика помощи ищущим работу носит недифференцированный характер, она нацелена на преодоление неспецифических причин массовой безработицы. Государственные программы стимулирования занятости, государственная материальная помощь безработным, федеральные и региональные банки вакансий, предоставляемая информация не обращены к конкретному субъекту, его индивидуальной и семейной ситуации. С этим соглашаются как зарубежные, так и российские эксперты, это признают руководители районных отделов ГСЗН. В современной теории регулирования рынков весомым является аргумент о том, что не все причины безработицы одинаково действительны для трудоспособных лиц, приходящих на рынок труда. Если для одних какие-то причины являются важными, то к другим они не имеют никакого отношения [7, S. 19]. Если учитывать цели политики занятости в России, оказывается, что принимается во внимание только обезличенная и далеко не полная статистика безработицы. Государственная интервенция носит диффузный характер: все средства хороши и одинаково применимы к безликой единице в служебных документах — зарегистрированному безработному. В результате увеличивается слой пассивных безработных, приходящих за пособием, за отметкой или за бесплатным направлением на образовательные курсы.

Анализ биографий женщин, имеющих значительные проблемы в трудоустройстве или в трудовой жизни, показал, что, как правило, единственным средством помощи выступает принуждение и назначение санкций (например, сокращение пособия или отказ от его выплаты). Вот типичное убеждение руководителя районного отдела службы занятости: «*...есть вакансия “уборка лестничных клеток”. Почему-то все этой работы пугаются, легче получить 850 рублей в месяц ни за что... Да и зарплата там от 6 тысяч рублей — явно*

больше, чем 850 рублей. Если ты здоров, но у тебя такая сложная семейная ситуация, утром уберись и ты целый день свободен. Так что некоторые люди меня просто удивляют».

Сами клиенты центров занятости не разделяют мнений сотрудников: «... когда я в центре занятости зарегистрировалась, там дают бумажки на те вакансии, которые необходимо обязательно посетить. И бегаешь по организациям, и устаешь еще больше, чем на самой работе. Надо каждый раз тщательно одеться, вымыться, про организацию все знать. Один раз в две недели проходишь 3—4 собеседования, и надо еще отметку поставить, что вы побывали на этих собеседованиях...»

И у нас, и за рубежом отбор участников государственных программ по стимулированию занятости осуществляется в соответствии с критерием «может участвовать/не может участвовать», а дальнейшая селекция основана на предположении о потенциальном успехе участников после (или во время) реализации программы («сможет трудоустроиться/не сможет трудоустроиться») [2]. Однако экономисты, к примеру доктор М. Кнутч, развивают интересную концепцию о «негативной производительности»: «...это человек, с которым что-то произошло <...> Это такой человек, на которого накладывается больше обязанностей, чем он способен выполнить <...> С этой точки зрения длительно безработные являются “негативными производителями”. Для того чтобы получить работу, они должны пройти множество инструктажей, получить значительную квалификацию, стимулы и пр., то есть больше, чем они в состоянии понять и сделать. Поэтому они не заняты <...> Это означает, что каждый имеет собственную производительность...» (см.: [1]). Анализ принудительной занятости в современной Германии показывает, что инструменты и практики негативного стимулирования безработных, санкции в отношении уязвимых безработных занимают все большее место в государственном управлении. Такая политика вызывает дефицит управленческих решений и увеличивает правовую незащищенность граждан. В ходе немецких реформ выяснилось, что существуют клиенты, которые не поддаются активизации (стимулированию). Другим она приносит лишь дополнительные трудности. В интервью одна из наших респонденток указала, что в службе занятости, где она состояла на учете, предлагали информацию о том, как понравиться работодателю на собеседовании. Вот что об этом думает сама девушка: «...все работодатели смотрят на внешний вид. Это было самое сложное — перекраситься, настраиться, переодеться. Меняется внешность и меняются внутренние ощущения. Дико не хотелось меняться, хотелось, чтобы меня воспринимали такой, какая я есть. Потерялась индивидуальность, стала считать себя “серой мышкой”. Я вынула пирсинг, пришлось поменять цвет волос, сменился стиль одежды. На собеседованиях нужна строгость. Сейчас распустилась, хожу в кроссовках на работу (смеется)».

Проявление негативных психологических и поведенческих реакций со стороны клиентов служб занятости, таких как страх, беспомощность и противостояние, разрушает доверительные отношения между клиентами и специалистами служб, работодателями, увеличивает зону «неустойчивой занятости», которая едва ли может в настоящее время считаться «мостом» для включения ищущих

работу в регулярные трудовые отношения. Движение в направлении либерализации инструментов регулирования занятости в России будет способствовать наращиванию подобных эффектов. Вот история принуждения.

Людмила, 44 г., вдова, имеет дочь, образование среднее профессиональное. После школы пошла работать в торговлю, т. к. *«учиться не хотелось»*. Часто меняла работу по разным причинам: *«нужно было воспитывать ребенка, а работа была далеко от дома»*, *«ребенок часто болел, пришлось переехать в деревню и сменить место работы»*, *«устроилась бухгалтером, но попала под сокращение»*, *«пошла работать заместителем бухгалтера, но уволилась, потому что не устраивала зарплата, была “черная” касса, тюрьмой “попахивало”»*. Почти год Людмила состояла на учете в службе занятости: *«Пособия были хорошие из-за того, что муж трагически погиб, а ребенку еще не исполнилось восемнадцати»*. По направлению службы занятости закончила курсы продавца сувенирных товаров и была трудоустроена продавцом-консультантом. Проработала два года, но снова уволилась по собственному желанию — *«из-за зарплаты»*. Возвратилась в службу занятости, где в очередной раз была направлена на работу продавцом. Проработала лишь испытательный срок, потом снова оказалась на учете в службе занятости. Людмила даже точно не помнит, сколько раз обращалась в центр занятости. Последнее место работы — оптика. Женщина устроилась туда снова благодаря службе занятости, но проработала всего месяц. Причиной увольнения на этот раз стал возраст: *«Хозяйка хочет, чтобы у нее работали молодые. У нее и коллектив весь молодой, одни девушки работают. Я уже как-то не вписываюсь, наверно»*. Людмила в очередной раз пришла в центр занятости.

«Активизация» не может считаться центральной функцией политики регулирования занятости, поскольку действительно нуждающиеся в помощи лица плохо поддаются принуждению или оно им только осложняет жизнь. В результате снижается доверие населения к реализуемым программам и выявляется неготовность структур государства к решению такого рода вопросов (в настоящее время отсутствуют необходимые инструменты). Во время затяжной безработицы у женщин часто возникает агрессия в отношении внешнего мира: *«Пока была безработной, хотелось работать периодически. Могла неделями валяться без работы, поскольку в конце осени на собеседованиях отказывали. Думала: да пошли они все — и могла дальше неделями валяться...»*

Выходом может стать развитие комплексных программ индивидуального сопровождения ищущих работу, в которых наряду с инновациями в управленческой, сетевой деятельности учитываются трудовые способности и мотивация самого безработного. Из интервью с руководителем районной службы занятости г. Нижний Новгород: *«...успех в работе больше зависит от того, как специалист сумеет мотивировать своего безработного, потому что многие люди потеряли уверенность в себе, в том, что они могут трудоустроиться. Может быть, за счет каких-то мероприятий... И у них надежда появляется, они повышают свою самооценку и уже немного по-другому начинают разговаривать с работодателем, как-то трудоустраиваются. Вот такая специфика работы, которую не облечешь в какую-то типовую форму, не назовешь ее ни-*

как. Нужен индивидуальный подход как к работодателю, так и к клиенту. Во многом от этого успех зависит. Групповые, психологические консультации — они во всех районах проводятся, но все же такой... индивидуально-творческий подход нашего специалиста играет большую роль...»

Интуитивно установленные сотрудниками социальных служб причины трудовой дезинтеграции части трудоспособного населения вследствие невнимания к развитию социального капитала (компетенции, трудовая мотивация, специфические интересы) приводят к нарастанию материальной незащищенности, росту патерналистских ожиданий, инфляции претензий со стороны безработных и населения страны в целом (из-за признания неэффективности работы социальных служб), к раскручиванию необоснованных социальных расходов из-за роста длительной безработицы, повторных и последующих возвращений за пособиями в службу занятости. В ситуации невнимания к потребностям личности, консервации деятельности (устаревшая, неадекватная реакция), нарастающей бюрократизации и диктата государственных служб происходит закрепление гражданской пассивности членов общества, возрастает общественная десолидаризация и усугубляются иные социальные проблемы.

В дискуссиях о решении проблем занятости обычно замалчивается роль третьей, но важной стороны — работодателя. Конечно, едва ли возможно в условиях нарастающей нестабильности экономики, все большей экономии средств на рабочую силу требовать от работодателя солидарности в вопросах найма и увольнений. Однако воспроизводство и поддержание трудового потенциала страны как важная общественная задача требует включения работодателей в разработку новых инструментов трудовой интеграции. Например, в Германии создаются программы «переходных рынков труда», «мостов в занятость» при непосредственном участии работодателей [1]. На данные потребности неоднократно в ходе интервью указывали ищущие работу молодые женщины: *«...везде требовались работники с опытом. А где взять опыт работы, если без опыта работы нигде не берут? Извечный вопрос... Причем опыт должен быть по данной профессии. Сейчас, я думаю, работодатель очень много требует от молодых специалистов, очень многого хочет, все желание работать отпадает»*. Для самого работодателя может быть важным отказ от статистически воссозданного образа типичного индустриального работника. Об этом косвенно говорят и специалисты службы занятости: *«Если когда-то правительство задумается и обеспечит нас такой техникой, чтобы мы смогли делать видеопрезентации безработных... Вот заснять и выложить все в Интернет, чтобы работодатель, входя в банк резюме, мог воочию убедиться, что я ему предлагаю пенсионерку, которой вчера исполнилось 55, но внешне ей дашь все 45! Это моя утопическая, может быть, идея, но кто знает, может быть, она и претворится в жизнь»*.

Модернизация нашей страны невозможна без воссоздания/реформирования системы регулирования трудовых отношений с учетом изменений, происходящих в постиндустриальном мире. Новая страна обязана быть более внимательной к личности, ее индивидуальным потребностям, стилю жизнедеятельности, способам, пусть даже и противоречивым, взаимодействия с окружающей

действительностью. Вот некоторые характерные выдержки из интервью с безработной женщиной.

И.: *Работаете ли вы сейчас?*

Р.: Нет, завтра на собеседование.

...

И.: *Какое место занимает работа в вашей жизни?*

Р.: Самое важное, кушать хочется и еще кое-что.

И.: *Какие усилия вы прилагали для подготовки себя к трудовой деятельности?*

Р.: Подругам шила, училась, чтобы лучше знать свое дело.

И.: *Какие случаи в вашей жизни повлияли на выбор, смену профессии?*

Р.: Случайности... Бросаясь в омут...

...

И.: *Чего бы Вы хотели достичь в своем профессиональном развитии?*

Р.: Не знаю, чего и хочется...

И.: *Какие критерии при выборе работы для вас являются главными?*

Р.: Побольше оклад, побольше свободного времени.

И.: *Расскажите о своих жизненных ценностях.*

Р.: Самое главное — семья, дети.

Будущее «мира труда» в России связано с перестройкой всей системы регулирования трудовых отношений, признанием и легализацией новых форм и видов труда, с появлением новых гибких инструментов социальной защиты трудящихся и их семей, исключающих формализм, стигматизацию, эксклюзию и маргинализацию тех, к кому они обращены.

Библиографический список

1. Сизова И. Л. Модернизация «консервативного государства благосостояния» в сфере социально-трудовых отношений: социологический анализ : дис. ... д-ра социол. наук. Н. Новгород, 2009. 360 с.
2. Сизова И. Л. Опыт предоставления социальных услуг ищущим работу в европейских странах // Качество услуг социальной работы : материалы Междунар. науч.-практ. конф. Казань : КГМУ, 2011. С. 239—242.
3. Статистика Нижегородской службы занятости населения. URL: <http://www.czn.nnov.ru/main/301/320/> (дата обращения: 20.03.2013).
4. ФСГС: тенденции на рынке труда : аналит. докл. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/B12_04/IssWWW.exe/Stg/d03/2-rin-trud.htm (дата обращения: 15.01.2013).
5. Eurostat: Online-Datenbank. Arbeitslosenquote nach Geschlecht, Arbeitslosenquoten nach Geschlecht, Altersgruppe und Staatsangehörigkeit. URL: <http://www.fiw.ac.at/index.php?id=254> (дата обращения: 20.01.2013).
6. Eurostat: Selected Principal European Economic Indicators. URL: <http://epp.eurostat.ec.europa.eu/tgm/refreshTableAction.do?tab=table&plugin=1&pcode=teilm020&language=de> (дата обращения: 18.01.2013).
7. Perspektiven der Arbeitsmarktpolitik : Internationaler Vergleich und Empfehlungen für Deutschland / Ch. M. Schmidt, K. Zimmerman, M. Fertig, J. Kluve. Berlin, etc. : Springer, 2001. 321 S.

8. *Struening Ch.* Mit Sicherheit flexibel? Chancen und Risiken neuer Beschäftigungsverhältnisse. Bonn : Verlag J. H. W. Dietz Nachf, 2003. 218 S.

ББК 60.561.26+88.59

Н. В. Шайдакова

ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ ПСИХОЛОГИИ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОГО ПОВЕДЕНИЯ: АНАЛИЗ ЖЕНСКОГО «ДЕМОНСТРАТИВНОГО ПОТРЕБЛЕНИЯ»

Конец XX — начало XXI в. — время интенсивного развития экономической психологии (Т. В. Гусева, О. С. Дейнека, Х. Дитмар, А. Л. Журавлев, А. И. Китов, П. Лунт, С. Ливингстоун, В. П. Поздняков, Б. Г. Ребзуев, А. А. Савельева, В. А. Хащенко, А. Б. Фенько, Е. В. Щедрина и др.), что обусловлено в первую очередь рядом практических потребностей современного общества.

Возникновение экономической психологии как самостоятельной отрасли психологического знания было связано с именем Г. Тарда; толчок в развитии она получила в связи с переходом западного общества в эпоху постмодерна (середина 1970-х гг.). Стали разрабатываться многие темы экономической психологии: собственность (Д. А. Принтайс, Л. Ферби, Н. Л. Камптнер), сбережения и долг (S. Lea, R. Bertoud, E. Kempson, S. Livingstone, P. Lunt, K.-E. Wärneryd), повседневные экономические решения (А. Тверски, Д. Канеман), деньги, семейный бюджет (Х. Дитмар), безработица (А. Furnham, A. Lewis, P. Lunt) и нищета (А. Furnham, P. Lunt, S. Livingstone) и др. [4].

Исследование гендерных аспектов экономических явлений традиционно находится в фокусе внимания отечественных исследователей. Особый интерес вызывают такие темы, как:

— гендерные особенности рынка труда и безработицы (З. А. Хоткина, Л. С. Ржаницына, Г. П. Сергеева, И. В. Кузнецова, Н. В. Соколова, В. И. Власов);

— карьерные перспективы женщин (О. М. Здравомыслова, А. О. Владимирская, А. Е. Чирикова);

— неофициальная занятость женщин и ведение домашнего хозяйства (Т. К. Арефьева);

— совмещение экономической активности и материнства (Ю. Е. Алешина, Е. В. Лекторская, М. Е. Баскакова, В. В. Бодрова, Н. В. Лавриненко);

— гендерные аспекты предпринимательства (О. А. Автономова, Л. В. Бабаева, А. Е. Чирикова, О. М. Здравомыслова, О. Н. Кричевская).

Однако гендерный анализ потребительского поведения находится на периферии исследовательского интереса. Во многом это происходит потому, что тема потребления, в общем, имеет небольшую историю изучения. Так, в зару-

бежной экономической психологии преимущество в исследовании было отдано теме принятия потребительского решения (Г. Саймон, Д. Канеман, А. Тверски) (см.: [6]) и изучению установок, влияющих на поведение потребителя (М. Фишбей, И. Адзен, Дж. Гутман, Дж. Олсон, Т. Рейнолдс, А. Ауденаэрт, Дж. Стинкам) (см.: [3]). В России внимание психологов в сфере экономики традиционно было сконцентрировано на психологии производителя, человеческом факторе в производстве, проблемах управления. Столь высокий интерес к сфере производства связан с доминировавшим в то время марксистским пониманием политической экономии и запросами государственной экономической политики [7, с. 71].

Тем не менее сегодня появляются работы, затрагивающие гендерные аспекты потребительского поведения. Так, Б. Г. Ребзуев и А. А. Савельева раскрывают тему влияния социальных агентов на различные стороны потребительской социализации подростков [5]. Исследование подтвердило предположение, что девушки чаще юношей общаются с родителями и сверстниками по поводу покупок. Объясняя свой покупательский выбор, девушки чаще ссылаются на социальные мотивы, а юноши — на экономические. Исследователи подчеркивают однако, что на экономические мотивы опираются юноши, которые чаще общаются с родителями, а на социальные — те, чье общение в большей степени ориентировано на сверстников.

Т. В. Гусева показала, что специфичным товаром в потребительских предпочтениях мальчиков в группе «активных» потребителей являются автомобили [2]. Автор объясняет это изменением иерархии потребностей с возрастом ребенка и приобретением потребительского опыта. В группе «пассивных» потребителей девочки предпочитают приобретать бижутерию. По результатам этого исследования также можно утверждать, что существуют гендерные различия в обращении с деньгами. Так, родители мальчиков предоставляют им большие возможности в приобретении опыта обращения с деньгами, нежели девочкам. Родители чаще обсуждают с мальчиками планирование семейного бюджета, планы на приобретение товаров.

Очевидно, что все гендерные различия в потребительском поведении, представленные в исследованиях, обусловлены гендерными стереотипами и влиянием гендерной социализации, кроме того, работы выполнены только на основе изучения подростков. Гендерные аспекты потребительского поведения взрослых остаются практически не рассмотренными в современной социальной психологии.

Целью нашего исследования являлся анализ потребительского поведения женщин в контексте «показного потребления», а именно изучались детерминанты выбора дорогого женского белья. «Показным потреблением», демонстративным потреблением в социальных исследованиях называют «использование потребления для доказательства обладания богатством», потребление «как средство поддержания репутации» [1, с. 108]. Термин был предложен Т. Вебленом в работе «Теория праздного класса».

В исследовании приняли участие 40 женщин различных возрастных групп. Его программа включала проблемно ориентированное слабоструктурированное интервью и субъективное шкалирование.

В группе участниц от 18 до 29 лет практически все интервьюируемые поддерживали точку зрения об исключительности места нижнего женского белья

в гардеробе женщины, указывая на дорогое белье как символ сексуальности и уверенности в себе: «Дорогое белье нужно для того, чтобы чувствовать себя привлекательной для мужчин» (М. Н., 21 г.); «Для того чтобы чувствовать себя шикарной женщиной» (Е. С., 22 г.); «Для соблазнения противоположного пола» (И. В., 19 л.). При описании социальных практик в этой группе можно выделить несколько ситуаций, построенных с учетом адресата представления дорогого нижнего белья:

- демонстрация белья возлюбленному;
- демонстрация белья подругам;
- демонстрация белья малознакомым девушкам при переодевании перед спортивными занятиями;
- дарение нижнего белья ровесницам (близким подругам и родственникам).

Таким образом, нижнее белье для молодых девушек прочно встроено в систему социальных отношений как элемент сексуальной коммуникации, как отличительный знак социального статуса, демонстрирующий успешность, молодость и привлекательность. Результаты субъективного шкалирования подтверждают итоги интервью: сексуальность и красота в представлениях об идеальном белье неразрывно связаны между собой в сознании респонденток данной группы. Однако уже в следующей возрастной группе эта установка теряет свои позиции.

Среди женщин от 30 до 44 лет все чаще встречается мнение, что дорогое белье не является необходимостью в женском гардеробе. Типичная ситуация демонстрации нижнего белья — при переодевании перед спортивными занятиями: «Дорогое белье нужно для того, чтобы не стыдно было снять одежду в спортивном клубе» (Л. В., 33 г.). Для данной возрастной группы выбор марки нижнего белья определяется его возможностью демонстрировать социальный статус обладательницы, богатство. На второй план отступает роль дорогого нижнего белья в поддержании межличностных отношений: его реже обсуждают с подругами и реже выбирают в качестве подарка. Снижается его значимость в сексуальной коммуникации: его реже демонстрируют возлюбленному. При опросе респонденток этой возрастной группы открылась новая ситуация демонстрации дорогого нижнего белья — у врача (о ней заявила половина участниц исследования).

Кроме того, у данной возрастной группы женщин утрачивается элемент экспериментирования с покупками, вырабатываются стойкие предпочтения, основанные на комфорте и качестве продукта. Таким образом, для замужних, уже имеющих детей женщин значение дорогого нижнего белья переозвучивается: оно призвано служить комфорту и демонстрации социального статуса.

Группа респонденток от 45 до 55 лет подчеркивает значение качества и комфорта в одежде, однако также проявляет интерес к дорогому нижнему белью как элементу сексуальной коммуникации. Белье возвращается в списки подарков, в темы для разговоров с подругами, демонстрируется знакомым и мужу. В этой возрастной группе впервые звучит тема экономии денежных средств: женщины склонны экономить на гардеробе, частью которого является

и нижнее белье. Субъективное шкалирование отражает поиски «золотой середины» между высокой ценой белья, качеством и сексуальностью.

В группе женщин старше 55 лет функция символической сексуальности сохраняется, но акцент переносится на тему уверенности в себе: «Дорогое белье помогает себя чувствовать на высоте, уверенно, особенно в ответственной ситуации» (А. А., 57 л.). Белье по-прежнему служит коммуникации: его дарят и обсуждают, но более умеренно.

Проведенное исследование позволяет усомниться в том, что дорогое и изысканное белье покупается для обольщения сексуального партнера. Сексуальность в ходе анализа результатов субъективного шкалирования не стала причиной высокой оценки марки данного вида одежды. Аргумент сексуальной игры как фона для демонстрации белья озвучивается женщинами по необходимости в ответ на требования социума. Сценарии демонстрации нижнего белья подтверждают, что основными судьями в его оценке являются не мужчины, а более или менее знакомые женщины. Дорогое белье используется женщинами для демонстрации высокого социального статуса в самом широком контексте: «я достойна этого», «я могу себе это позволить».

Современное состояние исследований потребительского поведения можно определить как «интенсивное развитие». Его перспективы связаны с изучением потребительской социализации, показного потребления, культурных аспектов потребительского поведения. Безусловно, одной из ведущих в исследованиях должна стать проблема гендерных аспектов потребления, включая такие деликатные темы, как представленная в данной статье.

В настоящее время в изучении потребления намечен переход к культуральным подходам: внимание специалистов привлекают связи экономической психологии с другими дисциплинами — антропологией, кросс-культурными исследованиями, социологией. Наблюдается отход от экономических оснований объяснения явлений потребления и постепенный охват все новых пластов культурного контекста.

Библиографический список

1. Веблен Т. Теория праздного класса. М. : Прогресс, 1984. 367 с.
2. Гусева Т. В. Потребительское поведение детей старшего дошкольного возраста в процессе социализации : автореф. дис. ... канд. психол. наук / Яросл. гос. ун-т им. П. Г. Демидова. Ярославль, 2005. 14 с.
3. Здравомыслова Е. А., Темкина А. А. Социальное конструирование гендера // Социологический журнал. 2003. № 3/4. С. 171—182.
4. Лунт П. Психологические подходы к потреблению: вчера, сегодня, завтра // Иностранная психология. 1987. № 9. С. 8—16.
5. Ребзуев Б. Г., Савельева А. А. Потребительское поведение подростков // Вопросы психологии. 2006. № 2. С. 138—147.
6. Сивуха С. В. Экономическая психология на пороге тысячелетий : (анализ зарубежных исследований) // Проблемы экономической психологии. М. : Ин-т психологии РАН, 2004. Т. 1 / отв. ред. А. Л. Журавлев, А. Б. Купрейченко. С. 83—106.
7. Спасенников В. В. Экономическая психология. М. : ПЭРСЭ, 2003. 448 с.

А. Н. Сухова

ГЕНДЕРНЫЕ РАЗЛИЧИЯ В АДАПТАЦИИ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Международный студенческий обмен является сегодня одним из направлений развития не только политического, но и образовательного пространства. Возможность обучения за границей для представителей студенческого сообщества — шанс получить качественное образование и расширить социокультурные рамки повседневной жизни. Для визитеров из развитых стран это, главным образом, потенциал расширения круга социальных связей и приобретение шанса на достойное трудоустройство, а в более глобальной перспективе — внесение вклада в международное сотрудничество стран и развитие идеи о мультикультурном толерантном обществе. Популяризация идеи академической и трудовой мобильности, связанной с взаимообменом ценностями, стилями жизни, знаниями и культурными особенностями представителей разных стран, приводит к пониманию актуальности исследования проблемы межкультурного взаимодействия.

Программы международного студенческого обмена стали неотъемлемой частью масштабного процесса — повышения культурно-исторической грамотности молодежи разных стран, поэтому вопросы адаптации в инокультурной среде — гендерные, возрастные и национальные, обуславливающие, в свою очередь, адаптивный потенциал иностранных студентов, стали предметом многих социальных исследований.

Данные показывают, что с тех пор как обучение за границей стало отдельным «проектом» — образовательным, идеологическим и дипломатическим, наиболее активное участие в нем принимают представительницы европейского континента, выбирающие гуманитарные направления специализации (W. Hoffa, 2007; Lincoln Commission, 2005; NAFSA: Association of International Educators, 2003) [8]. Одним из направлений исследований в области студенческих обменов и кросс-культурной адаптации стали гендерные различия в сфере образовательных возможностей, мотивации, приоритетов и жизненного опыта мужчин и женщин (C. Buchmann, T. A. DiPrete, 2005 [2]; J. A. Jacobs, 1996 [4]; W. H. Sewell, 1971; D. G. Smith, D. E. Morrison, E. WolfL, 1994) [8]. Предметом изучения становятся разные аспекты гендерных различий, связанных с процессом обучения и его влияния на жизненные установки мужчин и женщин, их ценности, поведение в ситуациях выбора.

Обращаясь непосредственно к академическому процессу, следует отметить особенности отношения студентов двух гендерных групп к различным аспектам и агентам образовательного процесса. Гендерные различия часто сопря-

жены с национальными особенностями и принятыми образцами поведения в той или иной культуре. Наиболее отчетливо эти особенности проявляются у представителей азиатской молодежи. Одно из исследований показало, что девушки — представительницы азиатской культуры (Китай, Таиланд и др.) склонны в большей степени, чем молодые люди — их соотечественники, следовать предписаниям своих преподавателей и занимать пассивную позицию «ученика» (не задавать вопросов, не высказывать своего мнения и не делиться собственными научными идеями). Девушки в большей мере, чем их сокурсники мужского пола, озабочены проблемой освоения материала, поэтому на лекции занимают места как можно ближе к преподавателю. Проблема освоения и понимания учебной информации для них более актуальна, чем для молодых людей, и они готовы тратить свое личное время в выходные дни на учебу и чтение дополнительной литературы по предмету [12].

Исследователи также обращаются к анализу мотивации и перспектив молодых людей, выезжающих в Европу для получения высшего образования. Результаты исследования, посвященного изучению опыта таких студентов в рамках программы «Эразмус» [5], продемонстрировали, что основными мотивами получения зарубежного академического опыта для студентов, независимо от половой принадлежности, стали совершенствование знания иностранного языка, получение нового жизненного опыта (знакомство с новой культурой) и повышение карьерных перспектив. При этом именно студентки из стран Центральной и Восточной Европы наиболее ориентированы на обучение и академические возможности выезда за границу [5]. Девушки более, чем молодые люди, заинтересованы в том, чтобы узнать о культуре новой страны как можно больше, повысить уровень владения иностранным языком и увеличить свои шансы на поиск хорошей работы в будущем, тогда как молодым людям более интересны новые социальные контакты и освоение досуговых практик (форматов развлечений) в рамках новой культуры [5, р. 17]. Таким образом, можно говорить о различных факторах адаптации, связанных с ожиданиями от поездки и мотивацией студентов, а также о разном уровне переживаемого студентами стресса в контексте гендерных различий. Однако данные по этому вопросу противоречивы. Результаты одних исследований говорят о большей стрессоустойчивости молодых людей, которые обладают развитыми адаптивными способностями и испытывают меньший эмоциональный стресс, чем девушки (E. Bang, A. Muruiki, J. Hodges, 2008; E. Virta et al., 2004) [7]. Другие исследования, напротив, подтверждают слабую моральную подготовку молодых людей к пребыванию в инокультурной среде, что сопровождается общим состоянием подавленности и чувством одиночества (S. Poyrazli et al., 2002) [3]. Некоторые авторы говорят об отсутствии гендерных различий в процессе аккультурации (G. R. Sodowsky, B. S. Plake, 1992) [3].

Например, исследование, посвященное социокультурным и психологическим аспектам адаптации иностранного студенчества в США [9], показало преобладание у его представительниц поведенческой модели «избегания» («escape-avoidance») — принятия желаемого за действительное и ухода от потенциально проблемных ситуаций, а также ярко выраженную приверженность родной культуре — идентификацию с привычными культурными и социальными

образцами, что сказывается на снижении их адаптационного потенциала. С другой стороны, для «слабой половины» иностранного студенчества более характерны позитивное переосмысление своего опыта в рамках новой культуры и активный поиск социальной поддержки (иными словами, они больше, чем молодые люди, ориентированы на общение и поддержание контакта с социальным окружением). Обнаруженная выраженность желания девушек остаться в стране обучения после выпуска в значительной мере результат их более слабой языковой подготовки, высокого уровня эмоциональной подавленности (депрессии) и более остро переживаемых трудностей социокультурной адаптации. Неоднократно подтверждается, что практика разговорного английского языка (как иностранного) на родине является для студентов одним из значимых факторов социальной, культурной и индивидуальной адаптации за границей [7].

Исследования, посвященные проблеме аккультурации иностранных студентов, показывают значимые различия в уровне социокультурной компетенции между полами в рамках одной и той же образовательной программы (M. Vande Berg, 2009) [11].

Таким образом, вопрос о различиях в способностях к успешной адаптации девушек и молодых людей, обучающихся за границей, требует особого внимания — с позиции социокультурных, этнических, социальных, коммуникативных и бытовых аспектов.

Авторское исследование, которое является предметом данной статьи, было проведено в 2012 г. среди иностранных студентов, обучающихся в Нижегородском государственном университете им. Н. И. Лобачевского и Нижегородском архитектурно-строительном университете. Участниками исследования стали 69 студентов (представители Европейского, Африканского континентов, Ближневосточного и Балканского регионов): 23 девушки и 46 молодых людей в возрасте от 18 до 37 лет, приехавших в Нижний Новгород получать степень бакалавра, магистра или кандидата наук.

Вопросы, на которые были получены ответы студентов, разделены на несколько смысловых блоков: самоидентификация студента, уровень подготовки к поездке, мотивация, знание языка, культурная компетентность (межкультурное взаимодействие), социальные контакты, адаптация к среде академической подготовки, источники поддержки (социальной, финансовой), проблемные ситуации. Полученные в ходе исследования результаты таковы:

1) молодые люди в целом лучше, чем девушки, адаптируются и действуют по ситуации (20,9 и 14,3 % соответственно), более уверены в себе (28,6 и 23,8 %), более эмоциональны (29,3 и 19 %) и обладают более высоким уровнем мотивации к адаптации в новой социокультурной среде. Девушки проявляют большую рассудительность (25 и 17,5 %), более обеспокоены чувством зависимости (14,3 и 7,5 %) и имеют более четкое, сформированное представление о себе (33,3 и 24,4 %). Статистически незначимы гендерные различия по таким показателям, как готовность к обучению, предубеждения, любопытство, терпимость (к другим культурам, меньшинствам) и терпение: представители обоих полов показали примерно равную степень выраженности этих характеристик своего «я» во время пребывания в России;

2) молодые люди были менее обеспокоены подготовкой к поездке, чем девушки, которые обращались к специальной литературе, использовали интернет-ресурсы и форумы и, в равной степени, общались с друзьями, советовались с родными по поводу предстоящей поездки (43,5 % по каждому показателю). Более 15,5 % мужчин-студентов отметили, что никак не готовились к поездке, а если и готовились, то чаще обращались к интернет-источникам (46,7 %), чем к мнению своего ближайшего окружения (37,5 %);

3) молодые люди оказались более подготовленными к общению на русском языке, чем девушки (45,7 % назвали русский одним из изучаемых иностранных языков). Студентки, как выяснилось, лучше подготовлены к общению на английском языке (91,3 %). Лишь 28,3 % молодых людей отметили, что могут бегло общаться на английском языке, чувствуя себя комфортно; у девушек этот процент заметно выше — 52,2 %. С использованием русского языка в разговорной речи ситуация гендерно-асимметричная: никто из девушек не владеет русским на уровне повседневного и академического общения, тогда как 8,6 % молодых людей, изучающих его как иностранный, отметили возможность оперирования разнообразным словарным запасом и обсуждения любых тем, т. е. в целом они могут демонстрировать беспроblemное общение на языке принимающего общества;

4) с тезисом о более выраженном общем состоянии «уверенности» молодых людей, по сравнению с девушками-студентками, соотносятся показатели более высокого уровня их готовности к освоению новой культуры и социальных норм: в большей степени, чем девушки, они готовы взаимодействовать с русским населением, справляться с негативными переживаниями, возникающими в ситуациях повседневного взаимодействия в принимающем обществе, осваивать новые социальные роли и активно интересоваться историей, культурой и традициями России;

5) процент молодых людей, которые завели новых друзей среди русскоговорящего и местного населения, заметно выше по сравнению с девушками (27,3 и 13,6 % соответственно); хотя представители «слабой половины» иностранного студенчества в большей степени, чем молодые люди, настроены на коммуникацию, для 50 % девушек круг общения ограничен представителями их родного региона/страны либо одной языковой общности. Это объясняет тот факт, что более половины женской части студенческого иностранного сообщества чувствуют себя «чужими» в России — 54,5 %, тогда как 57,1 % мужчин отмечают обратное;

6) мотивация молодых людей на обучение именно в России, в отличие от девушек, обусловлена фактором качества образования. Девушки чаще молодых людей основной причиной выезда за границу для обучения называли возможность получения нового жизненного опыта. Выбор страны обучения для молодых людей и девушек примерно в равной степени обусловлен интересом к русской культуре, традициям и людям (28,3 и 26,3 %), желанием изучать русский язык (26,1 и 26,3 %), спецификой их научных интересов (именно в России они могут получить образование по выбранным научным направлениям подготовки). Молодые люди отметили и «личные причины», дешевизну и меньшую проблематичность в оформлении документов;

7) молодые люди чаще отмечают, что чувствуют разницу в организации системы образования в России по сравнению с той, которая существует на родине. Для 36,6 % молодых людей и 25 % девушек эти различия ощутимы, но преодолимы;

8) наиболее проблематичными для молодых людей, в отличие от девушек, стали такие стороны адаптации, как учебный процесс (понимание материала, самоорганизация, расписание и т. п.) — 26,2 и 9,1 %; организационные/административные вопросы (регистрация, оформление банковской карты, получение студенческого билета и т. п.) — 19 и 4,5 %; ориентирование на местности (в городе, университете) — 9,5 и 4,5 % соответственно. Для девушек-иностранок наиболее сложными стали: незнание русского языка — 72,7 %, бытовые сложности — 27,3 % и недостаток денег — 22,7 %. Незначительные расхождения наблюдаются по таким проблемным зонам адаптации, как пользование общественным транспортом (11,9 % — мужчины, 9,1 % — женщины), проблемы со здоровьем (9,5 % — мужчины, 13,6 % — женщины).

Молодые люди среди прочих сдерживающих факторов адаптации назвали расизм (представители африканских и ближневосточных стран) — 5,9 %, непривычность русской кухни — 5,9 %. 29,4 % ребят ответили, что не испытывают значительных сложностей и достаточно успешно адаптируются к новым условиям жизни. Что касается в целом национального фактора и культурных различий, исследования показывают, что иностранные студенты, которые сталкиваются с расовой дискриминацией, часто демонстрируют (сознательно либо спонтанно) свою инаковость, «не-принадлежность» к культуре принимающего общества, склонны испытывать чувство социальной изолированности, что отрицательно влияет на процесс их адаптации (P. S. Heikenheimo, J. C. M. Shute, 1986; Y. Lulat, P. G. Altbach, 1985; R. G. Penn, M. L. Durham, 1978; G. R. Sodowsky, B. C. Plake, 1992; A. G. Trice, 2004) [10]. При этом этноцентризм, предрассудки и персонально направленная дискриминация воспринимаются особо остро молодыми людьми (E. M. Rogers, T. M. Steinfatt, 1999) [6].

Следует более подробно остановиться на языковых и учебных трудностях, с которыми сталкиваются иностранные студенты. Наибольшей проблемой для девушек стала языковая некомпетентность местного населения: 43,5 % студенток отметили, что русские плохо или совсем не говорят по-английски, что стало основным препятствием благоприятной для них адаптации. Процент молодых людей, отметивших ту же проблему, составил 19,6 %. С другой стороны, девушки также чаще, чем молодые люди, отмечали факт собственной языковой некомпетентности — незнание русского языка (23,9 и 17,4 %). Для обеих гендерных групп характерны ограниченность словарного запаса, трудности с русской грамматикой и непонимание материала лекций. Молодые люди выразили большую уверенность в том, что все проблемы преодолимы и взаимопонимание — это лишь временная трудность, «это не страшно».

Таково же отношение молодых людей к академическим аспектам адаптации. Ни одна девушка не отметила возможность преодоления проблем, какими бы сложными они ни были; молодые люди, напротив, утверждают, что любые академические сложности временны и незначительны — 17,4 %. Это отчасти подтверждает тезис, отраженный в высказывании о том, что юноши обычно ме-

нее ответственно подходят к учебному процессу: ценность академической подготовки является для них второстепенным мотиватором успешной адаптации, а наиболее важным фактором они считают включение в досуговые практики местного сообщества. Девушки наиболее критично для себя оценивают проблему «понимания» (лекционного материала) и общения в процессе обучения — 21,7 %, тогда как для молодых людей большее, чем для девушек, значение имеют различные издержки режима обучения: 10,9 % молодых людей не согласны учиться по выходным, рано вставать и тратить большую часть времени на обучение (не имея возможности найти подработку). Как молодые люди, так и девушки отмечают свое несогласие с условиями проживания, с организацией работы общежития и его персонала (иностранцы отмечают, что большинство работников не говорят на английском) и в целом со строгими правилами студенческой жизни, которые, по их мнению, ограничивают личную свободу. Среди прочих слабых сторон образовательной системы России студентами были указаны невозможность выбора учебных дисциплин и перегруженное расписание.

В общем иностранные студенты удовлетворены процессом обучения и приобретения нового опыта. Положительным следствием переживаемых трудностей во время адаптации они называют развитие личностного потенциала студента (в процессе освоения норм академической и повседневной деятельности, развития разговорных навыков и адаптации к требованиям местной культуры). Препятствующие адаптации аспекты связаны прежде всего с отсутствием языковой толерантности со стороны русских (массовое невладение английским языком и отказ от эффективной помощи иностранцам на английском/русском языках). Фактор собственной языковой подготовки студентов также стал сдерживающим барьером как для молодых людей, так и для девушек. Как показали результаты исследования, девушки в большей степени, чем молодые люди, склонны ощущать неуверенность в себе и уделять большее внимание академической подготовке, поэтому проблема освоения русского языка (как залог понимания учебного материала) является для них крайне актуальной.

Таким образом, общий уровень психологического давления, неуверенности, неорганизованности и эмоционального напряжения может быть следствием не только индивидуальных, но и социальных и культурных условий адаптации. Социокультурные практики представителей различных гендерных групп напрямую связаны с их культурной принадлежностью. Особо ярко культурные различия проявляются в формах поведения и нормативных образцах, которые предписаны и закреплены в представлениях о роли женщины в обществе (что наиболее отчетливо выражено в культурах стран Азии и Востока). Установлено, что девушки, приезжающие на обучение в страну с иными гендерными образцами, испытывают трудности адаптации к новым условиям и не могут принять те представления о роли и месте женщины, которые укоренены в принимающей культуре (S. Talburt, M. Stewart, 1999; A. Anderson, 2003) [1]. Данная проблема представляется важной, требующей внимания социологов, занимающихся исследованиями иностранного студенчества. Она затрагивает вопросы культурной, языковой, академической и социальной компетентности — представителей не только иностранного, но и принимающего общества. Знание гендерных особенностей, закрепленных в принимающей культуре,

показывает необходимость изучения процесса развития навыков распознавания и принятия «новичками» социальных норм, в соответствии с которыми установлены и исполняются роли мужчины и женщины в принимающей культуре. Вопрос о готовности к переоценке гендерных ролей иностранными студентами, в частности девушками — выходцами из стран с отличными ценностями и культурой, представляет особый научный и практический интерес.

Библиографический список

1. *Anderson A.* Women and cultural learning in Costa Rica: reading the contexts // *Frontiers : the Interdisciplinary J. of Study Abroad*. 2003. № 9. P. 21—52. URL: http://www.frontiersjournal.com/issues/vol9/vol9-02_anderson.pdf (дата обращения: 22.02.2013).
2. *DiPrete Th. A., Buchmann C.* Gender-Specific Trends in the Value of Education and the Emerging Gender Gap in College Completion. 2005. URL: <http://www.columbia.edu/~tad61/demog100205.pdf> (дата обращения: 26.02.2013).
3. International students' race-ethnicity, personality and acculturative stress / S. Poyrazli et al. // *J. of Psychology and Counseling*. 2010. Vol. 2 (8). P. 25—32. URL: <http://www.academicjournals.org/ijpc/PDF/Pdf2010/Aug/Poyrazlit%20al.pdf> (дата обращения: 22.02.2013).
4. *Jacobs J. A.* Gender inequality and higher education // *Annual Rev. of Sociology*. 1996. № 22. P. 153—185. URL: <http://homes.chass.utoronto.ca/~tkennedy/Courses/38H3/Jacobs.pdf> (дата обращения: 27.02.2013).
5. *Krzaklewska E., Krupnik S.* The Experience of Studying Abroad for Exchange Students in Europe. Erasmus Student Network Survey (in Partnership with Petrus Communications) : Research Report. 2005. URL: <http://www.petruscommunications.com/resources/documents/ESN-Survey-report.pdf> (дата обращения: 20.02.2013).
6. *Lostetter E. N.* Gender differences of students' experiences of study abroad : thesis. 2010. P. 15. URL: https://scholarsbank.uoregon.edu/xmlui/bitstream/handle/1794/10678/lostetter_thesis.pdf?sequence=4 (дата обращения: 01.03.2013).
7. *Otlu F. N.* College Adjustment of International Students : the Role of Gender, Acculturative Stress, Coping Skills, Cultural Distance, and Perceived Social Support. URL: <http://etd.lib.metu.edu.tr/upload/12612769/index.pdf> (дата обращения: 28.02.2013).
8. Running Head : Gender Differences in Intent to Study Abroad. To See the World or Stay at Home : Applying an Integrated Student Choice Model to Explore the Gender Gap in the Intent to Study Abroad / M. S. Salisbury et al. ; University of Iowa. URL: <http://www.education.uiowa.edu/centers/docs/cruedocuments/GenderDiffStudyAbroad-IntentRiHEfinal.pdf?sfvrsn=0> (дата обращения: 28.02.2013).
9. *Sumer S.* International Students' Psychological and Sociocultural Adaptation in the United States. 2009. Counseling and Psychological Services Dissertations. URL: http://digitalarchive.gsu.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1033&context=cps_diss (дата обращения: 20.02.2013).
10. *Trice A. G.* Faculty perspectives regarding graduate international students' isolation from host national students // *International Education J.* 2007. № 8 (1). P. 108—117. URL: <http://ehlt.flinders.edu.au/education/iej/articles/v8n1/Trice/paper.pdf> (дата обращения: 01.03.2013).
11. *Vande Berg M.* Intervening in student learning abroad: a research-based inquiry // *Intercultural Education*. 2009. Vol. 20. P. 15—27. URL: http://www.idrinstitute.org/allegati/IDRI_t_Pubblicazioni/31/FILE_Documento_MBM_Vande_Berg.pdf (дата обращения: 20.02.2013).

12. *Yun Yue, Sie Fan*. Learning Experiences of Chinese Background International Students in an Australian Tertiary Context. URL: <http://www.aare.edu.au/10pap/2035YueFan.pdf> (дата обращения: 20.02.2013).

ПРОБЛЕМЫ ЖЕНСКОЙ И ГЕНДЕРНОЙ ИСТОРИИ

ББК 63.3(2)53-5+63.3(2).53-284.3

В. М. Марасанова, И. Ф. Албегова, Г. Л. Шаматонова

ЖЕНЩИНЫ И ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ В ЯРОСЛАВСКОЙ ГУБЕРНИИ НА РУБЕЖЕ XIX—XX вв.

Положение женщин в семье и обществе в последние годы привлекает устойчивое внимание специалистов различных проблемных полей гуманитарного знания — историков, юристов, этнологов, культурологов [11, 12, 13, 14, 15, 20, 21, 26]. Гендерный подход, применяемый в самых широких хронологических и территориальных рамках, позволяет всесторонне проанализировать различные аспекты этой проблематики.

На Руси и в Российской империи женщины могли участвовать в социально значимой деятельности главным образом посредством религиозного служения и благотворительности и лишь в небольшой степени через поддержку культурно-образовательных начинаний. Гораздо больше возможностей для более широкого участия женщин в благотворительности, для получения ими образования в различных учебных заведениях, для занятий литературой, живописью и актерским мастерством стало во второй половине XIX в. Именно тогда появились первые женские товарищества, клубы, союзы, общества взаимопомощи, которые обратили внимание на специфические женские проблемы и нужды: образование, медицинскую помощь, труд и занятость. Это стало следствием великих реформ Александра II: освобождения крестьян, изменений в судебной системе, появления органов земского и городского управления, становления системы женского образования. Подготовка женщин в средних и высших учебных заведениях, которая стала более доступна в пореформенный период, содействовала повышению уровня грамотности и образованности в России и позволила женщинам включиться в сферу интеллектуального и престижного профессионального труда.

В начале XX столетия в условиях подъема общественной активности разных слоев населения женщины уже не ограничивались рамками семьи и церковного прихода, а стали все более активно проявлять интерес к политической жизни в стране. Женские политические группы и организации наиболее активно заявили о себе в годы российской революции 1905—1907 гг. На повышение активности женщин в этот период, несомненно, повлияли предоставление избирательных прав части мужского населения, переход к думской монархии, появление политических партий и профессиональных союзов. В годы ре-

волюции произошел переход женщин от просветительства и благотворительности к профессионально-политической деятельности и борьбе за законодательное оформление своих прав.

Более объективно репрезентовать заявленную проблематику исследования и изучить участие женщин в создании и деятельности профессионально-политических организаций позволяет региональный подход. Ярославская губерния занимала выгодное географическое положение, находясь между главными городами страны — Санкт-Петербургом и Москвой. К концу XIX в. она имела весьма развитые сухопутные, железнодорожные и водные коммуникации. Экономический потенциал губернии определяли малопродуктивные почвы, значительная доля текстильного производства, развитый отход и неземледельческие промыслы местного населения. Еще одной отличительной особенностью Ярославской губернии стал довольно высокий по сравнению с общероссийским уровень образования населения и раннее появление женских учебных заведений. Средний уровень грамотности в России на 1897 г. составлял среди мужчин 30 %, среди женщин — 13 %, а в Ярославской губернии соответственно 50 и 24 % [18, с. 53]. Эти и другие социокультурные инновации, заметно проявившиеся в заявленном регионе исследования, существенно меняли нормы традиционного общества и в очень быстрой перспективе вели к серьезным социально-экономическим и общественно-политическим последствиям.

Источниками изучения поставленной проблемы послужили делопроизводственные документы государственных административных и правоохранительных учреждений. В Государственном архиве Российской Федерации — фонд 102 Департамента полиции Министерства внутренних дел, прежде всего материалы Особого отдела; в Государственном архиве Ярославской области — фонд 73 «Канцелярия ярославского губернатора», фонд 79 «Ярославское губернское правление», фонд 347 «Прокурор Ярославского окружного суда», фонд 906 «Ярославское губернское жандармское управление», фонд 912 «Ярославское охранное отделение» и др. Данные об участии женщин в политических партиях можно найти в периодической печати начала XX века и в немногочисленных мемуарах женщин — участниц политических партий [2, с. 90—131].

Первым примером участия ярославских женщин в различных объединениях стали благотворительные, православные и просветительские общества. В Ярославской губернии действовал Дамский комитет Общества попечения о раненых и больных воинах (в период Русско-японской войны преобразован в Дамский комитет Общества Красного Креста). Местные дворянки активно участвовали в деятельности Общества для вспомоществования беднейшим православным монастырям и церквям, Ярославского общества вспомоществования бедным, Ярославской Федоровской общины сестер милосердия при богоугодных заведениях губернского земства и др.

31 декабря 1883 г. в Ярославле открылось братство св. Дмитрия Ростовского; ежегодно устраивались его торжественные заседания. Устав братства предусматривал содействие обращению раскольников в православную веру, помощь миссионерам и церковно-приходским школам, распространение книг и брошюр, устройство библиотек. В братстве могли состоять «лица обоего пола, всякого звания и состояния, принадлежащие к православной вере» [27,

1884, № 2, неофиц. ч.]. Первым председателем братства стал преосвященный Ионафан, архиепископ Ярославский и Ростовский, а его первым помощником — губернатор В. Д. Левшин [27, 1885, № 39, неофиц. ч.]. Протоколы заседаний братства печатались в «Ярославских епархиальных ведомостях». Подобные общества создавались во многих губерниях Российской империи. Так, 14 октября 1864 г. в слободе Мстера Вязниковского уезда Владимирской губернии начало свою деятельность братство св. благоверного князя Александра Невского [25, с. 94]. В Тверской губернии 22 ноября 1884 г. открылось «на основании утвержденного архиепископом Тверским Саввою устава Правление братства святого благоверного князя Михаила Ярославовича» [22].

Переход женщин в провинции к созданию своих профессиональных организаций и участию в политических партиях наметился в начале XX столетия. С 1905 г. в России началось движение за равноправие женщин, получившее отклик не только в столицах, но и в провинции. В феврале 1905 г. в Москве был образован Всероссийский союз равноправия женщин — первая массовая организация женщин (1906 г. — около 8 тыс. членов), провозгласившая политические цели: равенство всех перед законом без различия пола, равные права крестьянок при проведении земельных реформ, введение законодательства в пользу женщин-работниц, равные возможности для женщин, в том числе и в области образования, изменение законов о проституции. Весной 1905 г. в России появился ряд профессиональных союзов, в основном включивших в состав интеллигенцию и служащих. По инициативе Союза освобождения они объединились в Союз союзов во главе с П. Н. Милюковым. В учредительном съезде Союза союзов 8—9 мая 1905 г. участвовали представители 14 союзов адвокатов, инженеров, артистов, учителей, врачей, железнодорожных и почтово-телеграфных служащих и др.

Одновременно с созданием профессиональных союзов интеллигенции и служащих происходило создание отделений Союза равноправия женщин в губернских городах России. Они занимались просветительской работой, поддержкой забастовщиков (открывали столовые для рабочих, собирали средства и т. д.), принимали резолюции против смертной казни и за проведение демократических реформ, пытались подавать петиции в местные органы власти и самоуправления. Их участницами становились учительницы, врачи, фельдшерицы. Только общий спад антиправительственного движения в период отступления первой российской революции и в последующие годы привел к прекращению деятельности отделений Союза на местах.

Осенью 1905 г. в провинции активно формировались местные отделения крупнейших российских политических партий. В сведениях Особого отдела Департамента полиции Министерства внутренних дел за ноябрь 1905 г. отмечалось, что в Ярославской губернии действуют три партии — РСДРП, партия эсеров и партия кадетов. Женщины участвовали в работе местных организаций разных партий. Организатором Ярославской группы социалистов-революционеров в мае 1905 г. стала учительница Софья Германовна Хренкова, приехавшая весной того же года из Твери. С. Г. Хренкова в 1905 г. заведовала Некрасовской библиотекой-читальней в Ярославле и стремилась пополнить ее фонд политической литературы. Пожалуй, она была самой заметной женщиной в антиправи-

тельственном движении города. В годы первой российской революции и осенью 1905 г. она входила в общегородской стачечный комитет. 9 декабря 1905 г. во время разгона политической демонстрации, получившей в городе название «кровавая пятница», С. Г. Хренкова смертельно ранила казака. После этого она бежала в Санкт-Петербург, но в январе 1906 г. ее арестовали и доставили в Ярославль; в 1908 г. она покончила с собой в губернской тюрьме [10, с. 71—72].

В документах Департамента полиции перечислялись отделения союзов, действовавших в Ярославле: «адвокатов, академического, равноправия женщин, учительского, почтового, железнодорожного, врачей и фармацевтов». Указывалось, что они «появились в 1905 г., подчинены центральному бюро, характер деятельности — профессионально-политический» [5]. Отделение Союза равноправия женщин действовало в этот период и во втором по размерам городе Ярославской губернии — Рыбинске. На съезде учителей и учительниц Ростовского уезда в ноябре 1905 г. обсуждался вопрос о необходимости присоединения к Всероссийскому союзу учителей и об отношении к Всероссийскому крестьянскому союзу [16].

Особенно заметными были женщины в Ярославской организации РСДРП (Ольга Варенцова, Нина Августовна Дидрикуль, в замужестве Подвойская, и др.) и в Ярославском отделении партии кадетов (Ариадна Владимировна Тыркова-Вильямс). А. В. Тыркова вместе с князем Д. И. Шаховским и В. Е. Якушкиным в 1905 г. вошла в Центральный комитет партии кадетов [23, 24]. Женщины участвовали и в деятельности местного отделения Союза русского народа (максимальная численность 25 тыс. человек). В 1914 г. после кончины организатора Ярославского отдела СРН — глазного врача И. Н. Кацаурова — его участники решили до конца войны не избирать нового председателя, и работой организации руководила его вдова М. Д. Кацаурова, которая при жизни мужа была секретарем отдела. Таким образом, женщины участвовали в деятельности разных партий и проявляли интерес ко многим идейным платформам.

Фельдшерица хирургического отделения Ярославской губернской земской больницы Прасковья Турляпина, сестры Надежда и Ольга Жиряковы были участницами первого марксистского кружка в Ярославле, созданного Александром Митрофановичем Стопани в 1895 г. В этом кружке получили опыт подпольной работы сестры Дидрикуль — Мария, Ольга (по мужу Кедрова) и Нина. Постоянным помощником руководителя кружка была его жена Мария Михайловна Петрова [17, с. 25—27]. Супруги Ванновские были арестованы по делу о типографии Северного комитета РСДРП в Ярославле накануне первой российской революции [9].

Работницы промышленных предприятий активно участвовали в политических событиях и протестном движении — стачках, митингах, демонстрациях. Как отмечала большевистская газета «Вперед», в одной из первых забастовок в губернии на Ростовской льняной мануфактуре 16—18 февраля 1905 г. в числе участников были женщины и дети. Среди 8 требований рабочих значилось следующее: «Беременные женщины должны получать половину платы за все время, пока остаются дома после родов». Это требование, как и все остальные, кроме повышения заработной платы на 20 %, было удовлетворено. Автор кор-

респонденции отметил, что от забастовки «впечатление хорошее, большой подъем духа, даже у женщин, чего раньше никогда не замечалось» [3].

Особенно активно работницы участвовали в протестном движении и общественно-политической жизни губернии в октябре — ноябре 1905 г. В корреспонденции о ситуации на Большой ярославской мануфактуре, присланной в газету московских большевиков «Борьба», указывалось: «Ежедневные митинги продолжают привлекать массу рабочих и работниц. Сознательность и революционность их растет» [1]. В период стачки 25—28 октября 1905 г. рабочие этой фабрики в число своих требований включили такое: «4 недели давать на роды» [6, ф. 73, оп. 4, д. 414, л. 423 об.], однако администрация это требование не удовлетворила. Зато удалось добиться частичного удовлетворения требования об одинаковом повышении размера «квартирных денег» для мужчин и женщин. Рабочие требовали увеличить выплаты с 1,5 до 4 руб. для мужчин, с 1,5 до 4 руб. — для женщин и с 75 коп. до 2 руб. — для подростков. В итоге «квартирные деньги» были увеличены в 2 раза [6, ф. 73, оп. 7, д. 4498, л. 137].

Работницы ярославских предприятий вступали в профессиональные союзы, например в союз рабочих и служащих Большой ярославской мануфактуры, действовавший осенью 1905 г. Этот профессиональный союз распался после окончания забастовки в январе 1906 г., но в него было записано до 8 тыс. человек (из 11 тыс. рабочих фабрики) [4]. О необходимости привлечения женщин в союзы говорилось на конференциях профессиональных союзов текстильщиков Центральной России. На проходившей в феврале 1907 г. областной конференции Московского промышленного района по обработке волокнистых веществ была принята специальная резолюция по этому вопросу [7, 19].

Работа на крупном производстве, как и традиционный опыт управления домашними делами, придавала женщинам большую уверенность в собственных силах, повышала их самооценку. Это вызывало у женщин-работниц желание, как минимум, обсуждать вместе с мужчинами проблемы трудовых отношений на фабрике, а как максимум, иметь равноправные отношения в семье и равную оплату труда с мужчинами.

Женщины участвовали в распространении газет и прокламаций оппозиционных партий, в основном РСДРП. По каждому подобному факту заводились специальные дела, особенно если при обысках находили по несколько экземпляров одинаковых печатных изданий (т.е. они явно предназначались для распространения). Например, во время обыска, произведенного при аресте Марии Дегтевой 20 июля 1906 г., были найдены номер «Партийных известий» за 20 марта, экземпляр «Летучих листков ЦК РСДРП», брошюры ЦК РСДРП и документы военной организации при Ярославском комитете РСДРП [6, ф. 906, оп. 4, д. 595, л. 14, 15 об., 23]. В рапорте ростовского уездного исправника в канцелярию ярославского губернатора от 20 июля 1906 г. сообщалось о том, что прачка крестьянка Кузьмина подбросила стражникам номер газеты «Солдатская мысль» за июнь и социал-демократические прокламации, изданные Ростовской группой РСДРП [6, ф. 73, оп. 9, д. 291, л. 46]. В деле «О высылке членов военной организации РСДРП в Ярославле» отмечено, что при обыске 3 июня 1907 г. у мещанки Рахили Смушкиной было найдено по одному экземпляру газет «Вперед» и «Пролетарий», а у ученицы акушерских курсов Капи-

толины Материной во время обыска 4 июня обнаружили 39 экземпляров «Солдатской газеты» [6, ф. 73, оп. 7, д. 830, л. 3, 5].

Обыски усилились после завершения первой российской революции, и в жандармских документах продолжали фиксироваться имена женщин, имевших и распространявших нелегальные социал-демократические издания. Так, при обыске 17 июня 1907 г. у дворянки В. П. Булич были найдены гектограф, прокламации, экземпляры «Искры», по одному номеру профессиональных изданий «Голос приказчика» и «Железнодорожник», несколько экземпляров большевистской газеты «Вперед» [6, ф. 73, оп. 4, д. 22, л. 166]. В деле по обвинению ярославской мещанки швеи А. Е. Воронцовой зафиксировано, что при обыске 19 октября 1907 г. у нее была обнаружена литература РСДРП, а в описи вещественных доказательств отмечены журнал «Труд», газеты «Земля и воля» и «Вперед» [6, ф. 906, оп. 1, д. 71, л. 8, 9 об., 11].

В архивных документах удалось выявить только один случай, когда у женщин при обыске находили эсеровскую литературу. 28 января 1906 г. при обыске у Лидии Чистяковой в Ярославле были найдены оттиски «Революционной России» — 16 экземпляров, переплетенных в брошюры [6, ф. 906, оп. 4, д. 529, л. 6 об.].

Женщины из партии эсеров привлекались к дознаниям по делам, связанным с изготовлением взрывчатых веществ. В ночь с 27 на 28 января 1906 г. был проведен обыск в доме Андреева в Ярославле. По этому делу в числе прочих задержали Валентину Хренкову, у которой при обыске обнаружили экземпляры газет «Земля и воля» (№ 1 за 1905 г.) и «Рабочей газеты» (№ 3 за 1905 г.) [6, ф. 906, оп. 4, д. 529, л. 9 об., 509—516].

Некоторые женщины уже ставили вопрос не только о создании и объединении массовых женских организаций, но и о женском избирательном праве. В марте 1907 г. в Санкт-Петербурге была создана Лига равноправия женщин, а в декабре 1908 г. в Петербурге под лозунгом «Равные права — равные возможности» прошел Первый Всероссийский женский съезд, на который собрались около тысячи участниц. Он показал готовность женщин бороться за свои права и воспринимался современниками как съезд поборниц женского равноправия и даже как первый женский парламент страны. Участницы съезда обсудили деятельность российских женщин на различных поприщах, экономическое положение женщин и вопросы этики в семье и обществе. Первоочередными задачами на съезде были названы подготовка женщин к борьбе за свое равноправие, распространение идеи равноправия женщины в обществе, выработка и проведение в жизнь законопроектов и постановлений, имеющих целью улучшение положения женщин. На съезде отмечалась важность благотворительности, взаимной поддержки, трудовой помощи и просвещения женщин. В общей резолюции съезда говорилось, что работа Первого Всероссийского женского съезда, посильно осветившего как политические и гражданские запросы, так и экономические нужды современной русской женщины, привела съезд к глубокому убеждению, что удовлетворение этих запросов возможно лишь при равноправном с остальными гражданами участии женщин не только в культурной работе, но и в политическом строительстве страны. Доступ женщине к участию в политической жизни страны окончательно откроется лишь при водворении демо-

кратического строя на основе всеобщего избирательного права без различия пола, вероисповедания и национальности.

Первый Всероссийский женский съезд 1908 г. открыл обществу сам факт существования женского движения. После съезда удалось создать Российскую лигу равноправия женщин — общеженскую организацию, которая стремилась придать движению женщин организационную стройность и укрепить его внутреннюю солидарность. Показательно, что Второй женский съезд не созывался ни в дореволюционный, ни в советский период. Он состоялся только через сто лет — в ноябре 2008 г. в Москве.

Постепенно под влиянием изменений в общественно-политической ситуации и распространения женского образования в провинции по образцу обеих столиц начали появляться новые объединения женщин для защиты их интересов. По инициативе и под председательством Натальи Павловны Ширяевой, жены директора Демидовского юридического лицея, в Ярославле возникло Общество взаимопомощи женщин. На его первом собрании 30 апреля 1910 г. в зале Ярославской городской управы присутствовало около 50 женщин. Председательствовала на собрании княгиня А. Н. Шаховская, а с основным докладом о целях и задачах Общества выступила Е. М. Добротина. Она подчеркнула, что нужно стремиться к изменению условий жизни женщин.

В правление общества были избраны 12 членов и 3 кандидата. Пост председателя заняла Н. П. Ширяева, товарищем председателя стала Г. А. Майстрович, секретарем общества — Е. Н. Аристова, казначеем — Н. А. Дьяконова. Членские взносы составляли 2 руб.; они дополнялись добровольными пожертвованиями (деньги, вещи, продукты), сборами от проведения лекций и концертов, доходами от благотворительных распродаж. Принятый устав Общества взаимопомощи женщин носил демократический характер. Оно поставило своей целью достижение реального равноправия женщин во всех сферах общественной жизни, вело просветительскую и благотворительную деятельность, помогало женщинам в поиске работы.

При Обществе открылось бюро для поиска работы для женщин «интеллигентного труда» во главе с М. М. Бернштейн, с комиссионным отделом по продаже изделий ручного труда. В основном бюро помогало найти работу женщинам-учительницам, гувернанткам и прислуге. Организацией торговли при обществе занималась Е. М. Добротина. Общество проводило групповые занятия по рукоделию и открыло мастерскую модного платья.

Ярославское общество взаимопомощи женщин уделяло значительное внимание вопросам образования. При нем были открыты курсы грамоты и небольшая библиотека. Члены Общества организовывали просветительские лекции, литературные вечера, занятия по иностранным языкам, детские утренники. В январе 1911 г. на заседании Общества был заслушан доклад М. А. Миндовского по экспериментальной педагогике. 16 января 1913 г. заслушивали делегатов А. П. Зейлигер и Е. Я. Лютивинскую, участвовавших в работе съезда по образованию женщин. Большинство участниц заседаний выступали за совместное обучение мальчиков и девочек. Член Общества О. Н. Корсунская предоставила комнату в помещении своей гимназии.

Общество обратило внимание на организацию летнего отдыха девочек из бедных семей. В 1911 г. попечительница училища в с. Прусово Ю. И. Колмогорова организовала в нем отдых для 20 девочек. К. С. Медведева отдала под детскую колонию свой дом в деревне, а Л. Н. Клирикова — дом (дачу) в с. Бурмакине. Ее примеру последовали другие участницы общества, и за лето с их помощью удавалось организовать отдых для 50—60 гимназисток и школьниц. Предпочтение отдавалось сиротам, более физически слабым и материально не обеспеченным девочкам. Благотворители передавали для детских колоний не только денежные средства, но и вещи, продукты. Член Общества врач Р. Д. Дамская вела медицинский контроль за отдыхающими девочками, назначала некоторым усиленное питание. Для них устраивались экскурсии в соседние города и монастыри [8, с. 96—97].

Средства собирали не только члены Общества взаимопомощи женщин — им помогали Ярославская городская дума и частные благотворители. Регулярную помощь Обществу оказывали губернатор граф Дмитрий Николаевич Татищев и его супруга Вера Николаевна, Ярославский и Ростовский архиепископ Тихон (Белавин), управлявший епархией до 1914 г., местные предприниматели Вахромеевы и Оловянишниковы. Ярославское общество взаимопомощи женщин действовало до 1918 г.

Выявленные по Ярославской губернии данные весьма типичны для Верхнего Поволжья и всего Центрально-промышленного региона страны; в то же время они могут быть использованы для сравнения с другими регионами России и зарубежья, где участие женщин в профессионально-политическом движении отличалось в силу экономических, национальных, религиозных и других факторов.

Таким образом, результатом деятельности первых женских общественных и профессионально-политических объединений в Ярославской губернии, как и по всей России, было приобретение женщинами из дворянской, купеческой среды и разночинной интеллигенции опыта совместной деятельности на благо местного сообщества. Женские благотворительные, просветительские и другие организации объединяли женщин и развивали их организаторские способности, а также содействовали решению социальных проблем. При весьма немногочисленном составе и исключительно городском характере они содействовали постепенному изменению отношения провинциального общества и властей к роли и возможностям женщин.

Начало XX столетия стало временем развития женского самосознания и женской инициативы, а также дало некоторым женщинам опыт активной политической деятельности. В этот период от отсутствия демократических прав и свобод страдали, естественно, не только женщины, но и мужчины. Поэтому часто вопрос о положении и правах женщин увязывался с задачами демократизации государственного строя и общественной жизни России. Работницы ярославских предприятий активно участвовали в протестном движении во время первой российской революции и затем в период нарастания кризисных явлений в российском обществе во время Первой мировой войны. В 1905 г. в числе требований забастовщиков стали появляться специфические «женские», например предоставление отпуска по родам. В результате совместных с рабочими-мужчинами действий женщины смогли добиться некоторых уступок от предпринимателей. Создание современных перспективных стратегий интеграции женщин

в процесс общественного развития требует дальнейшего научного осмысления регионального опыта участия российских женщин в профессиональных и политических организациях и их борьбы за свои права.

Библиографический список

1. Борьба. М., 1905. № 8.
2. *Варенцова О. А.* «Северный рабочий союз» и «Северный комитет РСДРП». Иваново : ОГИЗ, 1948. 259 с.
3. Вперед. Женева, 1905. № 14.
4. Вперед : (книжный рынок). 1905. № 1.
5. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 102 (ОО, 1905 г.). Д. 1800. Ч. 54. Л. 16—18.
6. Государственный архив Ярославской области.
7. Дело жизни. М., 1907. № 4.
8. *Досина Н. В.* Женские общества начала XX века в Ярославле // Гендерное равноправие в России. СПб. : Алетейя, 2008. С. 95—98.
9. Искра. Женева, 1904. № 10.
10. *Климова Л. М.* Женщины в истории первой народной бесплатной Некрасовской библиотеки г. Ярославля : (С. Г. Хренкова, Н. П. Некрасова) // Женщины Ярославля: история и современность. Ярославль : Город. науч.-метод. центр соц. политики, 2005. С. 71—72.
11. *Марасанова В. М., Албегова И. Ф., Шаматонова Г. Л.* Женщины и социальная сфера: исторический опыт Российской империи. Saarbrücken : Lambert Academic Publishing, 2011. 136 с.
12. *Марасанова В. М., Албегова И. Ф., Шаматонова Г. Л.* Женщины и образование в конце XVIII — начале XX в. : (на примере Ярославской губернии) // Женщина в российском обществе. 2011. № 1. С. 44—54.
13. *Марасанова В. М., Албегова И. Ф., Шаматонова Г. Л.* Исторические традиции женской благотворительности в России : (на примере семей губернаторов Верхнего Поволжья) // Женщина в российском обществе. 2012. № 1. С. 26—37.
14. *Марасанова В. М., Албегова И. Ф., Шаматонова Г. Л.* Положение женщин-инвалидов в Российской империи в XVII — начале XX в. // Женщина в российском обществе. 2010. № 2. С. 39—56.
15. Мужики и бабы : мужское и женское в русской традиционной культуре : иллюстрированная энцикл. СПб. : Искусство, 2005. 688 с.
16. Новая жизнь. СПб., 1905. № 23.
17. Очерки истории Ярославской организации КПСС (1883—1937). Ярославль : Верх.-Волж. кн. изд-во, 1985. 319 с.
18. Первая революция в России: взгляд через столетие. М. : Памятники ист. мысли, 2005. 603 с.
19. Профессиональный вестник. СПб., 1907. № 4/5.
20. *Пушкарева Н. Л.* Русская женщина в семье и обществе X—XX вв.: этапы истории // Этнографическое обозрение. 1994. № 5. С. 3—15.
21. *Пушкарева Н. Л.* Русская женщина: история и современность : история изучения «женской темы» русской и зарубежной наукой, 1800—2000 : материалы к библиографии. М. : Ладомир, 2002. 522 с.
22. Российский государственный исторический архив. Ф. 1282. Оп. 3. Д. 215. Л. 106.
23. *Тыркова-Вильямс А. В.* Воспоминания. То, чего больше не будет. М. : Слово, 1998. 560 с.

24. *Тыркова-Вильямс А. В.* На путях к свободе. 2-е изд. Лондон, 1990. Гл. 4 : Ярославль. С. 90—131.
25. *Фролов Н. В., Фролова Э. В.* Владимирские наместники и губернаторы. Ковров, 1998. 152 с.
26. Частное и общественное : гендерный аспект : материалы Четвертой Междунар. науч. конф. РАИЖИ и ИЭА РАН, Ярославль, 20—22 окт. 2011 г. : в 2 т. / отв. ред. Н. Л. Пушкарёва, Н. В. Новикова, М. Г. Муравьева. М., 2011. Т. 1. 555 с. ; Т. 2. 552 с.
27. Ярославские губернские ведомости.

ББК 60.51(2)52-82

Н. Н. Козлова

ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДОВ К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВА

Константин Петрович Победоносцев (1827—1907 гг.) — влиятельная фигура в отечественной консервативной политической мысли, своего рода символ России пореформенного периода [3, с. 6; 25, с. 5]. Значимость его произведений определяется прежде всего тем, что, занимая должность обер-прокурора Святейшего синода четверть века, он имел возможность применить свои теоретические идеи в практике российского государственного управления. Вследствие этого его труды рассматривались исследователями, как правило, в контексте российских реформ и контрреформ второй половины XIX в. [9, 23]. Говоря о гендерных аспектах его политического наследия, отметим упоминания в двух работах о негативном отношении обер-прокурора к женскому образованию [21, с. 23; 17, с. 140]. Цель данной статьи — выявление роли фактора пола/гендера в системе социально-политических взглядов К. П. Победоносцева.

Вопрос о цельности и оригинальности политического мировоззрения мыслителя до сих пор дискутируется исследователями [1, 6, 7, 20]. Формирование консервативных по своему типу убеждений биографы относят к его детству [19, с. 59—60]. Будущий обер-прокурор был одиннадцатым ребенком в семье с религиозными и научными традициями: дед Победоносцева — священник, а отец — профессор Императорского Московского университета.

Духовную атмосферу родительского дома Победоносцев характеризовал как «патриархальную» [17, с. 39—40]. Несмотря на то что все дети, по словам Победоносцева, «были устроены трудами отца» [12, с. 624], центром семьи в домашних делах была мать, о которой он часто вспоминал с теплотой: «У нас в доме все ею держалось <...> Она была у нас точно святыня в доме, точно живая благодать, Богом посланная в благословение. Всегда кроткая, тихая, ясная, всегда на молитве за нас за всех, она как свеча горела перед Господом Богом» [17,

с. 45]. Родительскую модель семейной организации Победоносцев впоследствии возьмет за образец своей патриархальной концепции семьи и государства.

Для понимания гендерной картины мира Победоносцева важно отметить его отношения не только с матерью, но и с «близкими по душе» людьми [4, с. 500] — сестрами Тютчевыми, которые были его корреспондентками на протяжении ряда лет и разделяли близкие ему славянофильские идеи. Помимо сестер Тютчевых, обер-прокурор поддерживал связи с великосветскими дамами — великими княгинями Еленой Павловной и Екатериной Михайловной, графиней А. Д. Блудовой и баронессой Э. Ф. Раден [11, с. 178], некоторым из них он посвятил свои работы, представляя их как образец женственности.

Мировоззренческой основой его теоретического наследия была религия, «ортодоксально-консервативное по своей доктрине русское православие» [10, с. 16], которое, по мнению А. Б. Зубова, сближало его со славянофилами и традициями восточнохристианской патристики [5, с. 169]. Поэтому фундаментом его политической теории являлось христианское учение о богоустановленности власти, изложенное апостолом Павлом: «нести власть, аще не от Бога» (Рим. 13, 1). С точки зрения обер-прокурора, власть представляла собой «великое и страшное дело», потому что «это дело священное». Слово «священный» Победоносцев трактовал как «отделенный, на службу Богу обреченный»: «Власть не для себя существует, но ради Бога и есть служение, на которое обречен человек» [15, с. 398—399].

Западные исследователи отмечали сакрализацию государственного начала и власти в мировоззрении консерватора и усматривали в этом прежде всего насилие над личностью [26, р. 268]. А. Б. Зубов считает, что они трактовали эту особенность поверхностно, поскольку не учитывали ее прямую связь с православным мировоззрением [5, с. 175]. «Вся жизнь человека держится посреди рыдания, и жалости, и горя, и лжи, коею она материально наполнена», — писал Победоносцев, и религия, по его мнению, позволяет человеку преодолевать все трудности [15, с. 308].

Тема страдания, терпения, *служения* являлась лейтмотивом всего творчества Победоносцева. В рамках православного идеала *служили* и власть, и люди, а вопрос о правах и обязанностях подменялся вопросом о призвании каждого. Разрабатывая концепцию власти-служения, в письмах своему воспитаннику Александру III он писал: «Не забывайте, кто вы такой и к чему ваше положение вас обязывает. Богу угодно было, чтоб вы родились в том положении, в котором находитесь; итак, это воля божия, это ваш долг, ваше призвание, ваш талант, который вы обязаны разрабатывать» [22, с. 364]. В целом политика должна была представлять собой сферу деятельности «мужей государственных» [15, с. 229]. Подчеркивая андроцентризм власти, в письме к Е. Тютчевой он писал о стареющем императоре Александре II: «Власть изверилась, измочалилась — все стали не мужчины, а “сердцем хладные скопцы”» (цит. по: [5, с. 199]).

Победоносцев квалифицировал политическое управление в России как «отеческое», «патриархальное» [24, с. 84], помещая «женщин» и «женское» в частную сферу. Сравнивая мужской и женский пол, обер-прокурор пришел к выводу, что женщины от природы обладают качествами, не совместимыми с теми, которые требуются в публичной сфере. В проекте «Записки о реформе судебных

учреждений» (1885 г.) он писал: «Публичные заседания по уголовному делу превращаются в спектакль: женщины, девицы и даже дети присутствуют в нервном волнении при самых возмутительных и соблазнительных сценах» [22, с. 185]. Исследователи справедливо отмечали, что не только суд, но и сфера светского высшего образования, дающая публичные профессии для женщин, по мнению Победоносцева, не должна быть им доступна [21, с. 23; 17, с. 140]. Когда в 1882 г. Александром III были упразднены женские врачебные курсы при военном госпитале, Победоносцев в письме к императору сообщил о своей позиции по этому вопросу: «Совершенно разделяю Ваше мнение <...> я всегда был и буду против этого ложного направления высшего женского образования» [22, с. 296].

Роли женщин в обществе обер-прокурор четко сформулировал в «Напутственном слове выпускницам училища для дочерей священно- и церковнослужителей», озвучивая его в Ярославле 9 июня 1880 г.: «Не место женщине ни на кафедре, ни в народном собрании, ни в церковном учительстве. Место ее в доме, вся красота ее и сила во внутренней храмине и в жизни, без слов служащей для всех живым примером» [13, с. 525].

Социальное назначение женщин и идеалы женственности Победоносцева диктовались православными ценностями: «Чистый, святой образ Матери Божией должен каждую минуту напоминать деве христианской, что нет на земле имени и места святее и чище имени и места девы» [15, с. 314]. Модель взаимоотношений матери и сына, соотносящая читателей с девой Марией и Иисусом, регулярно воспроизводил Победоносцев в своих педагогических текстах [15, с. 317—320, 338].

Основные черты Девы Марии — чистота, скромность, любовь, смирение, забота о детях — должны были, по мнению обер-прокурора, составлять портрет каждой россиянки: «В народных сказках и легендах наших — самая могущественная фея всегда меньше всех ростом. В учении о благодати смирение выше всех добродетелей, и живой образец смирения — Мадонна» [15, с. 440]. В рамках православного идеала Победоносцев создал галерею женских портретов — великой княгини Елены Павловны, баронессы Эдиты Федоровны Раден, руководительницы женской школы Надежды Павловны Шульц. Обер-прокурор подчеркивал важность умственной и нравственной красоты женщин, обусловленную истинной православной верой. О дружбе славянофила Ю. Ф. Самарина и баронессы Э. Ф. Раден он писал, что их переписка «останется навсегда памятником дружественной борьбы крепкого, глубокого мужского ума, проникнутого сознанием правоты своей, с глубокою женской душой, вооруженною всей горячностью чувства, ищущего правды в человеческих отношениях», противопоставляя тем самым ум как сугубо мужской признак душе как женскому признаку [15, с. 163]. Богатство души описанных Победоносцевым женщин было направлено на служение людям. Он отмечал роль великой княгини и баронессы Раден в создании Крестовоздвиженской общины сестер милосердия в период Крымской войны, их помощь талантам, участие в подготовке реформы по освобождению крестьян [15, с. 136—139, 145—163].

Заслуги Н. П. Шульц обер-прокурор видел в ее работе «на пользу русско-го просвещения», поскольку она занималась подготовкой будущих жен сельских священников, каждая из которых должна была стать не только хозяйкой,

но и «учительницею детей своих», «помощницею мужа в народном обучении» [15, с. 140].

В рамках идеалов православия Победоносцев разрабатывал новую социальную роль женщины — учительница. Труд в сельской школе он рассматривал как «великий подвиг души, подвиг истощающий, но и питающий души, подвиг, на который именно женская душа способна», т. к. «тут надобно жить в нужде, в голоде и в холоде, иногда по целым месяцам без горячей пищи, — и делить эту жизнь с бедняками, живущими в голоде и холоде» [22, с. 484]. Однако любовь к детям, жалость к бедноте и темноте их и горячее желание строить детские души, терпение, напряжение духовных сил, по мнению автора «Призвания женщины в школе и обществе» (1901 г.) [18], должны пересиливать все невзгоды.

Тех женщин, которые стремились идти по другой жизненной траектории — заниматься литературой, наукой, политикой, обсуждать в салонах работы Милля, Вагнера, Спинозы, он порицал. С точки зрения Победоносцева, они это делали «без меры и с аффектацией», разыгрывали «сущую комедию», сами ничего не читали, а что-то где-то слышали, время проводили не в библиотеках, а на балах [8, с. 222]. Об одном из салонных заседаний он писал Е. Тютчевой: «Я хохотал в душе, а жена моя, сидя все время молча, решила, что она дура и ни о чем понятия не имеет» [8, с. 221]. Победоносцев позволял себе даже критиковать вторую жену императора Александра II княгиню Юрьевскую за то, что она держит себя нескромно: «Она постоянно вмешивалась — в послеобеденном кружке — в разговор, выпуская резкие замечания и отзывы, в которых выражалась — довольно глупо — претензия высказать свое мнение о лицах <...> Словом сказать — девка девкой» [11, с. 182].

В произведении «Характеры» обер-прокурор создал обобщенный негативный образ светской дамы — гордой и величественной Мессалины, образ жизни которой осуждал и сравнивал с непрерывным праздником, «зимой на бешеной тройке или весной на шумном гульбище в шикарном экипаже, запряженном рысакими» [15, с. 379]. Разнузданные речи, циничные шутки, сплетни, скандалы и другие атрибуты сладкой жизни делали Мессалину плохой матерью: «Ей нет времени думать и о детях» [там же]. Победоносцев обвинял Мессалину за неспособность к сочувствию, за тщеславие, эгоизм и равнодушие к судьбам других людей, за то, что она «не спотыкается поневоле о заботу, о болезнь, о горе» [15, с. 379—381]. Лицемерие и ложь Мессалины и ей подобных он видел также и в институте благотворительности: «На одном из так называемых базаров благотворительности <...> она была ослепительно красива в своем блестящем туалете, только что полученном из Парижа и стоившем бешеных денег <...> Вся ее выручка, как и выручка подруг ее, не достигала цены тех туалетов, которые она на себе носила...» [15, с. 382—383].

Женский вопрос, женскую эмансипацию Победоносцев рассматривал как признак нравственной деградации общества, разрушения авторитета религиозной и родительской властей. Пропаганду женского равноправия он оценивал как действия «лукавого»: «Ночью, когда люди спят или впросонках бессильны, приходит лукавый и потихоньку, под видом доброго и благонамеренного человека, сеет свои плевелы <...> подольстится к девушке в простой семье такою речью: “Кто тебе докажет, что доля твоя — всегда зависеть от других и быть

работу мужчины? Разум говорит тебе, что ты равна ему во всем и на все решительно одинаково с ним имеешь право» [15, с. 525].

По «женскому вопросу» Победоносцев вступил в заочную дискуссию с Дж. Ст. Миллем, пытаясь опровергнуть такое положение английского мыслителя, как «справедливость требует, чтобы все люди жили в обществе как равные» [14, с. 221]. Первый аргумент в пользу «неровностей» полов заключался в том, что «лучшею частью рода человеческого Божеству присвоено имя Отца, потому что с этим именем естественно соединяются понятия о любви, почтении и повиновении» [14, с. 222]. Вторым аргументом сводился к биологическим различиям между полами: «Все частности физического устройства указывают на физическое неравенство того и другого пола <...> мужчина сильнее и крепче женщины. Эта истина, признанная повсюду, во всех веках и народах и при всяческих обстоятельствах, повсюду вызывала и существующее общеизвестное разделение труда между мужчиной и женщиной...» [там же]. В частности, военную службу, с которой Победоносцев связывал и имущественные права, могут нести только мужчины: «Женщина, на которой не лежала служба, не могла перед лицом общественной власти занимать одинаковое положение с мужчиной относительно прав по имуществу. <...> Недвижимые имущества состояли из вотчин, поместий и тяглых городских имуществ. С правом на все такие имения соединялась личная повинность службы или тягла. Личным исполнителем таких повинностей мог быть только мужчина; естественно, что мужчина же предполагался и держателем прав, соединенных с этими повинностями» [16, с. 131].

Из биологических различий полов, по мнению Победоносцева, вытекало и неравенство супружеских прав: «Как надлежит смотреть на брак: как на договор между равными или как на договор между более сильной и менее сильной или слабой стороною, предполагающий по некоторым предметам необходимое подчинение слабейшего сильнейшему? Я утверждаю, что первое мнение будет основано на обманчивом предположении и непременно ведет к самой жестокой несправедливости относительно женщины...» [16, с. 223].

Обер-прокурор аргументировал последнее утверждение тем, что мужчина, когда вступает в брак, устроился в жизни, а женщина, напротив, когда выходит замуж, теряет возможность заниматься другим промыслом, кроме домашнего. Поэтому брачный договор профессиональный юрист Победоносцев не относил к договорам между равными: «Я утверждаю, что жена должна поступиться своим мнением; должна повиноваться мужу и действовать так, как он решит» [14, с. 225]. Взгляд на обязанность жены подчиняться мужу как на унижение, как на обиду Победоносцев рассматривал с точки зрения низкого, недостойного, мятежного расположения духа. Он считал, что «отношения между мужчиной и женщиной должны клониться к одной цели: обеспечить общее благо той и другой половине рода человеческого, так как обе они связаны самыми тесными и прочными узами и не могут иметь противоположных интересов» [там же].

Таким образом, гендерный анализ концепции Победоносцева позволяет сделать вывод об узкой трактовке мыслителем сферы политики, выстроенной на принципах андроцентризма. Ключевым для понимания гендерной составляющей его социально-политических взглядов является религиозное мировоззрение. Теологическая трактовка власти как служения ограничивает сферу по-

литики монополей императорского дома и состоящих на государственной службе «великих мужей». Гендерная асимметрия представляет главный принцип организации не только политического, но и семейного порядка. В рамках православного идеала обер-прокурора позитивные женские роли связаны только с частной сферой и детьми — мать, кормилица, нянька, гувернантка, сельская учительница; им же определялись социально-психологические черты российских женщин — терпение, сострадание, милосердие. Ключевой женский образ Матери исключил объективацию женщин как сексуальных объектов, а также смягчил мизогинистическое отношение Победоносцева к женскому полу. Полагая неравенство полов укорененным в биологии, он отрицательно относился к либеральной постановке «женского вопроса» в своем отечестве, без решения которого, на мой взгляд, Россия по-прежнему, выражаясь словами обер-прокурора, будет оставаться «ледяной пустыней, а по ней бродит лихой человек» (см.: [2, с. 230—231]).

Библиографический список

1. Бачинин В. А. К. П. Победоносцев как христианский политический социолог и стратег бюрократического византизма // Клио. 2005. № 4. С. 182—187.
2. Гиппиус З. Живые лица : воспоминания : в 2 т. Тбилиси : Мерани, 1991. Т. 1. 398 с.
3. Глинский Б. Б. Константин Петрович Победоносцев : (материалы для биографии) // Тайный правитель России : К. П. Победоносцев и его корреспонденты. Письма и записки (1866—1895) ; статьи ; очерки ; воспоминания / сост. Т. Ф. Прокопов. М. : Русская книга, 2001. С. 6—34.
4. Готье Ю. В. К. П. Победоносцев и наследник Александр Александрович, 1865—1881 // Тайный правитель России : К. П. Победоносцев и его корреспонденты. Письма и записки (1866—1895) ; статьи ; очерки ; воспоминания / сост. Т. Ф. Прокопов. М. : Русская книга, 2001. С. 499—530.
5. Зубов А. Б. Политико-правовые воззрения К. П. Победоносцева и их интерпретации зарубежными исследователями русской мысли // Русская политическая мысль второй половины XIX века : сб. обзоров / отв. ред. Н. Н. Разумович. М. : ИНИОН АН СССР, 1989. С. 158—221.
6. Камнев В. М. Идеи социально-политического консерватизма К. П. Победоносцева // Власть. 2009. № 6. С. 151—155.
7. Коваленко О. К. П. Победоносцев как идеолог русского консерватизма // Власть. 2009. № 6. С. 145—147.
8. Майорова О. «Пишу только для Вас...» : письма К. П. Победоносцева к сестрам Тютчевым // Новый мир. 1994. № 3. С. 195—224.
9. Новиков А. В. Российские консерваторы (М. Н. Катков, Д. А. Толстой, К. П. Победоносцев) и самодержавие (середина XIX — начало XX века). М. : Изд-во МГУ, 2002. 107 с.
10. Пешков А. И. «Кто разоряет — мал в царствии Христовом...» // Победоносцев К. П. Соч. СПб. : Наука, 1996. С. 3—33.
11. К. П. Победоносцев в 1881 году : (письма к Е. Ф. Тютчевой) // Река времен : книга истории и культуры. М. : Эллис Лак : Река времен, 1995. Кн. 1. С. 178—189.
12. Победоносцев К. П. Великая ложь нашего времени / сост. С. А. Ростуновой ; вступ. ст. А. П. Ланщикова. М. : Русская книга, 1993. 640 с.
13. Победоносцев К. П. Государство и церковь. М. : Ин-т русской цивилизации, 2011. Т. 1. 704 с.

14. *Победоносцев К. П.* Государство и церковь. М. : Ин-т русской цивилизации, 2011. Т. 2. 624 с.
15. *Победоносцев К. П.* Избранное / сост., автор вступ. ст. А. В. Репников. М. : РОССПЭН, 2010. 648 с.
16. *Победоносцев К. П.* Курс гражданского права : в 3 т. М.: Зерцало, 2003. Т. 2 / под ред. В. А. Томсинова. 656 с.
17. *Полунов А. Ю.* К. П. Победоносцев в общественно-политической и духовной жизни России. М. : РОССПЭН, 2010. 374 с.
18. Призвание женщины в школе и в обществе / пер. с фр. К. П. Победоносцева в соавт. с С. А. Рачинским. М. : Синодальная тип., 1901. 62 с.
19. *Рабкина Н. А.* К. П. Победоносцев // Вопросы истории. 1995. № 2. С. 58—75.
20. *Репников А. В.* Константин Петрович Победоносцев // Победоносцев К. П. Избранное / сост., авт. вступ. ст. А. В. Репников. М. : РОССПЭН, 2010. С. 5—36.
21. *Соловьев А. Л.* Общественно-политические взгляды и государственная деятельность К. П. Победоносцева : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург : УГУ, 2001. 24 с.
22. Тайный правитель России : К. П. Победоносцев и его корреспонденты. Письма и записки (1866—1895) ; статьи ; очерки ; воспоминания / сост. Т. Ф. Прокопов. М. : Русская книга, 2001. 624 с.
23. *Тальберг Н. Д.* Неизвестная Россия, 1825—1917 : очерки истории Императорской России от Николая I до Царя-Мученика : (общество, политика, философия, культура). М. : Лит. учеба, 1995. 240 с.
24. *Тимошина Е. В.* Политико-правовые взгляды К. П. Победоносцева : дис. ... канд. юрид. наук. СПб. : Изд-во СПбГУ, 1998. 232 с.
25. *Томсинов В. А.* Константин Петрович Победоносцев: государственный деятель и правовед (1827—1907) // Победоносцев К. П. Курс гражданского права : в 3 т. М. : Зерцало, 2003. Т. 1 / под ред. В. А. Томсинова. С. V—XXVIII.
26. *Byrnes R. F.* Pobedonostsev. His Life and Thought. Bloomington ; London : Indiana University Press, 1968. 495 p.

ББК 78.34(2)75

А. А. Соловьев

БИБЛИОТЕЧНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЕ ИНИЦИАТИВЫ ЖЕН ФАБРИКАНТОВ ВЕРХНЕГО ПОВОЛЖЬЯ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX в.

В последние десятилетия российские исследователи все чаще стали проявлять интерес к истории отечественного предпринимательства. В конце XIX — начале XX в. многим фабрикантам и заводчикам стало очевидно, что не только промышленность, но и наука, просвещение, культура являются двигателями общественного прогресса. Поэтому предприниматели начали весьма активно вкладывать часть своих капиталов в эти непроизводственные сферы жизни, занимаясь общественно полезной деятельностью. Не стояли в стороне от этого процес-

са и фабриканты Верхнего Поволжья, многие из которых жертвовали немалые средства на социальные и культурные нужды населения региона.

Безусловно, далеко не каждый фабрикант реально заботился о просвещении своих рабочих и об организации их досуга. Однако многие из них (особенно жены предпринимателей) действительно не жалели денег, чтобы приобщить работников предприятий к чтению, оторвав их тем самым от чрезмерного употребления спиртных напитков и других пагубных привычек (кулачные бои, азартные игры). Пьянство рабочих приводило к поломке оборудования предприятий, к увеличению травматизма, прогулам, опозданиям на работу и т. п. Многие фабриканты, занимаясь благотворительностью, в том числе библиотечно-просветительской деятельностью, руководствовались побуждениями собственной совести и христианским учением. Вообще, одной из черт купеческого менталитета (основных владельцев промышленных предприятий Владимирской и Костромской губерний) было осознание ответственности, связанной с тем, что фабриканты обладают богатством благодаря божьей помощи, поэтому они просто обязаны помогать бедным, в том числе обогащать их в духовном плане, приобщая к чтению. На наш взгляд, следует согласиться со знатоком быта российского купечества П. А. Бурышкиным, который полагал, что в России «отношение предпринимателей к своему делу было несколько иным, чем на Западе». На свою деятельность они смотрели не столько как на источник наживы, сколько «как на выполнение задачи, своего рода миссию, возложенную Богом или судьбою» [2, с. 18].

В данной статье речь пойдет о библиотечно-просветительских инициативах жен фабрикантов Верхнего Поволжья на примере деятельности Марии Александровны Гарелиной (город Иваново-Вознесенск) и Анны Михайловны Красильщиковой (село Родники).

Известный в Иваново-Вознесенске фабрикант и меценат Яков Петрович Гарелин в свое время упрекал предпринимателей в том, что «они нисколько не думают о развитии своих рабочих, а исключительно преданы своим интересам» [3, с. 85]. Можно сказать, что в 1890-х гг. владельцы местных промышленных предприятий несколько «исправились», основав в городе четыре бесплатные фабричные библиотеки.

Пятую по счету народную читальню в Иваново-Вознесенске, правда «не привязанную» к фабрике, учредила Мария Александровна Гарелина — известная в городе поборница просвещения и образования (ил. 1). Читальня начала свою работу 18 июня 1895 г. в помещении начальной школы М. А. Гарелиной

Ил. 1. М. А. Гарелина (XIX в.)

в местечке Хуторово на современной Смольной улице (ил. 2) [5, ф. 160, оп. 1, д. 1159, л. 78—79].

Мария Александровна (жена Александра Ивановича Гарелина — владельца фабрики Товарищества мануфактур И. Гарелина) принадлежала к известному московскому роду предпринимателей и меценатов Крестовниковых. А. И. Гарелин и его супруга построили на свои средства в Иваново-Вознесенске родильный приют, ясли, больницу. На их деньги по проекту Ф. О. Шехтеля была возведена Спасская церковь (она находилась на современной ул. Ермака, на месте здания энергоколледжа). М. А. Гарелина возглавляла Иваново-Вознесенское благотворительное общество, в ведении которого состояли ремесленная школа для мальчиков, приют для детей, молочная кухня, четверо яслей и две богадельни [1, с. 22, 24]. Поэтому неудивительно, что именно Мария Александровна основала в городе бесплатную библиотеку, к тому же спрос рабочего населения на подобные просветительные заведения был очевиден.

Ил. 2. Начальная школа М. А. Гарелиной в Иваново-Вознесенске (начало XX в.)

Местный судья С. П. Шестернин писал, что «при обширности территории Иваново-Вознесенска здесь нужно иметь, по крайней мере, десять народных библиотек» [15, с. 186]. Поэтому появление «гарелинской» читальни, как ее стали называть, помогло сделать еще один шаг вперед в деле распространения печатной продукции и просвещения фабричного населения.

К сожалению, в новом просветительном заведении не удалось создать читальный зал. В первую очередь от этого страдали рабочие, большинство которых не имели подходящих условий для чтения дома. О том, где приходилось читать, вспоминал местный революционер-большевик Ф. Н. Самойлов: «Книги я брал в бесплатных библиотеках-читальнях <...> Читал во время обеденных перерывов на фабрике и по вечерам на квартире. На фабрике в часы обеда я забирался в шлихтовку <...> вместо обеда выпивал стакана два-три чаю с черным хлебом, брал книгу и читал до возобновления работы. В шлихтовке никто не мешал, но вечерами на квартире дело обстояло хуже. Дома было человек пятнадцать жильцов. Помещались все в одной комнате. Работали все на разных фабриках, в разных сменах <...> Чтобы не жечь много керосина и не мешать

спать другим, только что пришедшим с работы, “денные”, поужинав, тотчас ложились спать <...> Я не мирился с таким положением и, придя усталым с работы, брал книгу, зажигал купленную на собственные деньги свечу и читал до тех пор, пока не начинали слипаться глаза» [12, с. 40].

Все расходы по обустройству и содержанию библиотеки М. А. Гарелина взяла на себя. Библиотекарь, учительница «гарелинской» школы Е. И. Милотовцова, получала 120 рублей в год, а ее помощник — 60 рублей. Благодаря солидному финансированию фонд читальни неуклонно увеличивался. Если на момент открытия в ней находилось немногим более 700 томов, то в 1911 г. — около 6 тыс. томов [5, ф. 2, оп. 2, д. 628, л. 5—6; ф. 160, оп. 1, д. 1159, л. 78—79; 14, с. 16]. По темпам наполняемости она превосходила все бесплатные городские библиотеки, уступая только фабричным читальням при фабриках П. Н. Грязнова и Витовых.

Иногда из-за недостатка книг приходилось отказывать читателям в их требованиях. Оборот имевшейся литературы был достаточно велик. Если в 1895/96 отчетном году в день в среднем насчитывалось не более 100 посетителей, то в начале XX в. — порядка 200. При этом, естественно, ежегодно увеличивалось и число прочитанных книг. Например, в 1910 г. в библиотеке была зафиксирована почти 21,5 тыс. выдач [5, ф. 2, оп. 2, д. 628, л. 5—6; 7, с. 274].

Количество читателей в «гарелинской» библиотеке являлось весьма солидным. В 1895/96 г. отчеты регистрировали 1145 подписчиков, в 1910 г. — 1224 [5, ф. 160, оп. 1, д. 1368, л. 96—97; 14, с. 16]. Это абсолютно преобладающие показатели среди всех читален города, в том числе и общественной публичной библиотеки.

Во всех бесплатных читальнях Иваново-Вознесенска основной контингент посетителей составляли рабочие. Не стала исключением и библиотека М. А. Гарелиной. В 1895/96 г. их насчитывалось 698 человек (683 мужчины и только 15 женщин). Остальными подписчиками являлись ремесленники — 214 (133 мужчины и 81 женщина) и дети — 233 (ученики начальных школ) [5, ф. 160, оп. 1, д. 1159, л. 78—79]. В 1910 г. общее число читателей-рабочих составляло уже 957 человек (78 %). Количество женщин-читательниц также значительно увеличилось. Так, в 1910 г. подписчиков женского пола в библиотеке насчитывалось уже 362 (42 %) [5, ф. 2, оп. 2, д. 628, л. 5—6].

Характерной особенностью данной библиотеки было значительное число детей среди подписчиков. Это, безусловно, объяснялось тем, что читальня находилась в помещении начальной школы. Например, в 1910 г. среди ее посетителей насчитывалось 442 читателя до 16 лет (36 % всех подписчиков), из них 233 мальчика и 209 девочек [там же]. Подобные цифры говорят о том, что в начале XX в. книголюбие-женщин с каждым годом становилось все больше, что свидетельствовало о повышении уровня грамотности женщин в России. Рост числа женщин среди учащейся молодежи способствовал тому, что все больше и больше представительниц прекрасного пола стали интенсивно читать с целью самообразования и просвещения, постепенно ломая укоренившиеся столетиями стереотипы.

Настоящим бичом всех бесплатных библиотек являлось невозвращение взятых на дом книг. Например, в «гарелинской» читальне в год не возвращали

около 100 книг [7, с. 273]. Такие потери были чувствительными. Руководство библиотеки объясняло этот факт тем, что фабричное население города очень часто меняло место работы и место жительства, поэтому по оставленным адресам рабочих нельзя было разыскать. Кроме того, многие из них забывали вернуть книги, отправляясь на лето в деревню, а там теряли их.

При всех трудностях, с которыми приходилось сталкиваться практически любой бесплатной библиотеке в начале XX в., «гарелинская» народная читальня развивалась достаточно динамично. Подтверждение этому мы находим в «Записках рабочего», относящихся к 1913 г. Некий рабочий А. М. утверждал: «Хороша библиотека при школе М. А. Гарелиной в Хуторове. Главное, доступна для всех, особенно для рабочего люда. Там уже встречаются такие журналы, как “Русское богатство”» [8, с. 5].

Кстати, в Иваново-Вознесенске М. А. Гарелина среди жен фабрикантов была не единственной, занимавшейся активной библиотечно-просветительской деятельностью. Например, Наталья Никоновна Новикова также стала инициатором открытия бесплатной библиотеки при своей фабрике. Данное культурно-просветительное заведение начало свою работу 10 декабря 1897 г. Наблюдение за ним стал осуществлять местный священник И. А. Завазальский, а заведованием занялся конторщик В. А. Башарин. После смерти мужа Наталья Никоновна полностью взяла на себя содержание читальни, встав во главе фабрики. По ее инициативе библиотеку разместили на верхнем этаже отдельного дома на ул. Панской (ныне ул. Станко) рядом с предприятием. Благодаря ее усилиям был оборудован читальный зал, который сразу же завоевал большую популярность у рабочих. Например, в 1903 г. его посетили 2855 раз. Новый заведующий В. Н. Оглоблин (колорист фабрики и известный в городе поборник просвещения) при поддержке Н. Н. Новиковой смог значительно увеличить фонд библиотеки (так, в 1903 г. он составлял 1148 томов). Подписчиками здесь состояли 320 человек [4]. К сожалению, провести подробный анализ деятельности читальни мы не можем из-за отсутствия печатных отчетов этого просветительного заведения.

Необходимость в книгопечатной продукции в деревнях и селах Верхнего Поволжья к концу XIX в. была такой же очевидной. Известный библиотековед Н. А. Рубакин писал о вновь нарождающемся типе сельских жителей, которые смотрели на книгу как на свое главное орудие, отличаясь отчасти даже преувеличенной верой в нее: «Нешто без книги теперь что-нибудь делают? — говорил мне один из таких верующих. — Без нее дом не строится, без нее обедни не служат, без нее одежды не сошьешь, потому что теперь все ткани машинные, а машины по книжкам делаются... Книга помогает думать и чувствовать! Я так думаю, что половина наших разговоров и мыслей из книг выходит: вычитал, услышал и — своими словами высказал» [9, с. 186].

В то же время книг в сельской местности в конце XIX в. было немного. Земские статистики свидетельствовали: «Крестьяне достают все книги у офе-ней от 3 копеек до 15 и больше платят <...> Хотя и есть библиотеки для школьников, но приходящим там книг не выдают <...> Больше всего интересуют крестьян книжки по сельскому хозяйству, огородничеству, садоводству и пчеловодству <...> Желательно бы крестьянам иметь книжки, объясняющие явления природы, рассказы о жизни животных, о земле, о небе <...> В том горе — не

знают, как достать и откуда именно» [11, с. 97]. Естественно, в таких условиях появление библиотек при крупных фабриках на селе выглядело вполне оправданным и своевременным.

Многие костромские предприниматели понимали, что назрела необходимость просвещения рабочих. У истоков библиотечно-просветительской деятельности среди предпринимателей Костромской губернии стояли фабриканты Красильщиковы из села Родники Юрьевецкого уезда. По-настоящему первой просвещением рабочих занялась Анна Михайловна Красильщикова (ил. 3). Она после смерти мужа встала во главе семейного бизнеса и руководила предприятием с 1875 г. по 1902 г. (до своей кончины), сумев не только не разориться, но и приумножить свои капиталы, построив еще и механическую ткацкую фабрику. В результате предприятие получило официальное название «Товарищество мануфактур Анны Красильщиковой с сыновьями» [13, с. 3].

Ил. 3. А. М. Красильщикова (XIX в.)

С конца XIX в. по инициативе А. М. Красильщиковой в Родниках начали создавать различные культурно-просветительные заведения. Первым из них стала бесплатная библиотека при фабрике, открытая в 1890 г. [6]. С 1891 г. в столовой для рабочих проводились народные чтения с «волшебным фонарем» (их можно считать первым примитивным кинематографом). Для этого здесь оборудовали постоянную сцену. А. М. Красильщикова отличалась строгим нравом, но рабочие ее любили за справедливость и заботу о них. Скончалась она зимой 1902 г. Гроб с ее телом несли на руках более десяти километров и похоронили в Родниках, рядом с мужем, перед входом в Ильинскую церковь [13, с. 20]. Есть мнение, что именно Анна Красильщикова послужила прообразом горьковской Вассы Железновой.

С удовлетворением заметим, что и после смерти Анны Михайловны фабриканты Красильщиковы не отказались от просвещения своих рабочих. В 1903 г. в Родниках на их средства был построен Народный дом, который стал главным культурно-просветительным центром для всего окрестного населения (ил. 4). На его возведение Красильщиковы выделили 50 тыс. рублей. Народом назвали в честь костромского губернатора И. М. Леонтьева [13, с. 20—21].

Ил. 4. Народный дом Красильщиковых в Родниках (начало XX в.)

Большую роль в просвещении населения Родников и соседних деревень играли народные чтения с картинками, проводившиеся в Народном доме. Наибольший интерес у слушателей (их иногда собиралось до 1 тыс. человек) вызывали лекции духовно-нравственного, исторического, естественно-научного, медицинского и географического содержания. Кинотека Красильщиковых была лучшей в губернии, картины отпускались напрокат в начальные школы Юрьевецкого, Кинешемского и Нерехтского уездов. Ежегодно фабриканты пополняли ее картинками для «волшебного фонаря» на 200—300 рублей [13, с. 28—29].

В 1903 г. при Нардоме Красильщиконы создали замечательную народную библиотеку. Она обслуживала читателей с 9.00 до 18.30 часов ежедневно, кроме праздничных и воскресных дней. По праздникам и воскресеньям рабочие имели возможность почитать свежие газеты в чайной Нардома, вмещавшей до 400 человек. В библиотеке был оборудован уютный читальный зал, в котором практиковалось коллективное чтение новых периодических изданий (ил. 5). Кстати, Красильщиконы выписывали в читальню более 20 газет и журналов. Расход на содержание и пополнение библиотеки ежегодно составлял около 1 тыс. рублей. Если в 1904 г. в ее фонде насчитывалось 2,7 тыс. томов, то в 1913 г. — уже более 5 тыс. томов. Лучше других был укомплектован отдел беллетристики, в котором в 1913 г. находилось более 2 тыс. книг. Он же являлся лидером по популярности среди читателей. В 1912 г. из него выдавалось на дом более 18 тыс. книг. Посещаемость библиотеки при Нардоме увеличивалась с каждым годом. Если в 1904 г. ее посетили чуть более 11 тыс. раз, то в 1912 — уже свыше 21 тыс. раз. При этом неуклонно возрастало число взятых книг и периодических изданий. Так, в 1904 г. читателями было взято около 15,5 тыс. томов, а в 1912 г. — 28,5 тыс. томов [13, с. 17].

Ил. 5. Библиотека-читальня при Народном доме Красильщиковых в Родниках (начало XX в.)

Среди читателей, чей уровень грамотности ежегодно рос, преобладали мужчины. В 1903 г. мужчин среди подписчиков библиотеки насчитывалось 757 человек, в 1912 г. — 862 человека. Однако число женщин-читательниц возросло гораздо более значительно. За 10 лет их стало в 61 раз больше! Если в 1903 г. библиотеку посещали всего 3 грамотные женщины, то в 1912 г. их стало уже 183. Более чем в 2 раза среди библиотечных подписчиков за это же десятилетие увеличилось количество подростков (как девочек, так и мальчиков). Их соответственно было 160 и 362 человека. Из отчетов народной библиотеки при Нардоме следует, что в 1913 г. в среднем один рабочий на фабриках Красильщиковых прочитывал за год 4,7 книг и 14 номеров газет и журналов [13, с. 18, 25].

Также при Нардоме, кроме народной читальни, с 1903 г. существовала библиотека Общественного собрания служащих фабрик Красильщиковых. К 1913 г. она насчитывала более 4 тыс. книг и почти 1,5 тыс. периодических изданий. Самой популярной здесь была русская и переводная беллетристика. Большим спросом пользовались газеты и журналы. Число подписчиков данного просветительного заведения в 1903—1912 гг. колебалось от 58 до 189 человек [13, с. 20]. Подобное явление следует признать нормальным, т. к. библиотека не ориентировалась на массового читателя, а относилась к читальням ограниченного пользования.

Заботясь об увеличении уровня грамотности среди рабочих, А. М. Красильщикова еще в 1889 г. открыла при фабрике одноклассное училище. В 1903 г. оно было преобразовано в двухклассное, поэтому для него построили новое оборудованное здание. Кроме того, Красильщиконы открыли еще 6 школ в районе Родников. Всего на школьное дело фабриканты потратили почти 370 тыс. рублей. При каждом учебном заведении были учительская и ученическая библиотеки для внеклассного чтения. При училище в Родниках они в 1912 г. насчитывали более 2 тыс. томов каждая. При этом на одного ученика приходилось почти 5 книг [13, с. 12].

Следует признать, что Красильщиковы достигли немалых успехов в деле просвещения и развития грамотности рабочих. Если в 1885 г. на фабрике было всего 5 % умеющих писать и читать, то в 1903 г. на ней трудились 66 % грамотных мужчин и 19 % женщин. В 1913 г. эти цифры выглядели еще более впечатляющими, соответственно составляя 83 и 52 %. В Товариществе мануфактур в 1913 г. работало 7646 человек [13, с. 6]. Кстати, среди рабочих фабрик Красильщиковых были известные социал-демократы А. В. Калинин, П. И. Сурков и Н. Р. Шагов, избранные депутатами II, III и IV Государственной думы.

В 1903 г. при Народном доме в Родниках Красильщиковы организовали книжную торговлю. Ежегодные объемы продаж в среднем составляли около 2 тыс. рублей. Каждый рабочий тратил в год примерно 21 коп. на покупку книг и 15 коп. на приобретение учебных пособий [13, с. 26—27].

Таким образом, предприниматели Красильщиковы, в том числе Анна Михайловна Красильщикова, стоявшая у истоков библиотечного дела в регионе, сделали очень много для приобщения простого населения Родников к печатному слову. Известные своей культурно-просветительной и благотворительной деятельностью, Красильщиковы не забыты сегодня. В 1999 г. в России была учреждена премия имени Анны Михайловны Красильщиковой, которая вручается наиболее успешным женщинам-предпринимателям (бизнес-леди, как принято их называть).

Отрадно констатировать, что среди жен предпринимателей Владимирской и Костромской губерний нашлись люди, которые в рамках благотворительной и общественной деятельности не забывали о просвещении народа. Каждая из читален, созданных на частные средства, безусловно, внесла свой посильный вклад в дело распространения печатного слова в среде простого населения Верхнего Поволжья. Интерес к чтению у рабочих, конечно же, существовал и с каждым годом только усиливался. Фабриканты выступали настоящими подвижниками просвещения и стояли у истоков библиотечного строительства в провинции. Если учесть, что рабочие практиковали чтение вслух в кругу семьи, давали почитать книги тем, кто жил с ними в одной квартире, женщины брали литературу для своих детей, то можно сказать, что реально в процесс чтения благодаря фабричным библиотекам вовлекалось в 2—3 раза больше человек, чем фиксировали официальные отчеты.

Безусловно, в фабричных библиотеках имелось много недостатков: часто бедное и однообразное (из-за ограничений со стороны цензуры) комплектование фондов, нехватка квалифицированных библиотекарей, которые могли бы правильно ориентировать малограмотных рабочих в выборе книг, отсутствие читальных залов, что отрицательно сказывалось на культурном росте, т. е. условий для чтения дома у многих просто не было.

В то же время, и это бесспорно, подобные библиотеки положительно влияли на нравственный уровень простого населения. Жены фабрикантов, открывая бесплатные читальни, тем самым пытались организовать свободное время рабочих в позитивном русле, предоставив им вместо кабаков культурно-просветительные мероприятия, среди которых одно из первых мест отводилось чтению. Создание фабричных библиотек стало важным шагом по устранению одной из причин пьянства — нерационально организованного досуга рабочих.

Подобные просветительные заведения закладывали основу для превращения рабочих в одну из самых активных категорий читателей среди простого населения Российской империи в конце XIX — начале XX в. В среднем рабочий, который не был занят сельскохозяйственным трудом, прочитывал за год в два раза больше книг, чем крестьянин-земледелец.

При этом в начале XX в. рабочие все меньше читали духовно-нравственные сочинения, отдавая предпочтение светским рассказам и повестям. Следует согласиться с Н. А. Рубакиным, который справедливо образно отмечал, что большинство читателей «пасутся на обширной ниве родной и заграничной беллетристики, то сбиваются в кучу вокруг какого-либо автора, то идут вразброд, бродя туда-сюда, пожирая без разбора всякую траву, какая попадет в зуб» [10, с. 88]. Однако нельзя не признать, что с появлением фабричных библиотек рабочие познакомились с произведениями классиков русской литературы: Л. Н. Толстого, А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, И. С. Тургенева и других.

Нужно констатировать, что подобные библиотеки на территории Верхнего Поволжья внесли посильную лепту в просвещение местного простого населения, отвлекая его от асоциальных явлений через пропаганду книги и чтения. Кроме того, повышение образовательного и культурного уровня рабочих благодаря усилиям наиболее прогрессивных фабрикантов и их жен, создававших просветительные заведения, в совокупности с модернизацией производства вело в начале XX в. к увеличению товарооборота, а значит, и предпринимательской прибыли.

На рубеже XIX—XX вв. книга перестала быть достоянием только интеллектуальной аристократии. Все большее место в читательской аудитории приобретал «низовой», «уличный» читатель. Чтение среди рабочих стало достаточно распространенным (хотя и не повседневным) элементом образа жизни. Книги, газеты, журналы превратились в обыкновенные в обиходе вещи. Постепенно создавалась основа для превращения чтения в социальную норму, чему способствовали в числе прочего и бесплатные библиотеки, созданные женами фабрикантов.

Библиографический список

1. Балдин К. Е. Яков Гарелин: предприниматель, историк, меценат. М. : Храм, 1993. 96 с.
2. Бурьшкин П. А. Москва купеческая : мемуары. М. : Высш. шк., 1991. 352 с.
3. Гарелин Я. П. Город Иваново-Вознесенск, или бывшее село Иваново и Вознесенский посад. Шуя, 1885. Ч. 2. 140 с.
4. Государственный архив Владимирской области. Ф. 14. Оп. 4. Д. 1553. Л. 1, 38; Д. 2550. Л. 26—27.
5. Государственный архив Ивановской области.
6. Государственный архив Костромской области. Ф. 133. Оп. 2. Д. 12815. Л. 37, 84.
7. Журналы очередного Шуйского уездного земского собрания за 1897 г. Владимир, 1898. 305 с.
8. Записки рабочего // Дым. Иваново-Вознесенск, 1913. № 6. С. 5.
9. Рубакин Н. А. Книгоноша // Альманах библиофила. М. : Книга, 1982. Вып. 13. С. 185—188.

10. Рубакин Н. А. Этюды о русской читающей публике // Избранное : в 2 т. М. : Книга, 1975. Т. 1. 223 с.
11. Русские крестьяне : жизнь. Быт. Нравы : материалы Этнографического бюро князя В. Н. Тенишева : Костромская и Тверская губернии. СПб. : Навигатор, 2004. Т. 1. 567 с.
12. Самойлов Ф. Н. По следам минувшего. М. : Госполитиздат, 1956. 392 с.
13. Товарищество мануфактур А. Красильщиковой с сыновьями в селе Родники Юрьевоцкого уезда Костромской губернии. Культурно-просветительная деятельность в Родниковском фабричном районе. М., 1913. 88 с.
14. Товарищество мануфактур Ивана Гарелина с сыновьями в городе Иваново-Вознесенске Владимирской губернии. М., 1905. 25 с.
15. Шестернин С. П. Город Иваново-Вознесенск // Русское богатство. 1901. № 3. С. 185—187.

ББК 63.3(2)64+60.75

С. Д. Морозов

ЗАБОЛЕВАЕМОСТЬ И СМЕРТНОСТЬ МУЖЧИН И ЖЕНЩИН РОССИИ В 1990-х гг.

Демографические процессы в России в 1980—1990-х гг. развивались на фоне глубоких сдвигов в социально-экономической жизни страны, нередко приобретавших кризисные формы. В изменениях демографической ситуации в этот период многие специалисты, как и зачастую массовое общественное мнение, склонны видеть не более чем проявления демографического кризиса, вызванного к жизни неблагоприятными для населения экономическими и социальными переменами, негативные последствия которых, согласно широко распространенным суждениям, все время нарастали.

К несомненным признакам демографического спада в 1980-х гг. обычно относят начавшееся сокращение численности населения страны, а к кризису и катастрофе — резкое падение рождаемости и резкий подъем смертности в 1990-х гг., большое количество разводов, незарегистрированных браков и внебрачной рождаемости, очень высокий уровень искусственных аборт при недостаточном распространении средств и методов контрацепции, ухудшение здоровья взрослых и детей, в частности стремительный рост заболеваемости туберкулезом, болезнями, передаваемыми половым путем, и др. Все эти факты действительно имели место, но их происхождение и природа неодинаковы.

С одной стороны, это проявление общемировых перемен, свойственных всем промышленно развитым странам с высокой долей городского населения, высоким уровнем образования, значительным участием женщин в экономической и общественной жизни. Таковы, например, предпосылки и причины низкой рождаемости или неустойчивости семьи. Их едва ли можно рассматривать как следствие особой российской ситуации 1990-х гг.; они в

равной степени характерны для большинства западных стран с намного более высоким, чем в России, уровнем жизни и с большей политической стабильностью. Эти явления порождались глубинными изменениями всего стиля жизни современного человека и, по-видимому, пока неустранимы.

С другой стороны, Россия, напротив, сильно отличается от Запада. Эти отличия, как правило, связаны с недостаточной модернизацией социальных, политических и экономических институтов, с неизжитыми архаизмами в массовом сознании и поведении, а также с наличием серьезных кризисных процессов в обществе. Они, помимо всего, обуславливают очень высокую смертность по причинам экзогенного характера, низкий уровень здоровья, ограниченность репродуктивного выбора, чрезмерное число аборт и т. д. Опыт многих стран показывает, что при достаточных ресурсах и правильной стратегии действий такие проблемы могут быть если не полностью преодолены, то значительно смягчены. Более того, позитивные сдвиги в решении некоторых названных проблем в последние годы наметились и в России, что в немалой степени противоречит мнению об обостряющейся демографической катастрофе.

Самым бесспорным свидетельством демографической катастрофы в России представляется начавшееся в 1992 г. сокращение численности населения.

В 1990-х гг. оно уменьшилось почти на 3 млн человек, составив 145,9 млн человек [1, с. 5, 7].

До начала 1990-х гг. увеличение населения России обеспечивалось в основном за счет его естественного прироста, хотя от десятилетия к десятилетию он неизменно сокращался вследствие падения рождаемости, прекращения снижения смертности, а также по мере исчерпания потенциала демографического роста, накопленного в возрастной структуре. Несмотря на постепенное сокращение, вплоть до 1990-х гг. именно естественный прирост был определяющим компонентом роста населения. Смена положительного естественного прироста отрицательным в 1992 г. обусловила начавшуюся убыль населения России.

Появление отрицательного естественного прироста — неизбежное следствие типа демографического воспроизводства, установившегося в большинстве промышленно развитых стран. В 1992 г., когда естественный прирост в России впервые стал отрицательным, она была одной из 9 европейских стран с естественной убылью населения. В 1997 г. таких стран было уже 14, и их число постоянно возрастало. Вероятно, в обозримом будущем отрицательный естественный прирост населения будет характерен для большинства европейских стран, сохранится он и в России.

В течение 20 лет — с 1955 по 1975 г. — положительный естественный прирост населения России сочетался с отрицательным миграционным приростом, с избытком перекрывая его. Начиная с 1975 г. рост населения шел уже в результате как естественного прироста, так и миграционного притока из других республик СССР. До 1990 г. последний, как правило, не превышал одной четверти общего прироста. Но затем роль миграционного компонента изменилась. Сначала просто увеличился его вклад в рост населения, а с 1992 г.

миграции стали единственным источником увеличения численности населения. Однако даже увеличившиеся после распада СССР объемы чистых миграций не могли перекрыть довольно значительной естественной убыли населения.

Миграционный прирост служил и может служить в будущем единственным реальным фактором, хотя бы частично противодействующим сокращению численности населения России. Однако пока его роль все время сокращается. По данным Российского статистического агентства, за первое полугодие 1999 г. естественные потери населения были компенсированы миграционным притоком всего на 11,5 % (против 41 % в соответствующем периоде 1998 г.) [1, с. 10]. При нынешнем положении дел рассчитывать на крупные миграционные вливания в ближайшие десять лет трудно. Более вероятно, что большого миграционного притока пока не будет, а это значит, что население России будет непрерывно сокращаться.

Еще один беспокоящий общественное мнение и на первый взгляд подтверждающий критическое состояние демографической сферы процесс — старение населения России. Оно действительно стареет, хотя пока остается моложе населения большинства промышленно развитых стран. Но постепенное старение населения — общемировая закономерность, обусловленная в основном долговременным снижением рождаемости. Оно давно идет в России, где является фоном, на который накладываются волнообразные изменения возрастной структуры, вызванные прошлыми российскими демографическими кризисами периодов войн и социальных катаклизмов XX в. Из-за этих колебаний все время меняется совокупная экономическая нагрузка, т. е. число лиц нетрудоспособного возраста — детей и пожилых людей, приходящихся на одного трудоспособного. С начала 1980-х гг. наблюдался рост этой нагрузки, но в первой половине 1990-х гг. наступил перелом, и она стала сокращаться. Эта тенденция не была связана с текущими событиями 1990-х гг., но сама по себе благоприятна и образует одну из положительных сторон нынешней демографической ситуации. Правда, она сохранится примерно до конца 2000-х гг., после чего нисходящая волна сменится восходящей, которая будет усилена последствиями резкого сокращения рождаемости в начале 1990-х гг.

Самые острые демографические проблемы России связаны с ухудшающимся состоянием здоровья и высокой смертностью населения. Нужно сказать, достаточно документированы только тенденции смертности, в отношении состояния здоровья имеются более отрывочные и не всегда надежные данные.

К тяжелому состоянию экономики добавляется то, что в системе ценностей и приоритетов россиян охрана здоровья и тем более здоровый образ жизни занимают довольно низкое место. Например, возможность обеспечить детям хорошее образование расценивается как намного более важная, чем возможность получить квалифицированную медицинскую помощь или вести здоровый образ жизни [2, с. 67].

Официальные данные о заболеваемости в целом — одной из главных характеристик состояния здоровья — с начала 1990-х гг. не свидетельствуют о четко выраженных и легко интерпретируемых тенденциях. Ежегодная численность зарегистрированных заболеваний с впервые установленным

диагнозом на 1 тыс. человек населения в самые тяжелые 1992—1994 гг. была ниже, чем в предыдущие. Возможно, это было связано с тем, что люди с не очень серьезными заболеваниями стали реже обращаться к врачу с целью получения больничного листа. Заболеваемость детского населения в эти годы также была либо ниже, чем в предыдущие, либо незначительно выше. В 1995—1997 гг. динамика заболеваемости колебалась с некоторой тенденцией к ухудшению ситуации.

В 1990-х гг. намечилось сокращение численности зарегистрированных случаев заболеваний органов дыхания. В 1991—1992 гг. на их долю приходилось 51—52 % всех заболеваний, в 1996 г. — 41 %. Но не произошло снижения стоявшей на втором месте заболеваемости, обусловленной несчастными случаями, отравлениями и травмами. В то же время быстро росла заболеваемость болезнями крови и кроветворных органов, мочеполовой системы. Больше людей стало также страдать от эндокринных заболеваний, расстройств питания, нарушений обмена веществ и иммунитета, болезней нервной системы и органов чувств, врожденных пороков [2, с. 68].

Наряду с неблагоприятными изменениями соматического здоровья россиян следует отметить и тревожные тенденции роста числа психических заболеваний. К традиционным для России и очень серьезным проблемам алкоголизма в последнее время добавились относительно новые проблемы наркомании и токсикомании. Они особенно характерны для молодежной среды. Только с 1994 по 1997 г. количество несовершеннолетних, поставленных на учет в связи с немедицинским потреблением наркотических средств, выросло в 2 раза, количество потребляющих сильнодействующие и одурманивающие средства — в 2,5 раза, чего не наблюдалось в 1970—1980-х гг.

В докладе Уполномоченного по правам человека в России было отмечено: «По данным Министерства здравоохранения Российской Федерации, за последние десять лет число инвалидов вследствие психических расстройств возросло более чем на 30 процентов и достигло 669 тыс. чел. Большинство психиатрических больниц находится в тяжелом финансовом положении. Психиатрические больницы Московской области, например, в 1998 г. получили лишь 7 процентов необходимых средств на приобретение лекарств и 20—25 процентов на питание больных, расходы на одного больного в Саратовской области составляют 30 процентов от нормы. Между тем отсутствие полноценного питания у этой категории больных провоцирует обострение болезни» [1, с. 28, 29].

Особое беспокойство вызывает положение дел с инфекционными заболеваниями. Хотя по численности зарегистрированных случаев они стоят на четвертом месте после болезней органов дыхания, заболеваний, вызванных несчастными случаями, и болезней нервной системы и на их долю приходится всего 5—7 % общей заболеваемости, однако именно с ними связана опасность выхода ситуации из-под контроля и взрывного роста заболеваемости. Подъем инфекционной заболеваемости стал одной из особенностей 1990-х гг. в России. Она росла с 1992 по 1995 г., превысила уровень 1991 г. на 42 %, после чего начала снижаться [2, с. 69].

Правда, некоторые инфекционные болезни в 1990-х гг. продолжали отступать. По сравнению с 1991 г. к 1996 г. на 40—50 % сократилась заболеваемость брюшным тифом и паратифами, сальмонеллезными инфекциями, коклюшем, особенно снизилась заболеваемость корью, в 1997 г. последняя была минимальной за всю историю ее регистрации в России. Снизилась заболеваемость острыми кишечными инфекциями, острыми инфекциями верхних дыхательных путей, гриппом, скарлатиной, ветряной оспой. С 1995 г. удалось переломить неблагоприятные тенденции заболеваемости дифтерией: в 1997 г. ее уровень сократился, по сравнению с наиболее неблагоприятным 1994 г., более чем в 10 раз, хотя все еще остается весьма высоким [3, с. 28, 29].

Наряду с этим имел место стремительный рост некоторых других инфекционных болезней. Среди них особую угрозу в силу высокой летальности представлял туберкулез. Общий уровень смертности от инфекционных заболеваний в 1990-х гг. в России примерно на 80 % у мужчин и на 35—45 % у женщин определялся смертностью от туберкулеза и его последствий. Заболеваемость же всеми формами активного туберкулеза с 1991 г. выросла более чем вдвое. В 1997 г. у мужчин стандартизованный коэффициент смертности от туберкулеза превысил коэффициент смертности от всех остальных инфекционных болезней более чем в 6 раз (у женщин такого превышения нет) [3, с. 77].

В первую очередь с инфекционными заболеваниями было связано ухудшение показателей смертности в 1999 г. Численность умерших от всех причин в расчете на 100 тыс. человек населения увеличилась по сравнению с 1998 г. на 6,6 %, а доля умерших только от инфекционных болезней — на 26,8 %, причем решающий вклад в этот рост внесла смертность от туберкулеза [1, с. 70].

Еще одна очень тревожная тенденция — отмечаемый с начала 1990-х гг. стремительный рост численности болезней, передаваемых половым путем, прежде всего сифилиса. Заболеваемость сифилисом в 1997 г. была в 52 раза выше, чем в 1990 г. [3, с. 90].

Особенно быстро растет венерическая заболеваемость у детей и подростков. В 1997 г. сифилисом заболело более 28 тыс. детей и подростков, более 10 % из них — дети в возрасте до 14 лет. При этом 66 % детей заразились половым путем, у каждого четвертого заболевшего ребенка диагностирован врожденный сифилис [3, с. 97].

Быстро увеличивалась заболеваемость СПИДОМ. На 1 января 1998 г. в России зарегистрировано более 7 тыс. человек ВИЧ-инфицированных (в 1993 г. их было всего 108 человек), в том числе 309 человек, больных СПИДОМ, реальное число инфицированных, вероятно, существенно больше. В 1997—1998 гг. от ВИЧ-инфекции и СПИДА в России умерли 282 человека [1, с. 70].

Состояние общественного здоровья в России во многом зависит от состояния системы здравоохранения. Как показывают исследования, проведенные РОМИР, менее половины российского населения не испытывает затруднений с получением медицинской помощи. При этом примерно четверть

россиян вынуждена обходиться без медицинской помощи либо часто, либо всегда.

Показатели смертности и продолжительности жизни позволяют с высокой достоверностью судить как о долговременных тенденциях, так и об особенностях демографического развития и положения дел с общественным здоровьем.

В 1990-х гг. окончился «всплеск» показателей смертности и продолжительности жизни. Он начался в 1985 г., когда ожидаемая продолжительность жизни заметно повысилась. Но с 1988 г. наметилось ее новое снижение, резко ускорившееся в 1992—1994 гг. С 1995 г. начался новый рост ожидаемой продолжительности жизни. В 1995—1998 гг. у мужчин она повысилась с 57,6 до 61,3 года, у женщин — с 71,2 до 72,9 года. Иными словами, по сравнению с «провальным» 1994 г. положение несколько улучшилось. В целом улучшение положения проявлялось в том, что форма возрастной кривой смертности постепенно возвращалась к той, которая существовала в самом начале 1990-х гг. Наибольшее сокращение смертности в 1995—1997 гг. наблюдалось в возрастах от 30 до 50 лет, т. е. именно в тех возрастных группах, в которых в 1992—1994 гг. смертность наиболее сильно выросла [4, с. 47—48].

Однако смертность как мужчин, так и женщин находилась в конце 1990-х гг. на весьма высоком уровне, на котором она была 15—20 лет тому назад. По существу, показатели смертности вернулись к тем, которые имели место между 1965 и 1985 гг. Именно тогда выявилась полная неспособность советского здравоохранения обеспечить хотя бы медленное продвижение в деле снижения смертности. Хотя численность врачей и больничных коек на душу населения непрерывно увеличивалась, смертность не только не снижалась, но порой даже росла. В целом весь более чем тридцатилетний период, начиная с середины 1960-х гг., характеризуется неблагоприятной динамикой смертности и ожидаемой продолжительности жизни в России (сколько-нибудь заметное исключение составили лишь 1985—1987 гг.). На протяжении всего этого времени продолжительность жизни в индустриально развитых странах росла, а отставание России от них катастрофически увеличивалось. Если в 1965 г. США превосходили Россию по уровню ожидаемой продолжительности жизни мужчин почти на 3 года, то в 1995 г. разрыв составил 15 лет; столь же велико отставание России от стран Европейского союза [6, с. 27].

Нарастающее отставание России от большинства промышленных стран, с которыми еще в начале 1970-х г. она вполне могла конкурировать, типично и для младенческой смертности. Оно обусловлено ее чрезвычайно медленным снижением на протяжении последних 30 лет. В 1993 г. произошло заметное повышение младенческой смертности, что, возможно, отчасти было связано с переходом России на международные стандарты регистрации живорождений. Впрочем, даже после всплеска 1993 г. младенческая смертность была ниже, чем в 1984 г., а само повышение оказалось кратковременным и сменилось дальнейшим снижением. Уже в 1996 г. она упала до рекордно низкого уровня 1990 г. — 17,4 %, а в 1998 г. опустилась до 16,5 %. Тем не менее и сейчас ее

уровень примерно в 3 раза выше, чем в среднем в странах Европейского союза и США, в 4 раза выше, чем в Японии [1, с. 71].

Следует заметить, что положение со смертностью в России было всегда и остается теперь хуже, чем в любой другой бывшей советской республике на европейской территории СССР. Все это дает основания говорить о долговременном кризисе смертности в России, который, в свою очередь, был важной составной частью общего кризиса всей советской системы. Преодолеть этот затяжной кризис смертности значительно сложнее, чем ее шоковый всплеск начала 1990-х гг., который в основном уже сошел на нет.

При сопоставлении с положением дел, типичным для большинства индустриальных стран, неблагоприятными можно считать показатели смертности всех возрастно-половых групп российского населения и практически от всех крупных классов причин смерти. Однако кризисный характер российской ситуации определяется особым неблагоприятием со смертностью некоторых групп и от некоторых причин смерти. Своеобразие структуры российской смертности тесно связано с особенностями ее распределения по причинам смерти. Повышенные потери взрослого населения обусловлены необычным для современных развитых стран вкладом некоторых причин в смертность взрослого населения в возрасте до 70 лет.

Главная и хорошо известная особенность российской смертности заключается в ее особо высоком уровне у взрослого населения, особенно у мужчин. Именно рост смертности в трудоспособных возрастах стал главным элементом долговременного кризиса смертности и обусловил медленное снижение продолжительности жизни в 1965—1984 гг. Резкие изменения ожидаемой продолжительности жизни в 1990-х гг. (падение в 1992—1994 гг. и подъем в 1995—1998 гг.) были также обусловлены изменениями коэффициентов смертности в возрастных группах от 15 до 60 лет у мужчин и от 30 до 75 лет у женщин [5, с. 12]. Коэффициенты смертности детей и пожилых менялись незначительно и практически не оказали влияния на величину ожидаемой продолжительности жизни.

Одна из главных составляющих избыточных, по сравнению с международными стандартами, мужских потерь — потери от ишемической болезни сердца в возрасте от 40 до 70 лет и от нарушений мозгового кровообращения от 50 до 70 лет. На эти две «зоны риска» пришлось 33,4 % всех избыточных потерь в 1992 г., т. е. до резкого подъема смертности, и 31,2 % — в 1995 г., когда этот подъем закончился. Но еще более опасны несчастные случаи, отравления и травмы, которые обусловили в 1992 г. на 40 %, а в 1995 г. почти на 20 % больше избыточных смертей, чем все сердечно-сосудистые болезни.

Главный компонент избыточных женских смертей — смерти в возрасте от 55 до 70 лет от ишемической болезни сердца и нарушений мозгового кровообращения. В 1992 г. они обусловили 49,4 % избыточных смертей, в 1995 г. — 42,1 % [1, с. 71]. Зависимость смертности женщин от внешних причин не столь велика, как у мужчин. Вклад смертности от внешних причин в избыточную смертность намного меньше, чем вклад сердечно-сосудистых заболеваний.

Названные группы причин ответственны в основном как за долговременную, так и за кратковременную динамику смертности и продолжительности жизни в России. Они внесли основной вклад в медленное снижение ожидаемой продолжительности жизни на протяжении 1970-х и начала 1980-х гг.: оно было вызвано преимущественно ростом смертности от ряда хронических заболеваний, прежде всего ишемической болезни сердца, болезней сосудов головного мозга и рака легких, а также в несколько меньшей степени от так называемых внешних причин смерти (несчастные случаи, отравления, травмы, убийства и самоубийства). Резкие колебания ожидаемой продолжительности жизни после 1985 г. — ее рост в 1985—1987 гг., падение в 1992—1994 гг. и новый рост после 1994 г. — были также связаны с изменениями смертности от болезней системы кровообращения и от внешних причин, однако на этот раз именно воздействие последних было наиболее сильным [2, с. 71, 73].

В нынешней структуре российской смертности от внешних причин смерти ведущая роль принадлежит самоубийствам, далее следуют случайные отравления алкоголем и дорожно-транспортные происшествия. В 1990-х гг. вплотную к ним приблизились убийства и насильственные смерти неустановленного характера (случайного или преднамеренного). В России широко распространены представления о том, что именно тогда страна переживала необыкновенный подъем смертности от внешних причин, в частности от таких как самоубийства. Эти представления верны лишь отчасти.

Смертность от внешних причин неуклонно росла уже в 1960—1970-х гг. и к началу 1980-х увеличилась по сравнению с серединой 1960-х в 1,5 раза. Это давно уже вторая по важности причина смерти в России (после сердечно-сосудистых заболеваний), тогда как во многих западных странах она занимает 4-е место (после рака и болезней органов дыхания). При нынешнем состоянии дел вероятность для новорожденного мальчика умереть на протяжении жизни от одной из причин этой группы в России в 3—3,5 раза выше, чем в США или Японии, и в 6—7 раз выше, чем в Великобритании. Особый вред, наносимый смертностью от внешних причин, заключается в том, что основная масса смертей от них приходится на значительно более молодой возраст по сравнению со смертями от других важнейших причин. Так, в 1997 г. средний ожидаемый возраст смерти для обоих полов составил 75 лет для болезней системы кровообращения и только 45 лет для внешних причин смерти [6, с. 29].

Снижение смертности от внешних причин внесло решающий вклад в ее общее снижение в 1985—1987 гг. Антиалкогольная кампания, что бы о ней ни говорили, позволила отсрочить смерти миллионов людей, относящихся к группам повышенного риска смерти от несчастных случаев, алкогольных отравлений, самоубийств и других подобных причин. Но сами группы риска не исчезли, и, когда в конце 1980-х — начале 1990-х гг. положение в стране изменилось, численность лиц, подверженных повышенному риску смерти, на какое-то время удвоилась. В этот период к ним относились как те, кто обычно умирал в существовавших до 1985 г. российских условиях и должен был бы умереть во второй половине 1980-х гг., но не умер, т. к. эти условия временно

изменились, так и те, кто должен был умереть в начале 1990-х гг., ибо к этому времени возвратились и прежние «советские» риски смерти [1, с. 73].

В середине 1990-х гг. этот период «двойной смертности» подошел к концу, и она стала снижаться. Подъем смертности и ее последующее снижение у мужчин (именно у них происходили самые большие изменения) определялись прежде всего вкладом внешних причин.

В конце 1990-х гг. уровень смертности от внешних причин, оставаясь намного выше рекордно благоприятных показателей 1987 г., приблизился к существовавшему накануне антиалкогольной кампании уровню 1984 г., а по многим важным видам внешних причин опустился даже ниже его. Это относится, в частности, к показателям смертности от самоубийств и случайных отравлений алкоголем как у мужчин, так и у женщин, от дорожно-транспортных происшествий и утоплений у мужчин. В то же время уровень смертности от убийств и насильственных причин неустановленного характера все еще резко превышал показатели 1984 г. [1, с. 107—108].

В общем, смертность от большинства внешних причин снизилась, уходя от крайне высоких уровней, достигнутых в ходе ее подъема в 1992—1994 гг., и возвращаясь на прежнюю траекторию, сложившуюся в последние советские десятилетия. В настоящее время главный вопрос заключается в том, ограничатся ли позитивные тенденции 1990-х гг. только восстановлением этой траектории, в целом очень неблагоприятной, или принесут новые успехи и позволят преодолеть тяжелое наследие советского и российского времени и добиться реального снижения смертности от внешних причин, а значит, и общего уровня смертности.

Ответ на этот вопрос во многом зависит от того, какую позицию займут и как определят свои приоритеты российское общество и здравоохранение, в частности и от того, насколько будет осознано бедствие слабоконтролируемых внешних причин смерти. Сопряженный анализ смертности по причинам и возрастно-половым группам указывает, что борьба со смертностью от этих причин — несчастных случаев, отравлений, травм — и причин насильственного характера, особенно среди мужчин трудоспособного возраста, должна относиться к числу главных приоритетов здравоохранения, если оно ориентировано на снижение смертности.

Другая приоритетная область — борьба со смертностью от ишемической болезни сердца и от нарушений мозгового кровообращения в среднем возрасте, как у мужчин, так и у женщин. Еще одна область первостепенной важности — борьба с младенческой смертностью от врожденных аномалий и состояний перинатального периода, а также реализация комплексных мер по улучшению здоровья новорожденных. Наконец, к числу приоритетных следует отнести меры, направленные на борьбу с выходящими из-под контроля инфекционными заболеваниями, такими как туберкулез, сифилис и СПИД. С точки зрения смертности влияние этих заболеваний пока невелико, однако их влияние на здоровье населения и их способность к быстрому распространению требуют безотлагательных и решительных мер.

Библиографический список

1. Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации в 1998 году. М. : Росстат, 1999. 199 с.
2. Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации за 1999 год. М. : Росстат, 1999. 209 с.
3. Здоровье женщин России : аналитический доклад, подготовленный Комиссией по делам женщин, семьи и демографии при Президенте РФ и Международным фондом охраны здоровья матери и ребенка. М. : Росстат, 1998. 299 с.
4. Здоровье женщин России : информация Министерства здравоохранения РФ. М. : Росстат, 1998. 269 с.
5. Об основных тенденциях развития демографической ситуации в России до 2015 года : доклад / Государственный комитет РФ по статистике. М. : Росстат, 1998. 250 с.
6. Репродуктивное здоровье российских женщин : исследование ВЦИОМ при сотрудничестве с СОС (США) и USAID. М. : Росстат, 1997. 255 с.

ББК 63.3(4 Вел)63-284.3

А. Л. Колесникова

**ЖЕНСКОЕ ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ
В ВЕЛИКОБРИТАНИИ
КОНЦА 1960-х — НАЧАЛА 1970-х гг.
И ГЕНДЕРНАЯ ПОЛИТИКА**

Первая волна феминизма, имевшая место в Великобритании в середине XIX — начале XX в., ставила перед собой задачу борьбы за равные политические права.

Вторая волна феминизма в Великобритании поднялась в конце 60-х гг. XX в., в отличие от первой ее целями стало преодоление дискриминации в экономической сфере — на рынке труда, а также в семье. Нарастание феминистских настроений стало результатом гендерного неравенства, которое сохранялось в английском обществе, невзирая на строительство государства всеобщего благосостояния. Причинами возникновения в Великобритании новой волны феминизма, получившей название женского освободительного движения, стали такие факторы, как неравенство на рынке труда, более низкие по сравнению с мужчинами зарплаты за одинаковую работу, гендерная дискриминация в сфере образования, недостаток детских дошкольных учреждений, что делало практически невозможным совмещение карьеры и семейных обязанностей. Немаловажным стимулирующим фактором стало растущее женское движение в США и его успешный опыт.

Серьезное недовольство феминисток новой волны вызывало гендерное неравенство в сфере образования. В 60-х гг. в Великобритании количество мальчиков в школах было в два раза больше, чем девочек. Женщины с высшим образованием составляли всего лишь четверть от числа мужчин. Кроме того, численность студентов мужского и женского пола различалась в зависимости от направленности и статуса университета: чем престижнее был университет, тем меньше студенток можно было там встретить. Так, в середине 60-х гг. женщины составляли 35 % от общего количества студентов в провинциальных университетах, 25 % — в крупных и только 12,5 % — в Кембридже и Оксфорде. Кроме того, некоторые высшие учебные заведения в своих правилах устанавливали квоты на прием девушек. Например, медицинские институты ограничивали набор 15 % женщин [11].

Результатом дискриминации в сфере образования была более низкая квалификация женщин, что, в свою очередь, приводило к получению худшей по сравнению с мужчинами работы и соответственно к более низкой зарплате. Так, например, в 1969 г. мужчина в среднем получал 25 фунтов в неделю, в то время как средний заработок женщины составлял всего 12 фунтов [12, р. 39—40].

Кроме того, поскольку традиционно возможность женщины быть конкурентоспособной на рынке труда определяется не только образованием, но и возможностью передать функцию заботы о детях в дневное время из сферы семейной в сферу общественную, то наличие, число и доступность дошкольных детских учреждений является важным условием для эффективного участия женщин в трудовой деятельности. В Великобритании в 1970 г. существовало менее 500 государственных детских садов, предоставлявших места для 24 000 детей от 2 до 4 лет. Всего же детей такого возраста было 2,5 млн [12, р. 37]. В результате большинство женщин с малолетними детьми не имели возможности трудиться полный рабочий день. При этом на протяжении 60—70-х гг. доля женщин на рынке труда неуклонно росла (от 41,6 % в 1965 г. до 48,0 % в 1979 г.) [11], что приводило к изменению в структуре рабочей силы. Таким образом, было необходимо развитие системы детских учреждений, что давало бы возможность женщинам работать наравне с мужчинами.

До 1967 г. в Великобритании были почти полностью запрещены аборты, что рассматривалось феминистками как ограничение права женщин распоряжаться своим телом.

Такова была социальная ситуация, породившая женское освободительное движение в Великобритании.

С самого начала движение было неоднородным и представляло собой большое количество разных по численности женских групп. Как пишет в своих воспоминаниях М. Волз, одна из активисток женского освободительного движения в Англии, движение выросло к 1968 г. из трех составляющих [12, р. 35]:

- 1) стремления женщин в профсоюзах добиться равной платы с мужчинами за равный труд;
- 2) неудовлетворенности женщин своей жизнью;
- 3) студенческих и радикальных организаций 1960-х гг., в которых женщины чувствовали себя угнетенными.

К концу 60-х гг. в стране начали появляться женские группы, ставившие перед собой задачу помощи женщинам. Кроме того, активизировались либеральные женские организации, сохранившиеся со времен первой волны феминизма, например существовавшая с 1921 г. женская группа «Six Point Group», проповедующая равенство женщин в сфере образования, труда, права, социальной жизни и морали. С конца 1960-х группа принимала активное участие в осуществлении взаимодействия других женских групп в стране и распространении информации между ними.

Однако начало борьбе против гендерной дискриминации было положено не деятельностью женских групп, а выступлениями работниц, недовольных неравенством на рынке труда. Профсоюзы добивались увеличения заработной платы в целом для обоих полов, а требование устранения неравенства в оплате труда являлось лишь частью основной работы в этом направлении. Так было вплоть до первой забастовки против гендерной дискриминации на заводе Форда в Дагенхэме в 1968 г. Причиной конфликта стало введение новой системы классификации трудовой деятельности. Были определены четыре различные категории рабочей силы: мужчины, выполнявшие квалифицированную работу; мужчины, выполнявшие полуквалифицированную работу; мужчины без квалификации; наконец, отдельная категория для женщин, большинство из которых были швеями. Последние выполняли достаточно сложные операции и вполне могли быть аттестованы как квалифицированные работники. Однако женщины были выделены в отдельную категорию и получали самую низкую зарплату. В результате 850 женщин подняли забастовку, протестуя против гендерной дискриминации в распределении категорий тарифной сетки. Одна из лидеров забастовки Роуз Боланд в своем интервью английской газете «Socialist Worker» в 1968 г. рассказала, что для участниц этой забастовки было непонятно, почему их труд оплачивался ниже, чем неквалифицированный труд мужчин-рабочих, несмотря на то, что при приеме на работу им был предложен тест, по результатам которого определялись их профпригодность и профессиональные навыки [7]. Однако, как можно судить из того же интервью, хотя сама Р. Боланд считала такую практику оплаты труда и распределение категорий квалификации дискриминационными, для большинства женщин целью забастовки было не достижение фактического равенства оплаты их труда с мужчинами, а просто перемещение в более высокую категорию, что должно было привести к повышению их заработной платы [7]. Работа завода была полностью остановлена на 3 недели, предприятие понесло огромные убытки. Забастовка закончилась только после достижения договоренности между забастовочным комитетом и министром труда лейбористского кабинета Барбарой Кастл о том, что заработная плата женщин на всех заводах Форда достигнет 92 % от размера мужской (была 87 %). Однако требование о пересмотре категорий квалификации удовлетворено не было. Забастовка была большим успехом, несмотря на то что ее цели были достигнуты не полностью. Она послужила успешным примером и воодушевила многих других женщин, недовольных условиями своего труда и заработной платой. Результатом забастовки также стала Национальная кампания за равноправие женщин (National Joint Action Campaign for Women's Equal Rights), в ходе которой в 1969 г. была организована массовая демонстрация в поддержку

равных возможностей и равенства в оплате труда. Демонстрацию поддержали женские группы в профсоюзах по всей стране.

Важным событием на законодательном уровне, случившимся отчасти в результате забастовки на заводе Форда, отчасти в результате политики лейбористов, стало принятие Закона о равной оплате труда 1970 г., который был предложен Б. Кастл. Однако он вступил в силу лишь в 1975 г., с новым приходом к власти лейбористской партии после четырехлетнего пребывания у «руля» консерваторов. Закон гарантировал право равной оплаты за одинаковую работу, запрещал неравенство в оплате наемного женского и мужского труда и, кроме того, позволял женщинам претендовать на одинаковый с мужчинами размер пособий, отпускные и т. д. [6]. Закон о равной оплате труда был призван устранить неравенство в перераспределении ресурсов путем обеспечения равного размера заработной платы для мужчин и женщин. Однако на деле все выглядело иначе. У работодателей осталась масса возможностей избежать выполнения этого закона: некоторые поднимали размер женской зарплаты до размера мужской, но самой низкой; некоторые давали одной и той же должности для мужчин и женщин разные названия, что позволяло легко обходить требования закона. Практически его результатом стало сокращение гендерного разрыва в оплате труда в целом по стране на 5 % — с 72 до 77 % [8]. На тот момент это было самым лучшим показателем в этой сфере в Европе.

Если женщины-члены профсоюзов боролись в 60—70-х гг. за равенство в трудовой сфере, то женские феминистские группы стали инициаторами кампании в защиту репродуктивных прав женщин, в частности принятия закона об абортах и профилактике нежелательных беременностей. По существующему в Англии до 1967 г. законодательству, аборт разрешался лишь в случае непосредственной угрозы жизни женщины, т. е. физическому существованию, а не здоровью. Поскольку предыдущее законодательство охраняло право ребенка на жизнь, то оно не включало в себя такие основания для аборта, как, например, угроза психическому здоровью женщины, а также возможность рождения ребенка с неизлечимыми заболеваниями. Прецедент был создан в 1938 г., когда суд рассматривал дело доктора Алека Боурна, который прервал беременность у 14-летней девушки, жертвы группового изнасилования. Суд признал Боурна невиновным, заявив, что «...если беременность влечет за собой угрозу физическому или психическому здоровью женщины, то суд может принять решение, что врач, прервавший такую беременность следуя своим убеждениям, действовал с целью сохранения жизни женщины» [4, р. 320]. Таким образом, данный прецедент уравнивал толкование «угрозы жизни» и «угрозы здоровью», причем как физическому, так и умственному. Законодательно именно это решение было закреплено в Законе об абортах 1967 г.

Закон был принят в связи с тем, что в 60-х гг. в обществе росла обеспокоенность большим числом нелегальных аборт, приводящих к серьезным проблемам со здоровьем или даже смерти женщин. Около 40 женщин ежегодно умирали в результате подпольных абортов, выполняемых непрофессионалами [9]. М. Б. Ильичева отмечает, что в борьбе за принятие закона об абортах и за требования распространения контрацепции соединились интересы различных акторов: общественности, женских организаций, политических деятелей. Но

если общественность и женское движение рассматривали аборт как реализацию прав личности, то политики — как возможность ограничить рождаемость в наименее обеспеченных слоях общества [1, с. 38].

Большую роль в принятии закона сыграла кампания основанной еще в 1936 г. Ассоциации за реформирование законодательства об абортах (Abortion Law Reform Association) — за доступные аборт по физиологическим, моральным и социальным критериям. Ее активисты считали, что женщина должна сама решать, сохранить или прервать беременность, т. е. именно за женщиной, а не за государством, политиками и врачами должно оставаться последнее слово при распоряжении своим телом и здоровьем.

В результате работы как с обществом в целом, так и с парламентариями к 1966 г. сложилась атмосфера, благоприятная для реформирования существующего законодательства об абортах [5, р. 16]. В 1967 г. был принят Закон об абортах (Abortion Act) [3]. Теперь аборт можно было сделать на сроках беременности до 24 недель в государственных клиниках, используя возможности государственного медицинского страхования. Показания к проведению данной процедуры были следующими [3]:

- если сохранение беременности несет угрозу физическому или психическому здоровью женщины большую, нежели ее прерывание;

- беременность представляет угрозу жизни женщины;

- существует риск, что ребенок будет рожден с серьезными физическими или психическими отклонениями.

Показания к проведению аборта были значительно расширены по сравнению с существовавшим в данной сфере законодательством. Как мы видим, оно стало более гибким. Если ранее ни угроза физическому здоровью матери, ни тем более здоровью ребенка не считалась достаточным основанием для проведения процедуры аборта, то по закону 1967 г. эти показания признавались основанием для операции, так же как и угроза психическому здоровью матери. Принятие более прогрессивного закона было во многом простимулировано активной деятельностью Ассоциации за реформирование законодательства об абортах и формирующихся новых феминистских организаций.

Первые, хотя и половинчатые, успехи феминисток подтолкнули их к осознанию необходимости объединения и солидарности. В исследовательской литературе, как российской, так и зарубежной, началом организованного женского освободительного движения считается проведение первой национальной конференции движения в 1970 г. в Оксфорде. В ней приняли участие около 600 делегатов от различных женских групп со всей страны, чтобы обсудить актуальные проблемы, с которыми им приходилось сталкиваться. Обсуждались такие темы, как женщина и семья, женщина и работа, женщина и революция. Кроме того, конференция учредила Женский национальный координационный комитет (Women's National Coordinating Committee), включавший по две представительницы от каждой женской группы. Поскольку движение было разрозненно и неорганизовано, планировалось сделать основными функциями Комитета координацию действий женских групп и обмен между ними инфор-

мацией. В задачи Комитета входила также организация последующих национальных конференций. Однако эта цель не была достигнута, поскольку Комитет, по своей сути, был структурой без какой-либо реальной власти и четкой программы действий.

Тем не менее на конференции были разработаны четыре основных требования, озвученные большинством присутствующих женщин. Впоследствии они стали лозунгами во время первой национальной демонстрации формирующегося женского движения и легли в основу программы его действий:

- 1) равная с мужчинами плата за равный труд;
- 2) равные возможности и равный доступ к образованию;
- 3) разрешение проведения аборт по желанию женщины и бесплатная контрацепция;
- 4) бесплатные круглосуточные службы по уходу за детьми.

Эти требования стали отражением наиболее острых проблем, с которыми приходилось сталкиваться женщинам. Женские группы были вольны как принимать, так и отвергать идеи, которые были выдвинуты на национальной конференции. Первые два требования не подвергались критике, однако вторые два — разрешение аборта по желанию женщины и организация детских круглосуточных учреждений, являясь более радикальными, стали источником конфликтов и споров в самом движении.

Требование равенства с мужчинами в оплате труда волновало всех работающих женщин и было первым в списке. Поэтому женщины требовали равного доступа к получению образования в естественно-научных, технических и медицинских колледжах, равных стартовых возможностей во всех сферах занятости.

Требование введения круглосуточной службы по уходу за детьми было тесно связано с вопросом женской занятости. Круглосуточные детские учреждения в понимании феминисток новой волны были экстренной службой для тех женщин, кто вынужден работать ночью, а вовсе не возможностью поручить воспитание детей государству, как в своих контраргументах утверждали противники данного требования [12, р. 37]. Оно основывалось на экономической необходимости, однако его сторонники преследовали еще одну цель — положить конец позиционированию функции заботы как традиционно женской обязанности.

Поскольку принятый в 1967 г. закон об абортах был несовершенно и не подразумевал проведения аборта по социальным показаниям, это породило третье требование — о легализации абортов по желанию женщины.

Требования, выдвинутые на конференции 1970 г., предполагали изменения в тех сферах, в которых сами женщины чувствовали себя наиболее дискриминированными. Впоследствии, по мере развития женского освободительного движения, они были дополнены еще тремя требованиями, включенными в программу действий на конференциях в 1984 г. и 1987 г.: правовая и финансовая независимость всех женщин, право на выбор сексуальной ориентации и недопустимость дискриминации по этому признаку, недопустимость давления на женщин путем угроз или применения насилия, включая сексуальное, в том числе и принуждения к сексуальным отношениям в браке.

Эти требования, выдвигаемые во время выступлений феминистских организаций в 70-х гг., способствовали принятию в 1975 г. Закона о недопущении дискриминации по признаку пола (Sex Discrimination Act), который в равной мере защищал от гендерной дискриминации в сфере труда и женщин и мужчин. Кроме того, в нем различалась прямая и косвенная дискриминация [10]. Согласно закону учреждалась Комиссия по равным возможностям (Equal Opportunities Commission) — государственный орган с широкими компетенциями, включая право финансировать проведение мониторинга дискриминационных практик в трудовой сфере [2, с. 87]. Создание Комиссии по равным возможностям имело большое социальное значение, однако далеко не все ее рекомендации выполнялись [2, с. 88].

Несомненно, оба эти закона — о равной оплате труда и недопущении дискриминации по признаку пола — были большим шагом вперед, однако критиковались феминистками за то, что применялись в равной мере как к женщинам, так и к мужчинам. Женщинам же, в силу того что они долгое время находились в менее выгодном по сравнению с мужчинами положении, нужны были дополнительные условия, т. е. «позитивная дискриминация».

Таким образом, социальная политика и консервативного, и лейбористского кабинетов, положившая начало политике гендерного равенства, обуславливалась рядом факторов:

- завершением создания государства всеобщего благосостояния, предполагавшего определенное социальное равенство;
- возрастанием доли женского труда на рынке рабочей силы;
- деятельностью феминистских организаций второй волны в начале 1970-х гг., требовавших от правительства более решительных действий по улучшению положения женщин.

Принятие этих законов послужило платформой для дальнейших требований.

Что касается самого движения, то в период конца 1960-х — начала 1970-х гг. оно набирает обороты, становясь более многочисленным. Несмотря на то что женское движение второй волны феминизма было менее организовано, чем первой, что приводило к серьезным противоречиям внутри него и влияло на его эффективность, оно просуществовало до конца 80-х гг. и внесло свой вклад в совершенствование законодательной базы политики гендерного равенства.

Библиографический список

1. Ильичева М. Б. Британская семья в 1950—1980-х годах : традиции и перемены. Мурманск : МГПУ, 2009. 128 с.
2. Степанова Н. М. Механизм гендерного равенства в Великобритании // Гендерное равенство в современном мире / отв. ред. и сост. О. А. Воронина. М. : МАКС Пресс, 2008. С. 87—105.
3. Abortion Act, 1967. URL: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1967/87/introduction> (дата обращения: 06.09.2012).
4. Abortion Bill (House of Lords). Hansard Debates, 28 February 1966. URL: http://hansard.millbanksystems.com/lords/1966/feb/28/abortion-bill-hl#S5LV0273P0_19660228_HOL_229 (дата обращения: 28.05.2013).

5. *Brook St.* Abortion law reform, 1929—68 // *The Abortion Act, 1967 : Materials of the Seminar Held 10 July 2001 in the School of Advanced Study, University of London.* London, 2002. P. 15—20.
6. *Equal Pay Act, 1970.* URL: http://www.opsi.gov.uk/acts/acts1970/pdf/ukpga_19700041_en.pdf (дата обращения: 12.05.2012).
7. *Ford Machinists' Strike, 1968 : an Inspiring Demand for Women's Rights.* URL: <http://www.socialistworker.co.uk/art.php?id=15057> (дата обращения: 11.05.2012).
8. *Hastings S.* The Equal Pay Act : Its Impact on Collective Bargaining, Grading and Pay. URL: <http://www.unionhistory.info/equalpay/roaddisplay.php?irn=706> (дата обращения: 10.11.2012).
9. *History of UK Abortion Law.* URL: http://www.efc.org.uk/young_people/facts_about_abortion/history_of_uk_abortion_law.html (дата обращения: 04.09.2012).
10. *Sex Discrimination Act, 1975.* URL: http://www.equalityhumanrights.com/uploaded_files/sex_discrimination_act_1975.pdf (дата обращения: 05.05.2010).
11. *Sorrentino C.* International Comparisons of Labor Force Participation, 1960—1981. URL: <http://stat.bls.gov/opub/mlr/1983/02/art3full.pdf>. (дата обращения: 02.10.2012).
12. *Walz M.* Fighting for Equality : the Women's Liberation Movement in England, 1968—1971 (1982). Women's Library (London).

АННОТАЦИИ

***Клецина И. С.* Современное состояние и перспективы исследований гендерных отношений в сфере социологического и психологического знания**

Проанализированы основные публикации отечественных социологов и психологов по проблеме гендерных отношений за период с конца 90-х гг. XX в. до настоящего времени. Для анализа использованы такие параметры, как сущностные характеристики и структура гендерных отношений, виды и уровни проявления, динамика и диагностика.

Определены перспективные тенденции исследования гендерных отношений в русле социологического и психологического знания.

Ключевые слова: гендерные отношения, гендерное неравенство, субъекты гендерных отношений, гендерные роли, гендерные характеристики, статусные позиции женщин и мужчин, уровни анализа гендерных отношений.

***Чернова Ж. В., Шпаковская Л. Л.* Дискурсивные модели современного российского родительства**

Реконструируется смысловое поле современного российского родительства. На материалах эмпирического исследования выделяются идеал-типические модели родительства: родительство как репродукция, как подтверждение гендерной нормативной роли, как обязанность, как один из жизненных проектов, как сфера самореализации. Представлены основные содержательные характеристики каждой из реконструированных моделей.

Ключевые слова: родительство, дискурсивные модели, семья, идеал заботы.

***Аксенова М. Н.* Эволюция репродуктивного поведения сельских женщин Красноярского края в 1960—1980-х гг.: опыт когортного анализа**

Исследуется изменение репродуктивного поведения когорт сельских женщин Красноярского края в период завершающего этапа модернизации рождаемости (1960—1980-е гг.) в контексте перехода сельского населения края к малодетности и уменьшения показателей рождаемости в целом.

Ключевые слова: репродуктивное поведение, рождаемость, сельские женщины, когорты, демографическая модернизация.

***Задворнова Ю. С.* Тенденции трансформации гендерных ролей в современной российской семье**

Анализируются модели распределения гендерных ролей в семье. На материалах авторского социологического исследования, проведенного в Ивановской области, изучены особенности разделения гендерных ролей между супругами в современной провинциальной российской семье.

Ключевые слова: модель распределения гендерных ролей в семье, патриархальная модель, неопатриархальная/спонсорская модель, советская модель, бикарьерная модель, эгалитарная модель.

Сизова И. Л. Ищущие работу женщины на российском рынке труда

Статья посвящена изложению основных выводов, сделанных по итогам многолетних авторских исследований безработных. Особое внимание уделено проблемам, с которыми сталкиваются женщины, состоящие на учете в службе занятости населения, и недооценке важности инструментов гендерно-специфического регулирования занятости и социальной защиты трудящихся в современной государственной политике.

Ключевые слова: женщины, безработные, ищущие работу, уязвимость, рынок труда, регулирование трудовых отношений, социальная защита трудящихся, трудовой потенциал страны.

Шайдакова Н. В. Гендерные аспекты психологии потребительского поведения: анализ женского «демонстративного потребления»

Рассматриваются основные направления развития экономической психологии в XX—XXI вв. Особое внимание уделено социально-психологическим аспектам потребления в зарубежных и российских психологических исследованиях. Представлены результаты анализа потребительского поведения женщин в контексте «демонстративного потребления». Согласно результатам исследования женщины при выборе одежды (нижнего белья) в большей степени ориентированы на презентацию собственного социального статуса, нежели на сексуальную привлекательность.

Ключевые слова: гендер, показное потребление, экономическая психология, социально-психологические аспекты потребления.

Сухова А. Н. Гендерные различия в адаптации иностранных студентов: теоретические и практические аспекты

Рассматриваются теоретические и практические аспекты адаптационного процесса иностранных студентов в контексте их гендерной принадлежности. Способность «новичков» адаптироваться к социальной, культурной и академической среде, а также преодолевать трудности адаптации — предмет данной статьи.

Ключевые слова: гендер, иностранные студенты, социальная, культурная и академическая адаптация за границей, социокультурная компетенция, проблемные ситуации.

Марасанова В. М., Албегова И. Ф., Шаматонova Г. Л. Женщины и профессионально-политические организации в Ярославской губернии на рубеже XIX—XX вв.

Рассматривается процесс перехода женщин в провинции от благотворительной деятельности к созданию культурно-просветительских организаций. Анализируется их участие в политических партиях Ярославской губернии на примере партий эсеров (С. Г. Хренкова), РСДРП (О. А. Варенцова, сестры Дидрикуль и др.), кадетов (А. В. Тыркова-Вильямс), Союз русского народа (М. Д. Кацаурова). Описывается деятельность Союза равноправия женщин и Общества взаимопомощи женщин и участие работниц промышленных предприятий в профессиональных союзах и протестном движении (стачки, митинги, демонстрации, распространение газет и прокламаций оппозиционных партий). Показано, что начало XX столетия стало временем развития женского самосознания и женской инициативы, а также дало некоторым женщинам опыт активной политической деятельности.

Ключевые слова: женщины, права, профессионально-политические организации, Ярославль.

Козлова Н. Н. Гендерные аспекты социально-политических взглядов К. П. Победоносцева

Проводится гендерный анализ политических идей К. П. Победоносцева. Автор выявляет принципы изоморфности семейного и политического порядка, построенного на андроцентризме и патриархальности, раскрывает роль православного мировоззрения в понимании Победоносцевым женских ролей, связанных исключительно с частной сферой.

Ключевые слова: гендер, андроцентризм, патриархальный порядок, консерватизм, православие.

Соловьев А. А. Библиотечно-просветительские инициативы жен фабрикантов Верхнего Поволжья в конце XIX — начале XX в.

Статья посвящена истории возникновения бесплатных библиотек, созданных на средства фабрикантов Верхнего Поволжья (на примере Владимирской и Костромской губерний). Автор рассматривает основные показатели работы библиотек и анализирует их необходимость и влияние на местное городское и сельское население. Показана роль жен фабрикантов в просвещении рабочих.

Ключевые слова: жены фабрикантов, просветительская деятельность, фабричные библиотеки, история библиотек, Верхнее Поволжье.

Морозов С. Д. Заболеваемость и смертность мужчин и женщин России в 1990-х гг.

Рассматриваются общие демографические процессы населения России в 1990-х гг. в контексте социально-экономической жизни страны, а также заболеваемость и смертность мужчин и женщин по разным возрастным группам.

Ключевые слова: Россия, 1990-е гг., мужчины, женщины, заболеваемость, смертность, продолжительность жизни, демография.

Колесникова А. Л. Женское освободительное движение в Великобритании конца 1960-х — начала 1970-х гг. и гендерная политика

Рассматриваются становление женского освободительного движения в Великобритании в конце 1960-х — начале 1970-х гг. XX в., деятельность первых феминистских групп, гендерные аспекты социальной политики Великобритании. Проводится анализ законодательной базы политики гендерного равенства.

Ключевые слова: женское освободительное движение Великобритании, гендерная политика, гендерное равенство, социальная политика.

SUMMARIES

***Kletsina I. S.* The current state and prospects for gender relations research in sociology and psychology**

The analysis of major publications in gender relations of Russian sociologists and psychologists (from the end of 1990s up to the present) is suggested. The following parameters were used for analysis: meaning and structure of gender relations, types and levels of their manifestation, dynamics and diagnostics.

Prospective routs for gender relations research in sociology and psychology are determined.

Key words: gender relations, gender inequality, the subjects of gender relations, gender roles, gender characteristics, status positions of women and men, gender relationship analysis levels.

***Chernova Zh. V., Shpakovskaya L. L.* Discursive models of Russian modern parenthood**

The article analyses the semantic field of Russian parenthood. Using the material of interviews with parents the authors reconstruct the following ideal-typical model of parenthood: reproduction, a confirmation of gender normative roles, a duty, a life project, a sphere of self-realization. The paper presents the main characteristics of each reconstructed model.

Key words: parenthood, discursive models, family, ideal of care.

***Axenova M. N.* Evolution of reproductive behavior of rural women (Krasnoyarsk Territory, 1960—1980): the experience of cohort analysis**

We studied the evolution of reproductive behavior of rural women cohorts in Krasnoyarsk Territory in the period of final birth rate modernization (1960—1980) in the context of the transformation of rural population to the decrease of birth rate.

Key words: reproductive behavior, birth rate, rural women, cohort, demographic modernization.

***Zadvornova Yu. S.* Tendencies of transformation of gender roles in modern Russian family**

Models of distribution of gender roles in family are analyzed. On the materials of author's sociological research made in families of the Ivanovo region, characteristics of separation of gender roles between spouses in modern provincial Russian family are investigated.

Key words: model of separation of gender roles in family, the patriarchy model, the neopatriarchy/sponsorship model, the soviet model, the bicareer model, the egalitarian model.

***Sizova I. L.* Job seekers women in Russian labour market**

This report contains the main results of the author's investigations of the «job seekers» category. A special attention is given to the problem of involving the unemployed women in work and to the evaluation of risks in the state policy of the social and working relations regulation.

Key words: women, unemployed, job seekers, vulnerability, labour market, social and working relations regulation, labour potential of the country.

***Shaidakova N. V.* Gender aspects of psychology of consumer behavior: women «conspicuous consumption» analysis**

The main concepts of economic psychology of the XX— the XI centuries are presented in this paper. Social-psychological aspects of study of consumer behavior in foreign and Russian psychological studies are intimately examined. The results of study of women's consumer behavior in the context of «conspicuous consumption» are presented. According to the results of the research, women concentrate on the presentation of their social status rather than sexual attractiveness while choosing clothes.

Key words: gender, conspicuous consumption, economic psychology, social-psychological aspects of consumption.

***Sukhova A. N.* Gender differences in the adaptation of foreign students: theoretical and practical aspects**

The article deals with the theoretical and practical knowledge concerning the specifics of adaptation of the foreign students abroad in the context of their gender. The ability of new-comers to adapt to the social, cultural and academic environment and overcome problem situations are being considered.

Key words: gender, foreign students, social, cultural and academic adaptation abroad, sociocultural competence, problem situations.

***Marasanova V. M., Albegova I. F., Shamatonova G. L.* Women and professional and political organizations in the Yaroslavl province at the boundary of the XIX — XX cc.**

The process of women's transition from charity to creation of cultural and educational organizations in the province is considered in the article. Women's participation in political parties of the Yaroslavl province on the example of Esers party (S. G. Hrenkova), RSDLP (O. A. Varentsova, sisters Didrikil, etc.), Kadets (A. V. Tyrkova-Williams), the Union of Russian people (M. D. Katsaurova) is analyzed. Activity of the Union of equality of women and Society of mutual aid of women and participation of women-workers of the industrial enterprises in trade unions and protest movement (strikes, meetings, demonstrations, distribution of newspapers and leaflets of opposition parties) are described. It is shown that the beginning of the XX c. was the time of development of female consciousness and female initiative, and also gave some women experience of active political involvement.

Key words: women, rights, professional and political organizations, Yaroslavl.

***Kozlova N. N.* Gender aspects of social and political views of K. P. Pobedonostsev**

The article presents a gender analysis of political ideas of K. P. Pobedonostsev.

The author identifies principles of isonomy of family and political order based on androcentrism and patriarchy.

The role of the Orthodox worldview in the understanding of women's roles which Pobedonostsev related solely to the private sphere is revealed.

Key words: gender, androcentrism, patriarchal order, conservatism, orthodoxy.

Soloviev A. A. Library-elucidative initiatives of wives of manufacturers of the Upper Volga region in the late XIX — the early XX c.

The article is devoted to the history of origin of the factory libraries created by means of manufacturers of the Upper Volga region (on the example of Vladimir and Kostroma provinces). The author considers the main statistical indicators of the reading rooms work and analyzes their necessity and influence on a local urban and rural population. The role of wives of the manufacturers in education of workers is shown.

Key words: wives of the manufacturers, elucidative activity, factory libraries, history of libraries, Upper Volga region.

Morozov S. D. Incidence and mortality of Russian men and women in the 1990th

In article the general demographic processes of the population of Russia in the 1990th in the context of social and economic life of the country as well as incidence and mortality of men and women of different age groups are considered.

Key words: Russia, the 1990th, men, women, incidence, mortality, life expectancy, demography.

Kolesnikova A. L. Women's liberation movement in the UK in the end of 1960s — beginning of 1970s and the UK gender policy

The article considers the first years of the women's liberation movement in the UK in the late 1960's — early 1970's of the XX century, the activity of the first feminist groups. In addition, the author examines the gender aspects of social policy of the UK and analyses the legal framework of gender equality policy.

Key words: women's liberation movement in the UK, gender policy, gender equality, social policy.

АВТОРЫ НОМЕРА

АКСЕНОВА Марина Николаевна	ассистент кафедры философии, Гуманитарный институт Сибирского федерального университета. marinaaxenova@ya.ru
АЛБЕГОВА Ирина Федоровна	доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой социальных технологий, Ярославский госу- дарственный университет им. П. Г. Демидова. alba50@yandex.ru
ЗАДВОРНОВА Юлия Сергеевна	аспирант кафедры общей социологии и феминологии, Ивановский государственный университет. yulia-zadvornova@mail.ru
КЛЕЦИНА Ирина Сергеевна	доктор психологических наук, профессор, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург). irinaklyotsina@mail.ru
КОЗЛОВА Наталья Николаевна	кандидат исторических наук, доцент кафедры политологии, Тверской государственный университет. n_s@pochta.ru
КОЛЕСНИКОВА Александра Леонидовна	аспирантка кафедры новой, новейшей истории и международных отношений, Ивановский государственный университет. alexkolesnikova@yandex.ru
МАРАСАНОВА Виктория Михайловна	доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой музеологии и краеведения, Ярославский государственный университет им. П. Г. Де- мидова. vmm@uniyar.ac.ru
МОРОЗОВ Сергей Дмитриевич	доктор исторических наук, профессор кафедры истории и философии, Пензенский государственный университет архитектуры и строительства. morozova4591@mail.ru
СИЗОВА Ирина Леонидовна	доктор социологических наук, профессор кафедры об- щей социологии и социальной работы, Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского. sizovai@mail.ru
СОЛОВЬЕВ Алексей Александрович	кандидат исторических наук, доцент кафедры гумани- тарных и социальных дисциплин, Ивановская государ- ственная сельскохозяйственная академия им. академика Д. К. Беляева. aleksey.s37@yandex.ru

Авторы номера

СУХОВА Анна Николаевна	аспирантка кафедры общей социологии и социальной работы, Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского. osinka.87@mail.ru
ЧЕРНОВА Жанна Владимировна	кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии, НИУ ВШЭ (Санкт-Петербург). chernova30@mail.ru
ШАЙДАКОВА Наталья Викторовна	аспирантка кафедры возрастной и педагогической психологии, Нижегородский государственный педагогический университет им. Козьмы Минина. natalia.kim1987@mail.ru
ШАМАТОНОВА Галина Леонидовна	кандидат политических наук, доцент кафедры социальных технологий, Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова. gshamatonova@mail.ru
ШПАКОВСКАЯ Лариса Леонидовна	кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии, НИУ ВШЭ (Санкт-Петербург). lara@eu.spb.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ГЕНДЕРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДИКА

- Клецина И. С.** Современное состояние и перспективы исследований гендерных отношений в сфере социологического и психологического знания 3

СОЦИОЛОГИЯ СЕМЬИ

- Чернова Ж. В., Шпаковская Л. Л.** Дискурсивные модели современного российского родительства 14
- Аксенова М. Н.** Эволюция репродуктивного поведения сельских женщин Красноярского края в 1960—1980-х гг.: опыт когортного анализа 26
- Задворнова Ю. С.** Тенденции трансформации гендерных ролей в современной российской семье 32

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ И ПСИХОЛОГИЯ

- Сизова И. Л.** Ищущие работу женщины на российском рынке труда 41
- Шайдакова Н. В.** Гендерные аспекты психологии потребительского поведения: анализ женского «демонстративного потребления» 49
- Сухова А. Н.** Гендерные различия в адаптации иностранных студентов: теоретические и практические аспекты 53

ПРОБЛЕМЫ ЖЕНСКОЙ И ГЕНДЕРНОЙ ИСТОРИИ

- Марасанова В. М., Албегова И. Ф., Шаматонова Г. Л.** Женщины и профессионально-политические организации в Ярославской губернии на рубеже XIX—XX вв. 60
- Козлова Н. Н.** Гендерные аспекты социально-политических взглядов К. П. Победоносцева 69
- Соловьев А. А.** Библиотечно-просветительские инициативы жен фабрикантов Верхнего Поволжья в конце XIX — начале XX в. 75
- Морозов С. Д.** Заболеваемость и смертность мужчин и женщин России в 1990-х гг. 85
- Колесникова А. Л.** Женское освободительное движение в Великобритании конца 1960-х — начала 1970-х гг. и гендерная политика 93
- Аннотации* 101
- Авторы номера* 107

CONTENTS

GENDER STUDIES: METHODOLOGY AND METHODS

Kletsina I. S. The current state and prospects for gender relations research in sociology and psychology	3
---	---

FAMILY SOCIOLOGY

Chernova Zh.V., Shpakovskaya L.L. Discursive models of Russian modern parenthood	14
Axenova M. N. Evolution of reproductive behavior of rural women (Krasnoyarsk Territory, 1960—1980): the experience of cohort analysis	26
Zadvornova Yu. S. Tendencies of transformation of gender roles in modern Russian family	32

ECONOMIC SOCIOLOGY AND PSYCHOLOGY

Sizova I. L. Job seekers women in Russian labour market	41
Shaidakova N. V. Gender aspects of psychology of consumer behavior: women «conspicuous consumption» analysis	49
Sukhova A. N. Gender differences in the adaptation of foreign students: theoretical and practical aspects	53

PROBLEMS OF FEMALE AND GENDER HISTORY

Marasanova V. M., Albegova I. F., Shamatonova G. L. Women and professional and political organizations in the Yaroslavl province at the boundary of the XIX—XX cc.	60
Kozlova N. N. Gender aspects of social and political views of K. P. Pobedonostsev .	69
Soloviev A. A. Library-elucidative initiatives of wives of manufacturers of the Upper Volga region in the late XIX — the early XX c.	75
Morozov S. D. Incidence and mortality of Russian men and women in the 1990th	85
Kolesnikova A. L. Women's Liberation Movement in the UK in the end of 1960s — beginning of 1970s and the UK Gender Policy	93

<i>Summaries</i>	104
<i>Authors of the issue</i>	107

УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ!

Журнал «Женщина в российском обществе» издается на базе Ивановского государственного университета и Российского межвузовского центра гендерных исследований с 1996 года. За более чем десять лет, прошедших с выхода первого номера, журнал зарекомендовал себя как серьезное научное издание, посвященное разработке методологии гендерных исследований, научному осмыслению эволюции социального статуса женщин и мужчин, их роли в общественном развитии России, методическому обеспечению курсов по гендерной проблематике. География авторов научных статей представляет все крупные регионы России от Москвы до Дальнего Востока. С 2008 года наш журнал включен в список ВАК.

Основные задачи журнала:

— способствовать институционализации гендерного образования в вузах России через создание научно-методической базы для чтения курсов по специальностям различного профиля;

— интегрировать научное сообщество, занимающееся разработкой гендерной проблематики и представляющее авторитетных и молодых ученых России, докторантов, аспирантов;

— предоставить право первой публикации новому поколению молодых ученых.

Журнал «Женщина в российском обществе» выходит ежеквартально, распространяется бесплатно по предварительным заявкам ученых и библиотек.

Надеемся, что вы проявите интерес к нашему изданию и пожелаете сотрудничать с нами. Будем рады видеть вас среди авторов журнала. Мы поместим ваши научные статьи, рецензии на монографии и диссертации, переводы, обзоры конференций по следующим направлениям:

- теория и методология гендерных исследований,
- гендерная социология,
- проблемы гендерного равенства в политическом процессе,
- гендерные аспекты труда и занятости,
- гендерная лингвистика,
- женщины и мужчины в истории,
- гендерная педагогика и гендерное образование,
- гендерная психология,
- женское движение: традиции и современность.

Приглашаем вас на сайт журнала (www.womaninrussia.ru), на форуме которого можно принять участие в обсуждении направлений издания и проблематики статей.

По всем вопросам, связанным с публикацией и оформлением заявки на получение журнала, можно обращаться по электронной почте: gafizovanb@mail.ru, kodina_inna@mail.ru, riabova2001@inbox.ru

С уважением

главный редактор журнала

«Женщина в российском обществе»,

доктор исторических наук, профессор

О. А. Хасбулатова

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

1. Материалы принимаются в электронном виде ответственным секретарем журнала.

Объем научных статей — 0,5 авт. л., т. е. 20 000 знаков с учетом пробелов (в исключительных случаях до 1 п. л.) в редакторе Microsoft Word шрифтом Times New Roman или Times New Roman Cyr, кегль 14.

2. Материал для журнала должен быть оформлен в такой последовательности: **ББК**; на русском и английском языках: **инициалы и фамилия автора, название материала**, для научных статей — **аннотация** объемом 10—15 строк и **ключевые слова; текст статьи** (сообщения).

3. Библиографические источники должны быть пронумерованы в алфавитном порядке, ссылки даются в тексте статьи в скобках в строгом соответствии с приставным списком литературы (к каждому пункту списка должен быть отсыл в тексте). Библиографическое описание литературных источников к статье оформляется в соответствии с ГОСТами 7.1—2003, 7.0.5—2008. В каждом пункте библиографического списка, составленного в алфавитном порядке (сначала произведения на русском языке, затем на иностранном), приводится одна работа. В выходных сведениях обязательно указание издательства и количества страниц, в ссылке на электронный ресурс — даты обращения.

4. Фотографии, прилагаемые к статье, должны быть черно-белыми, контрастными, рисунки — четкими.

5. В конце представленного материала следует указать фамилию, имя, отчество, ученую степень, звание, должность, адрес электронной почты (для публикации в журнале), а также полный почтовый адрес автора, его телефон (для рассылки журнала и взаимодействия с редакторами).

6. Направление в редакцию ранее опубликованных и принятых к печати в других изданиях работ не допускается.

7. Материал, представляемый к публикации в журнале, будет проходить научную экспертизу и публиковаться, если редакционный совет получит положительную рецензию.

8. Редакция оставляет за собой право осуществлять литературную правку и корректирование текстов статей.

9. Рукописи аспирантов публикуются бесплатно.

ЖЕНЩИНА В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Российский научный журнал

№ 2 (67) — 2013

Директор издательства *Л. В. Михеева*

Редактор *О. В. Боронина*

Компьютерная верстка *Т. Б. Земсковой*

Подписано в печать 21.06.2013 г. Формат 70х108 ¹/₁₆

Печать плоская. Бумага писчая. Усл. печ. л. 9,97. Уч.-изд. л. 7,9. Тираж 200 экз.

Издательство «Ивановский государственный университет»

✉ 153025 Иваново, ул. Ермака, 39 𐀄 (4932) 93-43-41

E-mail: publisher@ivanovo.ac.ru